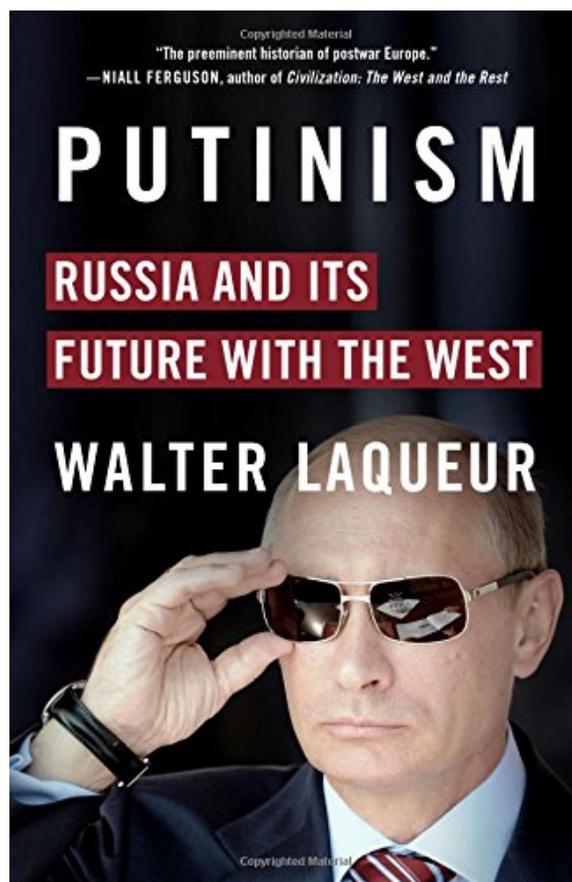

Уолтер Лакёр

ПУТИНИЗМ

Россия и ее будущее с Западом

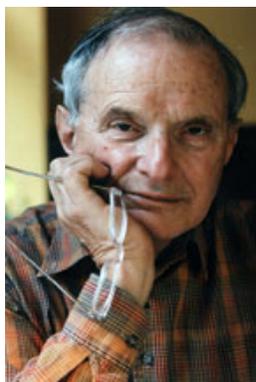

Издательство «Томас Данн Букс. Сент-Мартинс Пресс», Нью-Йорк, США, 2015.

О книге: Ветеран-историк Уолтер Лакёр десятилетиями мастерски предсказывал события в постсоветской России с удивительной точностью. В новой книге «Путинизм» он представляет на суд читателей новый и детальный взгляд на недавний поворот России к социальному и политическому консерватизму, вызвавший чрезвычайно большой интерес. Вместо того чтобы сосредоточиться лишь на вызвавшем в свой адрес жесткую, но подчас одностороннюю критику президенте России со стальными глазами, Лакёр исследует большую картину

российского общества. Он обоснованно показывает, что корни нынешней политики России кроются в комплексной группе взаимосвязанных социальных, культурных и исторических факторов, многие из которых происходят еще из досоветской эры. С помощью этой перспективы Лакёр раскрывает глубоко укоренившуюся и широко распространенную консервативную культуру. Покоящаяся на трех многолетних опорах российского общества – твердой вере в православную церковь, чувстве евразийского «явного предназначения» и чрезвычайно преувеличенном страхе перед чужеземными врагами – эта ограниченная реакционная идеология продолжает оказывать сильное влияние на население России. Понимание этих исторических тенденций является ключом к пониманию Путина, его политики, и той огромной народной поддержки, которую он получил в России.

Актуальная и провокационная книга «Путинизм» легко использует историю, чтобы проиллюстрировать то, что в действительности движет современной Россией. Глядя в будущее, Лакёр предупреждает, что американская тенденция рассматривать Россию как пережиток Холодной войны является опасной и преждевременной. Россия может и будет продолжать бросать вызов Западу, и именно поэтому в наших интересах точно выяснить, с кем мы имеем дело, и что именно они хотят, прежде чем отношения еще больше ухудшатся.

Об авторе: Уолтер (Вальтер) Лакёр – американский ученый, журналист и писатель, работавший также в Великобритании и Израиле. Родился 26 мая 1921 года в немецком городе Бреслау, Нижняя Силезия (ныне Вроцлав, Польша), по происхождению еврей. В 1938 году Лакёр уехал из Германии в Палестину. Его родители не смогли уехать и стали жертвами Холокоста. После окончания первого курса Еврейского университета в Иерусалиме он с 1939 по 1944 год работал в кибуце. В 1944 году переехал в Иерусалим, где до 1953 года работал журналистом. С 1955 года Уолтер Лакёр жил в Лондоне. С

1965 по 1994 год Лакёр занимал должность директора Института современной истории и Библиотеки Винера в Лондоне. Он совместно с Джорджем Моссом основал Журнал современной истории и исследований. Лакёр стал основателем и главным редактором «The Washington Papers». С 1969 года он был членом, а затем и председателем Совета по международным исследованиям (International Research Council) при Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне (Center for Strategic and International Studies, CSIS). Лакёр был профессором истории идей в Брандейском университете (1968—1972) и профессором Джорджтаунского университета (1976—1988). Его приглашали читать

лекции в университеты Гарварда, Чикаго, Тель-Авива и в Университет Джонса Хопкинса.

Всемирную известность Лакёр приобрел благодаря своим книгам. Основные работы Уолтера Лакёра связаны с историей Европы девятнадцатого и двадцатого века, историей России, Германии и Ближнего Востока. Он писал книги на темы немецкого молодёжного движения, сионизма, истории Израиля и особенно арабо-израильского конфликта, коммунизма, Холокоста, фашизма и других радикальных движений, секретных служб и Холодной войны. Уолтер Лакёр считается одним из основателей изучения политического насилия, партизанской войны и терроризма. Его комментарии по международным делам появлялись во многих американских и европейских газетах и журналах.

Лакёр – автор более двадцати пять книг и сотни статей. Его работы хвалили Генри Киссинджер, Збигнев Бжезинский, покойный Джеймс Шлезингер и многие другие ведущие фигуры в американской внешней политике.

*В память о двух из моих гуру:
Джордже Лихтгейме (1912-1973)
Гансе (Томе) Мейднере (1914-2001)*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Благодарности

Введение

1. Конец советской эры

 Перестройка

 После Горбачева

2. Кто управляет Россией?

 Олигархи

 Силовики

3. Опоры новой русской идеи

 Русская православная церковь

Ведущие мыслители российских правых

Евразийство

Российская геополитика

Конфабуляция?

4. Путин и путинизм

Путинизм

5. Сталин и падение Византийской империи

Падение империи

6. Демография

Российский ислам

Татарстан

Оппозиция

Государственная партия

7. Новая национальная доктрина

Возвращение к корням

Русская партия при Советах

Заново открытый Иван Ильин

8. Внешняя политика и нефтегосударство

Россия и европейские ультраправые

Россия и Китай

Ближнее зарубежье

Российская нефть

9. Источники будущих конфликтов

Идентичность России

Идея новой империи

Русофобия и западофобия (страх перед Западом)

Экономическое будущее

Лицо молодого поколения

Конфликты в Средней Азии

Эпилог: Камо грядеши, Россия?

Библиография

БЛАГОДАРНОСТИ

Мне нужно вернуться далеко в прошлое, чтобы упомянуть тех, кто помог мне понять Россию и ее народ. Мой интерес относится еще к временам моего детства, но об этом позже. Мое обучение в этой области было неполным и необычным. Когда я, семнадцатилетний студент, прибыл в Иерусалим, который в это время был в Палестине незадолго до начала Второй мировой войны, я отправился к одному и единственному там профессору истории, хорошему человеку и уроженцу моего родного города, выразив желание изучать российскую историю. Он спросил меня, прочитал ли я четыре тома истории Василия Ключевского. Мой ответ был положительным (что было только полуправдой), после чего он сказал, что, будучи экспертом по ранней средневековой английской истории, он ничем не мог бы мне помочь. Я присоединился к кибуцу, где два года спустя я однажды во время бритья сломал себе ногу, что было, как мне сказали, очень редким явлением в истории медицины. Я не мог ничего делать в течение почти двух месяцев. Когда в нашем коллективном поселении такое происходило с молодыми женщинами, то им давали штопать носки, но для молодых людей такой работы не было.

Соседка, мать моего товарища по поселку, госпожа Пикман, уроженка Николаева на побережье Черного моря, была учительницей и была счастлива найти себе ученика. Я с нею читал по-русски по многу часов в день. После одного месяца я уже мог читать «Правду», которая, как я думаю, в то время ограничила свой лексикон приблизительно восемьюстами или девятьюстами словами – так, чтобы миллионы могли ее читать. После двух месяцев я смог прочитать «Капитанскую дочку» Александра Пушкина. В последующие месяцы я нашел еще одну группу учителей. Будучи в то время конным полицейским, я проводил долгие ночи у походного костра в полях или на горе. Мои товарищи, большинство из которых были, по крайней мере, на двадцать лет старше меня, преимущественно уроженцы Сибири, некоторые из них – потомки христианских сектантских семей, перешедшие в иудаизм, научили меня разнообразным русским песням, главным образом о каторге и ссылке, многие из которых я помню по сей день. Эти люди приехали из небольших городков и поселков в Сибири с невероятными названиями, такими как Балаганск (слово «балаган» в русском языке озна-

чает состояние чрезвычайного беспорядка и путаницы). Они также обогатили мой словарь множеством слов и фраз, которые обычно нельзя найти в словарях.

В последующие годы я работал писателем и журналистом, но один из моих главных интересов все еще находился в области России. В 1956 году в Лондоне я стал основателем и редактором журнала «Soviet Survey» («Советское обозрение»), позже называвшегося просто «Survey», ежеквартального (позднее выходявшего дважды в месяц) издания, писавшего о политических и культурных тенденциях в Советском Союзе. Я познакомился с большинством людей, работающих в этой области в Соединенных Штатах и Соединенном Королевстве, но также и на европейском континенте. Потребовалось бы много времени и места, чтобы упомянуть их всех (они были моими учителями в то время), но я должен выбрать Джейн Деграс, которая очень помогла мне в моей ранней работе. Она работала в Институте Маркса-Энгельса-Ленина в Москве, но сменила место работы на Чэтем-Хаус (Королевский институт международных отношений) в Лондоне.

Я в 1950-х годах провел некоторое время в Гарвардском Русском центре, но не имел никакого формального образования. Я оставался с «Survey» на протяжении десятилетия, а затем перешел к другой работе, что привело меня в совсем другом направлении – к европейским и ближневосточным делам. Я совсем не сожалел об этом, потому что я думал о России то же самое, что Киплинг писал об Англии: Что вы знаете о России, если знаете одну только Россию?

Все эти годы я страдал от одного очевидного недостатка. Я читал о России, я говорил с русскими, но сам я никогда не был в этой стране. Этому предстояло вскоре измениться. Родители Наоми, моей покойной жены, жили на курорте на Северном Кавказе. Ее отец был профессором медицины во Франкфурте, специализирующимся на истории и философии медицины. Ему пришлось довольно быстро уехать из Германии в 1936 году, и единственной страной, которая захотела взять его, был Советский Союз. Он был совершенно аполитичным человеком, и поэтому был очень удивлен и даже шокирован, когда он прибыл в Москву, и все там делали вид, будто никогда даже не слышали о главе Наркомздрава (министерства здравоохранения), о его заместителе, и о других, кто пригласил его. В конце концов, секретарь сжалась над изумленным иностранцем и сказала ему, чтобы он, во-первых, убрался из Москвы так далеко, как он только мог (это были дни чисток и Московских процессов), и, во-вторых, даже не пытался изучать местный язык. Он последовал этому совету и оказался со своей семьей на одном из курортов Северного Кавказа. Мы впервые поехали к ним в гости в 1950-х, и затем некоторое время мы посещали их почти каждый год. Тогда было нелегко получить визу в Россию, особенно для посещений вне

Москвы. Я не очень верил в нашу удачу, боясь, что однажды кто-то попросит нас заплатить за эту привилегию. Но этот день так никогда и не наступил; они, возможно, никогда не слышали о журнале «Survey» или обо мне. Это дало мне урок относительно России и бюрократии вообще: никогда не следует недооценивать роль случайности, и никогда не нужно предполагать, что левая рука знает о том, что делает правая.

Я более подробно описал эту главу моей жизни в моей автобиографии («Ребенку четверга пришлось уехать далеко»), и не хочу здесь повторяться. Я полюбил Кавказ (в то время он был Швейцарией без туристов), и эти частые посещения и долговременные пребывания дали мне такое понимание и знания, которых не было у большинства посетителей и туристов; мы, кажется, на протяжении многих лет были среди первых иностранных гостей в этих местах. Фридрих Рихардович, мой шурин, был превосходным гидом.

Однако однажды, когда мы двигались по горам, пришло разочарование. Это было в раннюю эру Леонида Брежнева, и мне в голову пришло, что если в минувшие годы Россия была очень интересна, потому что там могло произойти почти все что угодно, то теперь она вошла в период стабильности или, скорее, неподвижности (русские называли это застоєм). В отношении того, что интересовало меня, Россия стала скучной, и я уже изучил то, что я мог узнать в этих условиях, и потому для меня пришло время заняться другими вопросами.

После этого я занимался всеми этими другими вопросами в течение следующих двадцати лет, пока внезапно, при Михаиле Горбачеве, история снова не начала двигаться очень быстро, забрезжил новый период перемен, и события в России стали захватывающе интересными. Это совпало с моим сильным желанием профессиональных перемен. Я преподавал в Соединенных Штатах, но не имел никакого желания заниматься этим полный рабочий день; я оставил Лондонский Институт, который я возглавлял, в компетентных руках. Мы переехали в Вашингтон, округ Колумбия, и я был очень благодарен послу Дэвиду Абширу, главе Центра стратегических и международных исследований в этом городе за то, что он более или менее позволял мне делать то, что я хотел. Большая часть моей работы имела отношение к России и людям в правительстве, академическом мире и в других местах, и я следил за событиями там.

Но где искать ранние истоки моего интереса к России? Это еще одна странная история. Когда я был еще мальчиком, мои родители рассказали мне, что один из моих предков был врачом российской императрицы. Они не уточнили, какой именно императрицы. Я даже в том раннем возрасте отмахнулся от этой истории как от чистой выдумки. Но много лет спустя мой интерес внезапно пробудился

вновь. Я начал свои исследования, и выяснилось следующее: эта история не была полностью правдивой, но она не была и полной неправдой: как так часто случается с такими семейными легендами, в ней было зерно правды.

Приблизительно в 1800 году моя семья жила в небольшом местечке в Силезии. Мой прапрадед был раввином и в свое свободное время писал непримечательные стихи на иврите. Его брат Мориц (родившийся в 1787 году) хотел изучать медицину, но это было невозможно, потому что семья была очень бедной. Однажды появился некий миссионер и сделал Морицу предложение, от которого тот не мог отказаться. Ему предложили деньги на учебу, если он перейдет в протестантство. Он так и сделал, и через несколько лет он получил высшее образование в медицине (и риторике; медицина, очевидно, не занимала все время его учебы) в университете Дерпта (теперь Тарту) в нынешней Эстонии. Работа, которую он получил, была не очень увлекательной. Он стал начальником карантинной станции в Таганроге, русском городе на Черном море. Мориц превратился в Бориса, и так как в русском языке нет «умляутов», его фамилия теперь писалась как Лакиер (Lakier). Это было бы рутинной и бесперспективной работой, но произошло неожиданное: царь (Александр I) посетил южную Россию, приехал в Таганрог и умер там в 1825 году. Тогдашнее правительство боялось (справедливо, как оказалось) слухов о возможном убийстве и поэтому постаралось привлечь как можно больше врачей, чтобы те подписали свидетельство о смерти. Борис, как иностранец, особенно хорошо подходил для этого, и его имя появилось на свидетельстве о смерти. Это означало, что он стал дворянином, принадлежа, к сожалению, к безземельному дворянству. Его семья переехала в Москву, и из его трех сыновей самым интересным для меня был Александр Борисович (1825-1870). Он был в свое время известным писателем, автором одной из первых серьезных больших русских книг о Соединенных Штатах (она была издана на английском языке издательством Чикагского университета спустя более ста лет после того, как появилась на русском языке). До этого он был секретарем правительственного комитета, занимавшегося освобождением русского крестьянства от все еще преобладавшей формы крепостничества. Он был также автором первой русской книги о геральдике (переизданной в Москве несколько лет назад) и создал довольно несуразный герб семьи Лакиер, который можно найти в Интернете. Он женился на дочери П. А. Плетнева, друга Пушкина и ректора Санкт-Петербургского государственного университета. Эта дама умерла во время родов. Спустя много лет он женился снова, на сей раз на даме из клана Комнино-Варвацци в Таганроге. Антон Чехов, уроженец Таганрога, писал, что в его родном городе тогда жили только три или четыре честных человека. Я уверен, что мой дядя, родственник в третьем поколении, был среди них. Семья Комнин была царским домом Византии. Так я оказался (хотя и очень отдаленным) родственником всех видов исторических фигур, некоторые из кото-

рых были достойными и интересными людьми, а другие – с сомнительной репутацией.

Однако была небольшая проблема: Борис, доктор и магистр риторики, после своего прибытия в Россию счел необходимым создать для себя «легенду», как это называется в мире разведывательных служб. Согласно этой версии, он не родился как еврей в Силезии, который, будучи женатым, оставил там дочь; его происхождение якобы было чисто французским и аристократическим. Они были родом из Тулузы, и он якобы попал в Россию с армией Наполеона. Я могу понять потребность в невероятной истории такого рода в тогдашней России, но ему все равно следовало бы придумать что-то более правдоподобное, потому что в эту его историю не особо верили. Он умер в Москве и похоронен на кладбище для иноплеменных религий. Я встречался с некоторыми из его потомков.

Вот такими были русские связи моей семьи.

Возможно, не было ни одного лучшего научного ассистента, чем Кристофер Уолл.

Я благодарен Дэвиду Боггису и Майклу Аллену, так же, как Джошуа Кляйну и Ирен Ласоте, за помощь с редактированием этой книги, а также Мише Эпштейну и Михаэлю Хагемейстеру, которые помогли мне понять определенные отдельные моменты. Само собой разумеется, что выраженные в этой книге мнения являются моими собственными.

Литература о современной России на русском и английском языке очень разрослась за последние годы, и некоторые из существенных источников перечислены в библиографии в конце этой книги. Количество соответствующих сайтов в Интернете увеличивается еще быстрее и стало уже почти не поддающимся обработке. «Russia List» Джонсона и «Window on Eurasia» Пола Гобла, публикующиеся ежедневно, оказали особую помощь в том, что касается доступа. Российские интернет-сайты, которых слишком много, чтобы перечислить их все, также были очень полезны.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга является попыткой оценить перспективы будущего России и прежде всего возникающей «русской идеи» (идеологии или доктрины), заменяющей коммунизм. Такая попытка включает различные сценарии, одни из которых более вероятны, чем другие. К сожалению, довольно часто как раз менее вероят-

ные сценарии и оказывались реальностью – или даже некоторые из них, которые казались настолько диковинными, что никто не смел упоминать их (или делал так на основе ошибочных предположений).

Из последних полудюжины лидеров, выбранных управлять Советским Союзом и Россией, все, кроме последнего, не были большим сюрпризом. Все были членами Политбюро, главного руководящего органа: всегда можно было предположить, что какой-то член этого органа станет следующим руководителем страны. Выбор Владимира Путина был намного более случайным, но политика, которую он преследовал, случайной отнюдь не была. Наблюдатели российской сцены утверждали, что приход к власти Путина можно было бы предотвратить, возможно, под влиянием одной из не особо впечатляющих пьес Бертольда Брехта, написанной во времена нацистов об Артуро Уи, торговце цветной капустой, приход которого к власти можно было предотвратить. Но доказательства таких утверждений являются не очень убедительными. Правда, после пагубных и хаотичных лет Ельцина могло, в принципе, произойти почти все что угодно. Но, учитывая все то, что было известно о российской истории и традициях и о текущих советских делах, появление националистической автократии было даже в 1990-х годах намного более вероятным, чем любое другое развитие. (Уолтер Лакёр, «Далекий путь к свободе», Нью-Йорк, 1989).

Некоторые экономисты писали, что нефтяное и газовое процветание может составлять только половину российского национального дохода в эру Путина. Это тоже верно, но нефтяной и газовый доход был решающим, он в значительной степени нес ответственность за рост экономики вообще, за различные социальные и политические схемы, инициированные правительством Путина, из чего извлекло выгоду население, и, не в последнюю очередь, за внешнюю и военную политику Путина в 2014-2015 годах. В настоящее время выбор следующего лидера или группы руководства, вероятно, окажется трудным, потому что никакого Политбюро больше нет.

Кажется очевидным предсказать, что преемник Путина будет проводить ту же самую или подобную политику, как внутри страны, так и за границей. Маловероятно, что он будет более умеренным. Но никаких несомненных фактов здесь не существует. Многое зависит от ситуации, которая будет преобладать в это время в России и за ее пределами. Многое может зависеть от силы или слабости преемника, наличия (или отсутствия) конкурента (или конкурентов). Возможно, будет борьба за власть нескольких кандидатов.

Чтобы развивать дискуссию в соответствии с этими линиями, необходимо тщательно изучить знакомую почву, резюмировать (или попытаться интерпретиро-

вать) события, которые произошли, начиная с падения Советского Союза: взлет Михаила Горбачева и других отцов гласности и перестройки, эру Бориса Ельцина и Путина.

Более двадцати лет назад, в исследовании крайне правых в России («Черная сотня»), я попытался, как я выразился в то время, «сделать различие между понятной обеспокоенностью русского патриотизма и патологическими фантазиями крайне правых». Я также сказал, что в нынешнем опасном положении России «правые твердо придерживаются своей веры, что время работает на нас, и что их амбиция – восстановить позицию России как мировой сверхдержавы». Кроме того, «крайне правые будут играть важную роль в ближайшие годы». Я несколько раз упоминал Пушкина, но фамилия Путина не появилась в этой книге. Собственно, он не упоминался ни в одной книге, известной мне тогда. С другой стороны, я в ней достаточно подробно занялся Александром Дугиным – его имя в то время еще не было известно всем и каждому. Но есть истинный искренний патриотизм и «квасной» патриотизм, который отвергали и высмеивали как пустой и бессмысленный ведущие российские мыслители девятнадцатого века, такие как Белинский.

Что я понимал под фразой «понятная обеспокоенность России»? Как раз это: попытку вернуть, по крайней мере, часть из того, что было потеряно. Я не особо горжусь этим подвигом пророчества. Но мне даже теперь трудно понять оптимизм многих относительно перспектив демократии и свободы в России. Наиболее вероятно это было принятием желаемого за действительное, удовлетворением от того, что Холодная война, наконец, закончилась, и мы могли посвятить наше время, энергию и ресурсы действительно важным задачам, стоящим перед нами дома. Учитывая историю России, какие основания были для такого оптимизма?

Казалось очевидным, что Россия попытается вернуть свой статус мировой державы, как только возникнут условия, позволяющие ей сделать это. В конце концов, Германия была побеждена в Первой мировой войне и должна была страдать от последствий этого поражения, но все же уже через пятнадцать лет она вернулась как ведущая держава. Такие возвращения неоднократно происходили в истории, и с большой вероятностью они будут происходить и в будущем снова и снова.

Казалось так же очевидным, что общая тенденция поиска русскими новой доктрины и миссии привела бы к правому авторитаризму, хотя я должен сознаться, что я не предполагал, что это зайдет так далеко и произойдет так быстро. Поясню эту мысль: Россия в настоящее время – диктатура с большой народной

поддержкой, но я не думаю, что заклинания о фашизме здесь могут быть очень полезны. И при этом я не думаю, что Россия, вероятно, достигнет этой стадии в ближайшем будущем. Сравнения с «клерикальными» фашистскими режимами в Европе 1930-х годов, с Испанией Франсиско Франко, или с некоторыми диктатурами в развивающихся странах после Второй мировой войны кажутся более подходящими.

Но Россия далеко прошла в этом направлении. Как далеко она еще пойдет?

Я счел странным, даже смешным, что левые вне России едва ли знали об идеологических и политических изменениях в России и продолжают думать о России как о левой до некоторой степени стране. Возможно, это связано с тем фактом, что дистанцию между популизмом левых и популизмом правых стало трудно определить. В чем разница между современным российским коммунизмом и партией Владимира Жириновского? Начиная с того, что обе партии голосуют за правительство по всем важным проблемам, в России нет никакой истинной политической оппозиции. Иногда кажется, что даже интеллигенция в России исчезла. Крайне правые в Европе намного быстрее поняли изменения в России и соответственно приспособили свою пропаганду и политику.

В этой книге я исследую новую доктрину, постепенно появляющуюся в России. Большинство стран, даже большинство великих держав, могут существовать без доктрины и миссии или явного предназначения, но не Россия. У ее доктрины или идеологии есть несколько компонентов: религия (доктрина православной церкви, священной миссии России, Третьего Рима и Нового Иерусалима), патриотизм/национализм (иногда со склонностями к шовинизму), российский стиль геополитики, евразийство, менталитет осажденной крепости, и западофобия (страх перед Западом, созданный философом-идеологом Николаем Данилевским как западничество, «вестернизм»). Исследователи ранней российской литературы знают, что вера в уникальность России восходит практически к ее истокам; первые писатели (часто купцы), которые были за границей, возвращались оттуда с убеждением в том, что «Русь» уникальна, ни с чем не сравнима. Это касается, например, Афанасия Никитина, купца из Твери, который прибыл в Индию задолго до Васко да Гамы; Нестора Искандера, писавшего о падении Константинополя; и Максима Максимуса, монаха с Горы Афон, который был приглашен в Россию и обосновался там. Далее, это убеждение обычно соединялось с другой верой – с подозрением в русофобии, уверенностью в том, что все иностранцы были против России. (Такие страхи отнюдь не были специфически русским явлением; в самых первых статьях, где в 1830-х годах упоминается американское явное предназначение (*manifest destiny*), мы также находим ссылки на утверждение, что практически все иностранцы были враждебны по

отношению к Соединенным Штатам.) Почему это должно было быть так, неясно, потому что отношение внешнего мира к России при Иване III и Иване IV Грозном было отношением не враждебности, а скорее отсутствия глубокого интереса.

Корни русского мессианства, веры в особую миссию, полученную от Бога, уходят глубоко. Они, конечно, существовали и в других странах, особенно в девятнадцатом веке; но в большинстве случаев такая вера была мимолетной фазой, тогда как в России она сохранилась даже после славянофилов, самых рьяных сторонников такого рода миссии. Поэтому не должно вызывать удивление, что политическое мессианство получило свое светское возрождение в советский период, и что оно снова вынырнуло на поверхность в наше время как часть поиска новой русской идеи.

До некоторой степени этот поиск новой идеологии означает возвращение к статус-кво перед революцией 1917 года, хотя с определенными важными изменениями, учитывая, что 2014-2015 годы не походят на 1914 год. Такое драматичное возвращение обязательно должно возродить много болезненных тем. Например, то, что Лев Троцкий был злом, это само собой разумеется; он был евреем, интернационалистом, и то, что он сделал, принесло России вред. Владимир Ленин, хотя, возможно, немного лучше, тоже был отрицательной силой. Победа красных в Гражданской войне была бедствием; Александр Колчак, Петр Врангель и Антон Деникин должны быть реабилитированы – процесс, который уже происходил в действительности.

Но с другой стороны нельзя было порочить Иосифа Сталина. Это был тяжелый период; Сталин предпринимал меры, которые не могут быть оправданы, но он также сделал Россию больше и более сильной, и поэтому он был положительной силой. Но как защитить Сталина от нападений «либералов», с учетом того, что он был так близок к Ленину?

Эти исторические проблемы, вероятно, лучше всего игнорировать или, по крайней мере, не придавать им большого значения. Через двадцать или пятьдесят лет они больше не будут играть заметную роль.

Религия, или, вернее, православная церковь, очень важна для любой идеологической переориентации. Уже задолго до 1917 года престиж церкви был низок. Интеллигенция, возможно, сохраняла интерес к религии, но не к церкви. Отдельными священниками восхищались и даже любили их, но глупость, продажность, и низкие моральные стандарты большей части духовенства вызвали значительное презрение. При коммунистическом правлении церковь страдала.

Церкви были закрыты, верующих подвергали нападкам, а священников бросали в тюрьмы, ссылали и даже убивали. **[Прим. ред. ВС: Гонения на церковь сильно преувеличены. См. книгу Андрея Купцова [«Миф о гонениях на церковь»](#).]**

Церковь действительно выжила, но должна была заплатить за это высокую цену; она почти полностью была пропитана тайной полицией, и фактически поглощена и интегрирована в ГПУ/НКВД/КГБ. Все назначения на важные посты в церковной иерархии должны были быть одобрены этими органами, а иногда даже Политбюро. Многие священники, даже на самых высоких уровнях, стали информаторами.

Если оглянуться назад, можно сказать, что эти «компромиссы» позволили церкви выжить, тогда как те, кто преследовал ее, не выжили. Но разве выживание организованной церкви являлось ее высшей целью? Они, конечно, поступали не так, как мученики более ранних периодов церковной истории.

Церковь согрешила. Но после падения коммунизма, она признала свои грехи и стремилась считать эту главу своей истории закрытой. Церкви были вновь открыты, деятельность церкви возобновлена, и новые правители рассматривали церковь как существенную, даже центральную, часть нового порядка. С этим возникли новые вопросы. Насколько близкими должны быть отношения между церковью и государством? Какое евангелие проповедовала новорожденная церковь? Часто утверждалось, что ее духовные ценности были универсальными, всемирными, но на самом деле это была государственная церковь. Перед революцией она была, вероятно, ближе к государству, чем церковь в любой другой стране. Религиозный человек должен был быть патриотом, а как должен был вести себя патриот – это решало правительство. Но эта близость не была благом, и предостережения против нее высказывались даже в церкви. По этой причине Московский патриархат недавно продемонстрировал некоторую осторожность: даже пытаясь уклониться от конфликтов с государством, он продемонстрировал, что не поддерживает безоговорочно любую политику, которую проводит правительство.

Были и другие беспокоящие вопросы. Значительное большинство русских расценивало церковь как положительный и жизненно важный фактор в жизни страны. Но одновременно значительное большинство (почти 80 процентов) не практиковало религию или даже не ходило в церковь, за исключением одного или двух самых важных религиозных праздников. И при этом они не соблюдали заповеди религии, ее предписания и запреты.

Ритуалы православной церкви были ясны, но что она должна была проповедовать? Была ли это христианская любовь, милосердие, и сострадание? Действительно ли это была любовь к Богу или же ненависть к Сатане, под которым подразумевались евреи, католики, масоны, либералы, Папа Римский и все враги России?

С этими вопросами пришлось столкнуться вслед за православным возрождением, наряду с другими элементами новой российской идеологии, такими как неоевразийство, антиглобализм, и геополитика, не говоря уже о новой науке – конспирологии. Конечно, какой-то человек мог быть верным российским патриотом, даже если он или она не верил, что почти весь мир был занят лишь тем, что плел заговоры против России. Но практически всегда была тесная связь между этими различными наборами убеждений.

Здесь нужно сделать необходимые оговорки. Во-первых, евразийство и геополитика российского стиля появились, очевидно, совсем недавно. Такие идеи были в России и в девятнадцатом веке, но не больше, чем в других странах, и при этом они не были особо глубоки. При Сталине эти страхи получили новый стимул. Что касается конспирологии, то я и сам раньше предполагал, что вера русских в распространяющиеся заговоры была недавним явлением, но мне пришлось пересмотреть свои взгляды, когда я столкнулся со следующими словами, написанными Владимиром Соловьевым, великим русским философом, в 1892 году («Мнимые и действительные меры к подъему народного благосостояния», «Собрание сочинений», том 5):

«Представим себе человека, от природы здорового сильного, умного, способного и незлого,- а именно таким и считают все, и весьма справедливо, наш русский народ. Мы узнаём, что этот человек или народ находится в крайне печальном состоянии: он болен, разорен, деморализован. Если мы хотим ему помочь, то, конечно, прежде всего, постараемся узнать, в чем дело, отчего он попал в такое жалкое положение. И вот мы узнаём, что он, в лице значительной части своей интеллигенции, хотя и не может считаться формально умалишенным, однако одержим ложными идеями, граничащими с манией величия и манией вражды к нему всех и каждого. Равнодушный к своей действительной пользе и действительному вреду, он воображает несуществующие опасности и основывает на них самые нелепые предположения. Ему кажется, что все соседи его обижают, недостаточно преклоняются перед его величием и всячески против него злоумышляют. Всякого и из своих домашних он обвиняет в стремлении ему повредить, отделиться от него и перейти к врагам – а врагами своими он считает всех соседей. И вот, вместо того, чтобы жить своим честным трудом на пользу себе и ближним, он готов тратить все свое состояние и время на борьбу против

мнимых козней. Воображая, что соседи хотят подкопать его дом и даже напасть на него вооруженной рукой, он предлагает тратить огромные деньги на покупку пистолетов и ружей, на железные заборы и затворы. Остающееся от этих забот время он считает своим долгом снова употреблять на борьбу – с своими же домашними...

Узнав все это и желая спасти несчастного, мы не станем, конечно, ни снабжать его деньгами, ни лечить от лихорадки или чего-нибудь другого. Мы постараемся убедить его, что мысли его ложны и несправедливы. Если он не убедится и останется при своей мании, то ни деньги, ни лекарства – не помогут. Если же убедится и образумится, откажется от нелепых идей и обидных действий, то будучи человеком умным, способным и крепким, легко найдет в самом себе средства восстановить свое здоровье и поправить свои дела».

Сто двадцать лет спустя, я не могу придумать лучшее описание текущего состояния дел.

Повторюсь: эти несчастья не являются спецификой одной только России. Возможно, большинство всех этих верований импортировано из-за границы. Некоторые из них возникли впервые среди крайне правых российской эмиграции, в то время как большинство появилось в публикациях послевоенных европейских «Новых правых» французских «nouvelle droite»; и в работах неофашистов, от француза [Алена де Бенуа](#) до бельгийца [Жана-Франсуа Тириара](#), итальянца [Юлиуса Эвола](#) и других оккультистов, комбинирующих антиамериканизм с антисоветизмом, с восхищением Сталиным, Мао Цзэдуном, Чаушеску и «Фатхом».

Эти влияния ясно видны также в трудах Александра Дугина, одного из главных философов нового века, но они могут также быть обнаружены в работах Игоря Панарина и других. Через некоторое время стало ясно, что эти неясные иностранные идеи должны быть усилены отечественными продуктами, и как раз на данном этапе были введены Николай Данилевский и несколько других русских мыслителей с сильной неприязнью к Западу. Иван Ильин (1883-1954), реакционный идеолог-эмигрант, являлся другим важным влиянием, к которому в последние годы часто обращался Путин и близкие к нему люди.

Николай Данилевский (1822-1885) был открыт заново. Интересная личность, в молодости он входил в кружок петрашевцев, радикальный литературный семинар, изучавший французский социализм, и быстро был арестован. Данилевский изучал биологию, не был согласен с Дарвином, но также и ненавидел Европу, к которой испытывал сильные чувства, но не очень хорошо ее знал. Его книга «Россия и Европа» (1869) стала библией школы «ненавистников Европы». Он

искренне верил, что (как выразился его биограф) русские были детьми света, а европейцы – детьми тьмы. Европейцы были жестокими и агрессивными, тогда как русские были миролюбивыми. Европейцы хотели войны, а война была злом. Во многих отношениях Данилевский был идейным предшественником антизападной школы в современной России.

Неоевразийство, важный принцип новой российской доктрины, основывается на предположении, что истоки российского государства находятся в Азии, а не в Европе; что столкновение с монголами, татарами и азиатскими племенами в значительной степени сформировало Россию; и что Россия, отвергнутая Западом, должна искать свое будущее в Азии. Брак, можно было бы сказать, Анны Карениной и Чингисхана. Неоевразийская школа не идентична с евразийским мышлением конца девятнадцатого века и с историко-философской школой 1920-х годов, которая была значительно более осторожной и разумной.

Неоевразийцы поднялись на работах Льва Гумилева об этногенезе и пассионарности, которые вошли в моду после распада Советского Союза. Они также завоевали популярность с подъемом Китая и Восточноазиатского/Тихоокеанского региона вообще.

Преимущество этих основных принципов российских крайне правых состояло в том, что их значение редко является совершенно ясным; они могут подразумевать как одно, так и другое. Пассионарность может означать готовность нации или группы людей приносить жертвы ради своих убеждений.

Учитывая важность упадка Европы, можно найти разумные основания для усиленного интереса России к восточноазиатским рынкам и ее большему вниманию к Азии вообще. Но ввиду ее происхождения, ее прошлого, культурного влияния и демографии, мало что может подкрепить идею, что Россия – по существу азиатская держава. Значительное большинство русских живет не в Азии, да и многие из тех, кто живет в Сибири, хотят оттуда уехать. Больше того, азиаты не демонстрируют большого энтузиазма к перспективе российской миграции. Таким образом, неоевразийство может быть охарактеризовано как идеология верований и вкуса, но не фактов. Недобрые критики могут расценить это как неуместное принятие желаемого за действительное или даже просто как напыщенную чепуху. Тот факт, что у России были свои трудности с Европой, не делает Россию азиатской. Однако попытки разоблачить неоевразийство как фантазию были бесплодны, и как раз потому, что такие верования не поддаются рациональным аргументам.

Произошел парадоксальный процесс, который был отмечен как западными, так и азиатскими дипломатами и учеными. В то время как на идеологическом уровне много говорили о важности евразийства и о России как восходящей азиатской державе, и многое было обещано в отношении экономического и общего развития России восточнее Урала, на практике сделано было очень мало. Это частично было результатом обычной летаргии, но в основном – последствием событий на Украине и в Крыму (и сопровождающей их антизападной кампании), которые еще больше отвлекли российский интерес от Азии.

Мало какие термины употребляли и злоупотребляли ими в политических дискуссиях в наше время чаще, чем термин «геополитика». Первоначально это слово касалось отношений между политикой и географией, очевидной и вполне оправданной темы. Но оно использовалось в разных странах и людьми различных политических мнений для обозначения многих и самых разных вещей. Иногда, возможно, это происходило, потому что «геополитический» звучит более внушительно, чем «политический», но довольно часто это слово предназначалось, чтобы подразумевать особенные – данные богом или природой – права и исторические миссии определенной страны, вытекающие из ее географического местоположения. Так, например, слово «геополитический» может использоваться, чтобы доказать, что историческая миссия Руритании состоит в том, чтобы быть ведущей державой Африки: потому что она расположена в самом сердце континента, или потому что у нее есть доступ к трем различным океанам и четырём главным рекам, или потому что ось Руритания-Утопиана делает такую доминирующую позицию ее судьбой – и ее политику неизбежной. Однако упомянутые географические факты могут также использоваться и для того, чтобы доказать полную противоположность.

Слово «геополитический» особенно полезно, когда нужно доказать, почему у определенной страны есть божественная миссия быть великой державой, сверхдержавой или империей. Хотя эта теория, как теперь думают, является устаревшей, в России геополитика, как полагают, является правомерным оправданием ее действий.

Геополитическое послание было принесено в Россию Александром Дугиным в конце 1990-х годов. Взгляды Дугина (иногда их называют четвертой политической теорией или третьей доктриной) нацелены на российское доминирование в Евразии, которая, мол, является новым (третьим) континентом. Но так как Россия сама по себе не была достаточно сильна в военном, экономическом и демографическом отношении, то для достижения этой цели требовалась больше, чем одна ось. Рассматривались оси Москва-Токио и Москва-Тегеран, но обе, как оказалось, были слишком проблематичны. Ось Москва-Берлин, однако, нашла

много сочувствующих в России. Это очень интересно, потому что Германия была для России традиционным врагом, а Соединенное Королевство и Франция – союзниками. Но к тому времени, когда Путин стал президентом, то, что сделала Германия во Второй мировой войне, было забыто и прощено.

Интеллектуальной отправной точкой Дугина была сфера иррационального, тайного, метафизического и мистического. Эти влияния в российской интеллектуальной истории не были особо новы. Но Дугин остро понял, что, тогда как Георгий Гурджиев и Мадам Блаватская (Елена Петровна), если назвать лишь двух представителей этой традиции, обращались скорее к писателям и композиторам (таким как Малер, Скрябин, и Сибелиус), а не к военным и политикам, то геополитика в русском стиле привлечет именно их.

Послание Дугина с большим интересом выслушали российские военные мыслители и Генеральный штаб и министерство обороны, хотя и с любопытной смесью большого интереса и понятной осторожности, родившейся из понимания того, что некоторые из его идей не были практичны. Проведение внешней политики (как Путин видел это) должно было быть энергичным и агрессивным, но лучше всего было предоставить это дело людям, живущим в реальном мире, а не авторам политологической научной фантастики, демонстрирующим признаки истерии в напряженных ситуациях.

Некоторые из этих концепций должны показаться читателю курьезными и странными, а ведь я же до сих пор обращался только к господствующим, «мейнстримовским», идеям и доктринам. Даже Дугин образца 2014 года обычно немного более умеренный, чем двадцать лет назад.

Как только кто-то перейдет от этого господствующего потока к радикальным представлениям – а большая часть современной российской политической литературы принадлежит к этой категории – то понимание и комментарий станут совсем трудными. Но нужно ли буквально воспринимать такие представления, которые и эксцентричны, и невероятны? Не страдают ли их авторы тем, что психологи называют конфабуляцией? Другими словами, действительно ли их авторы сами убедили себя, что они рассказывают нам правду, или же они просто хотят шокировать или развлечь своих читателей?

Понятная обеспокоенность российского патриотизма включает стремления этнических русских в соседних государствах, которые чувствуют себя дискриминируемыми и хотели бы стать гражданами России. Учитывая тот факт, что почти ни одна страна не является полностью гомогенной, как можно отдать должное всем таким стремлениям? Что, например, делать с нерусскими этносами на Кав-

казе? Принесли ли бы региональные соглашения решение или просто столкнулись бы с этатизмом?

Настаивание на сильной центральной власти («державности») также является жизненно важной частью новой российской доктрины. Чтобы понять российскую политику в этом отношении, возможно, более полезно рассмотреть позицию Пушкина, а не Путина. В 1830 году поляки восстали против российского правления; восстание было подавлено, и восемь тысяч поляков лишились жизни в одной только битве у Остроленки. Борьба поляков пользовалась большой поддержкой в Европе и Америке, что раздражало Пушкина и многих других русских.

Российское общественное мнение почти без исключений поддерживало правительственную реакцию. В одном из своих стихотворений, «Клеветникам России», Пушкин выразил по отношению к западным критикам России даже больший свой гнев, чем в адрес изменников-поляков. Почему они угрожают России анафемой (санкциями)? Какое им до этого дело? Разве это не был «спор славян между собой»? Разве они не враждовали друг с другом уже в течение долгого времени? Поляки сожгли Москву, и русские имели право разрушить Прагу, часть Варшавы. Если враги России хотят военной интервенции, говорил Пушкин, почему же они не посылают своих сыновей; для них есть достаточно места в могилах в полях нашей страны. Сильные чувства, сильные слова.

Чувства Пушкина разделяли даже самые жесткие критики официальной России и ее общества. Некоторые из них даже боялись, что царь в его великодушии не будет достаточно строг в отношении поляков. Но разве Пушкин не был поэтом, прославляющим свободу, а не тиранию, и разве он не пострадал за свои убеждения? Как же объяснить это противоречие? Попытку сделать это предпринял Георгий Федотов, великий богослов, церковный историк и самый проникательный мыслитель своего поколения. Федотов видел в Пушкине человека, политические взгляды которого были сформированы в восемнадцатом столетии: свобода, да – но не для всех. Пушкин был разочарован своим народом. Его героями были Петр I Великий и императрица Екатерина II, даже при том, что он, конечно, знал о большой коррупции при дворе. Он не был демократом, но кто был им в восемнадцатом веке? Чем старше становился Пушкин, тем более консервативным он был.

Здесь есть некоторое подобие с нынешней ситуацией в России, за тем исключением, что политические взгляды современных правителей России и их отношение к демократии были сформированы не в восемнадцатом веке, а в те времена, когда Советский Союз все еще существовал. Поэтому важный вопрос состо-

ит в том, будет ли отличаться позиция последующего поколения и до какой степени.

За годы, последовавшие после распада Советского Союза, в идеологии российского режима произошли большие изменения. Марксизм-ленинизм был заменен русским национализмом и прославлением сильного государства. Этот процесс был ускорен аннексией Крыма, состоянием гражданской войны в восточной Украине, и атакой на МН17, взрывом самолета «Малазийских авиалиний», в результате которого погибли около трехсот пассажиров. В настоящее время процесс перехода от коммунизма к некоей форме государственного капитализма под контролем органов государственной безопасности еще отнюдь не завершен, и невозможно знать, куда приведет эта переориентация, поиск новой русской идеи.

В последние десятилетия советской власти важность коммунистической идеологии часто переоценивалась за границей. Только после крушения режима стало ясно, что марксизм-ленинизм больше не воспринимался всерьез; ему еще лицемерно клялись в верности, но он стал предметом шуток даже среди тех, кто был на самом вершине. Есть ли опасность, что подобное недоразумение может преобладать и теперь, когда политические взгляды, когда-то находившиеся только на периферии политической системы, сдвинулись в ее центр? Часто утверждают, что Россия стала очень консервативной, патриотичной и религиозной. Но социологические исследования пока призывают к осторожности, потому что один тот факт, что идеология генеральной линии так сильно изменилась, еще не указывает на глубину, на которой утвердились эти новые убеждения. Согласно социологическим исследованиям, вроде проведенных Владимиром Петуховым из Российской академии наук, нет сомнений в том, что рост патриотизма действительно имел место, и что удовлетворение от того, что часть потерянной территории (такая как Крым) была возвращена, широко распространилось. Однако, как только был задан вопрос относительно жертв, которые нужно будет принести для дальнейшего восстановления старой славы, результаты оказались вовсе не такими уж поразительными. Да, значительное большинство хотело бы видеть свою страну важной державой, сверхдержавой, если возможно, но оно отказывается прилагать большие усилия, особенно финансовые усилия, чтобы достигнуть этого. Евразийство могло бы быть темой повышенного интереса среди интеллигенции, но остальную часть общества оно интересует намного меньше. Подавляющее большинство россиян не мотивированы идеологией; их психология и стремления являются, в первую очередь, психологией и стремлениями членов потребительского общества.

Современная Россия – традиционное общество, и его люди в большинстве своем не склонны к переменам. Но не консервативные ценности преимущественно формируют их взгляды и поведение. В современной России, очевидно, истинных консерваторов не больше, чем либералов. Православная церковь играет теперь намного большую роль, чем в прошлом, но не ясно, долго ли сможет она поддерживать это положение. Только малочисленное меньшинство посещает церковные службы (в большие религиозные праздники этот процент несколько выше), или следует другим религиозным обязанностям. Согласно исследованиям, религия как фактор первостепенной важности стоит на первом месте для 8 процентов населения. Патриотизм, с 14 процентами, стоит несколько выше.

Эти факты, касающиеся мотивов большинства российского общества, не обязательно являются единственными, которые будут формировать российскую политику в ближайшие годы, но они, несомненно, ограничат ее область. Отсюда следует необходимость осторожности в то время, когда идеологические декларации российских политических лидеров вызывают больший интерес, чем обычно, потому что они так сильно отличаются от заявлений, сделанных в прошлом.

Те, кто правит Россией сегодня, силовики, описывались как новое дворянство, самоотверженные патриоты, мотивированные чистым идеализмом. Это действительно благородное видение, но насколько оно правильно? В 1980-х годах возникла странная ситуация: КГБ тратило большую часть своего времени, беспокоя и преследуя диссидентов, но сами сотрудники КГБ так же мало верили в коммунизм и советскую систему, как и их жертвы. Они делали то, что они делали, потому что им сверху давали приказы. Что известно об их реальных убеждениях? В глубине души многие из них были, вероятно, циниками, готовыми, очевидно, служить любой системе, пока она сохраняла их привилегированное положение. Что можно сказать о нынешней ситуации? Насколько важна идеология, и каково соотношение веса власти и денег? Было бы неправильно отмахиваться от важности патриотизма и других компонентов новой идеологии в целом как от просто дымовой завесы; часть новой элиты может глубоко верить в это, некоторые верят только немного, а некоторые не верят совсем.

Роль российской интеллигенции – это печальная история в этом общем контексте. В прошлом столетии эта самая привлекательная и творческая часть российского общества, которая внесла такой большой вклад в нашу культуру, подверглась бесчисленным кровопролитиям. В результате эмиграции и «ликвидации» мало что от нее осталось; стандарты и уровни снизились. Российских демократов обвиняли в том, что они потерпели крах в своих попытках реформ после распада Советского Союза. Это правильно, но мог ли бы кто-то другой до-

биться успеха на их месте, с учетом недемократического мышления российского общества в целом, желания сильной руки, которая должна управлять страной?

Новый средний класс еще мог бы появиться, но пока есть мало признаков, которые объявили бы о появлении новой интеллигенции. Из ее остатков некоторые заключили мир с новым режимом и поддерживают его, но другие подумали, что мудрее было бы уйти из политики и из общественной жизни вообще. В своей культурной истории Россия прошла Золотой и Серебряный век, но теперь у нее есть мало перспектив даже для бронзового века. Вспоминается реакция Пушкина, после того как он выслушал Николая Гоголя, читающего свои «Мертвые души»: «Боже мой, как грустна наша Россия».

1. КОНЕЦ СОВЕТСКОЙ ЭРЫ

Согласно высказыванию, приписанному Вольтеру, история – это грохот тяжелых сапог на лестнице и спешащий им навстречу топот шелковых ночных туфель. Вопрос, почему страны терпят неудачу и приходят к упадку, часто обсуждался в последние годы, но вопрос, почему они вновь обретают свою силу – иногда только на короткое время, иногда на более длительный период – обсуждался значительно реже. Германии потребовалось лишь пятнадцать лет после ее поражения в Первой мировой войне, чтобы вернуть свою военную силу и политическую власть. России потребовалось для своего возвращения два десятилетия после распада Советского Союза.

Но имеет ли смысл сравнивать Россию двадцать первого века с другими великими державами и империями? Появление Советского Союза было уникальным явлением, особым случаем, основанном на идеологии, желании построить общество, полностью отличное от всех других в истории, и это должно было стать началом новой эры, справедливым и прогрессивным обществом. Это должно было стать новым началом в летописи человечества. Как это было выражено в «Интернационале», который был гимном страны до Второй мировой войны:

*«Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим, —
Кто был ничем, тот станет всем».*

Революция и режим, который она создала, породили в первые годы сильную оппозицию и враждебность. Но после окончания Гражданской войны был очень

сильный энтузиазм, особенно среди молодого поколения. Это был героический век, и, как это выразил поэт Анатолий Д'Актиль:

*«Нам ли стоять на месте?
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы.
К станку ли ты склоняешься,
В скалу ли ты врубаешься -
Мечта прекрасная, еще не ясная,
Уже зовет тебя вперед.*

*Нам нет преград ни в море ни на суше,
Нам не страшны, ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесем через миры и века.*

*Создан наш мир на славу,
За годы сделаны дела столетий.
Счастье берем по праву
И жарко любим и поем как дети».*

Из того героического века до нас дошел этот «Марш энтузиастов», шоссе Энтузиастов и аналогичное название станции метро на Калининской линии Московского метрополитена. Автора этого стихотворения теперь помнят, главным образом, как переводчика на русский язык «Приключений Алисы в Стране чудес». Он также написал «Марш Буденного», восхваляющий знаменитого полководца Гражданской войны.

Но в то время энтузиазм витал в воздухе. Это была эпоха книги «Как закалялась сталь» Николая Островского, где описывались сверхчеловеческие усилия молодых рабочих, стремящихся построить новые фабрики и работать на них. Островский был серьезно больным молодым человеком (он умер в возрасте тридцати пяти лет в 1936 году), и его роман был продан или распределен миллионным тиражом и стал бестселлером социалистического реализма в полном смысле слова. Книга трижды экранизировалась и стала основой телесериала уже в 1970-х годах, даже при том, что к тому времени молодые люди больше не чувствовали большой симпатии к Павлу Корчагину, герою ушедшей эпохи. Другим идиолом был Магнитогорск, один из новых центров черной металлургии на Урале и в примыкающих областях. Многие из лучших молодых людей, многие идеалисты, добровольно переезжали в эти места. Они стали Меккой того перио-

да. Это было время песни «Широка страна моя родная», ставшей чем-то вроде второго национального гимна и музыкальной заставкой Московского радио. Эта песня заявляла, что Советский Союз был не только страной, где много гор и рек, но также и страной, «где так вольно дышит человек».

Магнитогорск сыграл важную роль во Второй мировой войне. Сегодня, как сообщают, он является одним из наиболее загрязненных мест в мире; только 7 процентов детей, родившихся там, здоровы. Магнитогорск стал «закрытым городом» для иностранцев, открытым снова только во время гласности. В нем теперь живет четыреста тысяч человек, но многие хотели бы сбежать оттуда.

Хотя 1935 был хорошим годом, но за ним последовали Московские процессы и эпоха большого страха и несчастий войны и, в конечном счете, великой победы. В конце войны было много надежд на то, что с этого времени все будет лучше. Энтузиазм в значительной степени испарился, но все еще было много надежды.

Прежний интернационализм исчез. «Интернационал» был заменен новым государственным гимном, патриотической песней, восхваляющей великую Россию и ее передовую роль. Военные годы увидели появление «русской партии», о которой мы еще поговорим подробнее. Однако общее чувство состояло в том, что худшее было уже позади. Иосиф Сталин умер, и массовые аресты и казни прекратились. Поставки элементарных товаров медленно улучшались. Русский стал первым человеком, полетевшим в космос. Условия жизни до известной степени улучшились. Ядерный арсенал Советского Союза уже вскоре мало отставал от американского.

Но прогресс в Советском Союзе был медленным, намного медленнее, чем на Западе. Это правда, что опустошения на оккупированных немцами советских территориях были куда больше того вреда, который причинила война на Западе. Именно это, прежде всего, представлялось причиной медленного российского восстановления. Этот аргумент был убедительным в течение десятилетия, возможно даже двух, но потом он уже не убеждал. К 1970-м годам возникли серьезные сомнения в эффективности системы – в ней, очевидно, что-то было не так, но что именно?

Советский Союз стал сверхдержавой с очень мощными вооруженными силами, и это было причиной для большой гордости. Но содержание многочисленной армии было очень дорогим, и так как экономика развивалась медленно и, в конечном счете, пришла к стагнации, стало все труднее идти в ногу с Америкой и Западом. Многие западные эксперты переоценивали советские достижения, то-

гда как средний советский гражданин больше знал об истинном положении дел. Но советские граждане в это время также не могли ездить за границу, и не были в полной мере осведомлены об истинном положении дел. Только верхние слои общества знали об истинной ситуации, частично потому, что они бывали за границей и могли сравнивать, или потому что у них был доступ к ограниченной информации. Начиная с 1960-х годов, были проявления инакомыслия, но их распространенность была ограниченной. КГБ крепко держал общество под контролем.

Но когда общество подверглось проверке, такой как в Афганистане, результат был не очень впечатляющим. В нерусских республиках преобладали националистические настроения. Общий недуг того периода открыто описывался в романах правых авторов, националистически настроенных «почвенников». В последний период правления Брежнева (1981-82) жалобы о ситуации высказывались на высшем уровне – дефицит продовольствия стал вопросом решающей политической и экономической важности. Была открытая критика, но за нею не последовали действия и реформы.

Возможно, самым важным был провал попыток улучшить качество жизни. Воздух и вода были загрязнены; почва была отравлена; российский лес, традиционная гордость страны, частично исчез в европейской части России. Существовали некоторые особо упорные борцы за улучшение окружающей среды, но их действия сталкивались с действиями местных и центральных властей, которые должны были выполнять план, и защитники природы обычно не могли оказать какого-либо влияния. Алкоголизм, постоянная беда в русской истории, стал еще хуже. В день «получки» в деревнях и городах никто ничего не делал, потому что все были слишком пьяны, чтобы добраться до своего места работы; сцены были неопишуемы. Уровень преступности рос, мелкое и даже уже не мелкое воровство все время увеличивалось. Большая часть этого описывалась открыто, например, в романах Валентина Распутина, возможно, самого одаренного из националистических авторов, сибиряка по происхождению, который провел большую часть своей жизни в этой части России.

Любому беспристрастному наблюдателю к тому времени было ясно, что режим утратил свой динамизм, что эпоха энтузиазма давно прошла. Если интерес к марксизму еще можно было найти в американских университетах, то встретить какие-либо проявления такого интереса в Советском Союзе было очень трудно. Некоторые западные наблюдатели нашли определенные смягчающие факторы в советской власти. Это было, в конце концов, своего рода государство всеобщего благосостояния: людям платили пенсии, и они не боялись безработицы. Это было верно, но ведь это было благосостояние на очень низком уровне. Россия бы-

ла и оставалась бедной страной, и с ходом времени, спустя четыре десятилетия после окончания Второй мировой войны, обвинять войну в большинстве неудач стало уже невозможно.

В то же самое время старая идея догнать и перегнать Америку и стать самой сильной державой мира сохранялась. Холодная война означала высокие и постоянно растущие военные расходы. Но Америка была намного богаче, и советскому руководству должно было быть ясно, что они не смогут выиграть эту гонку вооружений, которая могла бы вместо этого разрушить их экономику. Но это так и не было признано, и это тоже способствовало крушению.

В стране была очень слабая оппозиция против военных расходов, но это являлось отражением того, что такие взгляды посчитали бы непатриотичными, если даже не близкими к предательству. Кроме того, фактические данные о военных расходах были известны лишь очень немногим. Но была устная критика материальной помощи дружественным зарубежным странам. Оружие, стоившее миллионы долларов, было поставлено Египту и другим ближневосточным странам, но те не заплатили за него ни одного доллара. Деньги и ресурсы, которые были крайне нужны дома, направлялись на Кубу и в различные азиатские и африканские страны. Это негодование проявлялось в растущей ксенофобии, когда Советский Союз посещали чиновники и туристы из африканских и азиатских стран. Отношения с Китаем несколько улучшились после дней открытой враждебности, и существовал союз с европейскими сателлитами, но после Второй мировой войны Советский Союз дважды должен был прибегать к военной интервенции в Восточной Европе: в Венгрии (1956) и в Чехословакии (1968). Румыния открыто бросила вызов Москве, и за возможным исключением Восточной Германии к другим странам Варшавского Договора не было никакого доверия.

В то время очень многие считали, что Советский Союз испытывал чрезвычайное перенапряжение сил. Это было верно, и, возможно, некоторые из советских лидеров даже знали об этом. Но даже если и так, они все равно не знали, как закончить Холодную войну. Некоторые из них, возможно, полагали, что это все было виной Запада. В конце концов, даже некоторые из американских экспертов утверждали, что, не будь Трумэна, возможно, не было бы и Холодной войны. Некоторые советские руководители, видимо, считали, что конфликт с Западом был необходим ввиду внутренних причин: как еще можно было оправдать так много ограничений дома, целую диктаторскую систему?

Одной из причин краха Советского Союза была слабость и неэффективность его высшего руководства. Леониду Брежневу было семьдесят пять лет, когда он умер в 1982 году, и должен был быть избран новый Генеральный секретарь.

Юрий Андропов серьезно болел уже много лет, но его стиль руководства был в некотором отношении лучше стиля его предшественника (он почти всегда консультировался со своими коллегами по Политбюро до принятия важных решений). Брежнев не стремился к переменам; период с 1970-х стал известен как «застой». Система, в конце концов, работала, даже если она не работала хорошо, оппозиция была незначительной, а службы безопасности все держали под контролем. К тому времени, когда Брежнев умер, партийное руководство состояло из пожилых людей, потерявших связь с проблемами простых людей. В одном романе, изданном в первые годы гласности, описывалось затруднительное положение, в котором оказалось некое очень высокопоставленное лицо, министр или крупный партийный начальник, автомобиль и водитель которого не появились, чтобы отвезти этого большого начальника домой после заседания. Он попытался доехать домой на общественном транспорте, но у него возникли очень большие трудности, потому что он понятия не имел, как это сделать.

Юрий Андропов, который в течение многих лет был главой КГБ, стал преемником Брежнева. У него была репутация умного лидера, который чувствовал отвращение к ситуации в стране, прежде всего, к постоянно растущей коррупции, и он стремился провести реформы. За время его правления приблизительно восемнадцать министров и старших партийных секретарей были сняты с должности. Но не было никакой либерализации, только более строгие репрессии дома, и никаких изменений во внешней политике. Андропов был очень болен, не способен посещать заседания Политбюро. Когда он почувствовал, что его конец близок, он предложил Михаила Горбачева, самого молодого члена этого руководящего органа, чтобы тот председательствовал на заседаниях и в будущем получил власть. Но большинство проигнорировало его предложение и выбрало Константина Черненко, которого все считали добрым и безобидным человеком, разумно поддерживающим хорошие отношения со своими коллегами. Если Андропов пробыл на своей должности восемнадцать месяцев, то Черненко продержался тринадцать месяцев, тоже старик, неспособный посещать многие из заседаний Политбюро. Он произносил траурную речь на похоронах своего предшественника, но был настолько слаб, что едва смог закончить ее. Так как это было показано по телевидению, миллионы советских зрителей увидели произошедшее, и их впечатление было ужасающим. Это только усилило преобладающую депрессию и пессимизм: страна, сталкивающаяся с серьезными проблемами во многих областях, испытывала явный недостаток разумного и эффективного руководства. Лишь после смерти Черненко Михаил Горбачев пришел к власти.

Советский Союз, конечно, находился в то время в плохом состоянии, хуже, чем думало об этом большинство людей на Западе. Но действительно ли его оконча-

тельный крах был неизбежен? Возможно да, но не с экономической точки зрения. Правда, даже пшеницу тогда приходилось импортировать, нечто неслыханное для страны, которая когда-то была среди ведущих экспортеров пшеницы. Но никто не голодал, и, если и была широко распространенная неудовлетворенность, то она не достигала точки кипения. Пропагандистская машина твердила людям, что ситуация на Западе, мол, была еще хуже, а КГБ эффективно подавлял любую оппозицию. Если и была неудовлетворенность, то еще большей была апатия, не было никакого острого желания участвовать в политической деятельности, чтобы вызвать политические изменения.

Давайте сделаем маленькое умственное упражнение в духе альтернативной истории. Режим Путина обязан своим выживанием и успехом только одному фактору – экспорту нефти и газа, который составляет приблизительно половину российского бюджета. До 2013 года, когда ее перегнали Соединенные Штаты, Россия была крупнейшим мировым производителем нефти и газа. Если цена барреля сырой нефти в 1988 году составляла 14 долларов, и в 1998 – 11 долларов, то в 2013 году она достигла 94 долларов, а сейчас составляет около 52 долларов.

Теперь представим себе, что 11 марта 1985 года Генеральным секретарем Коммунистической партии был назначен не Горбачев, а кто-то другой – скажем, некий другой член Политбюро (условно назовем его Иван Иванов), и если через десять или пятнадцать лет за этим Иваном Ивановым последовал, скажем, некий Сергеев – оба вовсе не либеральные реформаторы, а руководители в брежневской традиции, которым удалось бы выкарабкаться из 1990-х – то они воспользовались бы нефтяным и газовым процветанием, которое впоследствии произошло, без каких-либо особых усилий по модернизации. Верховный Совет все еще существовал бы, как существовала бы и коммунистическая партия с ее политической монополией. Партийное руководство восхваляли бы за рост богатства страны и за его мудрость, энергию, дальновидность и проницательность в создании более богатой страны. Некоторые незначительные политические и идеологические реформы, возможно, имели бы место, но никакие радикальные изменения бы не произошли. Правда, характер такой экономической системы и такой страны едва ли подходил бы к первоначальному коммунистическому видению развитой индустриальной (или постиндустриальной) марксистско-ленинской экономики и общества. Это больше напоминало бы колониальную страну с экономикой, основанной на экспорте сырья. Но было бы нетрудно не обращать на все это внимание. Доктринальные несоответствия не имели бы особого значения – значение имело бы существование сбалансированного бюджета и более высокого уровня жизни. У Коммунистической партии Советского Союза все еще была бы политическая монополия, республики не отделялись бы

от Советского Союза, и режим все еще был бы авторитарным. И возможно – на самом деле, даже довольно вероятно – что как раз из-за повышения уровня жизни новые состояния напряженности не развились бы, и длительное существование административно-командной экономики не подвергалось бы сомнению.

Такое развитие в России в течение прошлых двух десятилетий вовсе не невероятно. Выборы лидера, который действительно верил, что систему можно преобразовать, были случайностью.

Перестройка

Советская политика в начале 1980-х годов, казалось, была замороженной, остановившейся в мертвой точке. Только после смерти Черненко она внезапно приобрела скорость. Это стало неожиданностью для людей в Советском Союзе и наблюдателей за границей, которые не ожидали важных изменений в советской политике. События, которые последовали, начиная с избрания Горбачева Генеральным секретарем партии, были в большой степени задокументированы; практически все вовлеченные в них лица написали мемуары. Поэтому нам не нужно исследовать эту тему во всех подробностях.

В то время за границей очень мало было известно о Горбачеве, и практически ничего о его личных взглядах (если они были) на внутренние и внешние дела. Но то же само было справедливо и относительно других членов Политбюро, за возможным исключением Андрея Громыко, который как министр иностранных дел часто бывал за границей. Он никогда не был человеком многих слов, и элементарной мудростью в то время, даже среди высшего руководства, считалось держать при себе свои личные представления, особенно если они могли отклоняться от преобладающего согласия, которое было предписано главой группы. Более откровенные мнения высказывались, если вообще высказывались, только в маленьком кругу самых близких друзей и даже там только с должной осторожностью. Даже руководство должно было притворяться, что находится в полном согласии, или, по крайней мере, хранить молчание, если только обсуждаемые проблемы не были незначительными.

Михаил Горбачев родился в небольшой деревне недалеко от Ставрополя на Северном Кавказе. Нужно отметить, что если более ранние поколения коммунистических лидеров обычно были горожанами, родители которых часто принадлежали к среднему классу или интеллигенции, то руководители поколения Горбачева, игравшие ведущие роли в драматических событиях 1980-х и 1990-х го-

дов куда чаще были выходцами из крестьянских семей. Также интересно, что даже при том, что эти семьи жили вдали от центров политической власти, они не избежали последствий 1930-х. Многие стали жертвами «репрессий», термин, который стал использоваться после смерти Сталина. Дедушка Горбачева был арестован, как был арестован и отец Ельцина (у его семьи было пять лошадей и четыре коровы, которые сделали их кулаками, богатыми крестьянами, которые в то время были «неправильным» классом); лишь немного семей пережили эти годы совсем без потерь.

Горбачев родился в 1931 году и получил свое начальное образование в местной школе. Он, кажется, был исключительно умным молодым человеком, поскольку партия с самого начала заинтересовалась им, и было решено послать его в Московский государственный университет, чтобы изучать право. Это был ведущий университет страны, и быть посланным туда и принятым было большим исключением. Его рост в партийной иерархии был быстрым. В тридцать пять лет он стал первым секретарем городской парторганизации Ставрополя, и еще через несколько лет он стал главой партийной организации Ставропольского края. Его репутация росла, и в 1971 году он был назначен членом Центрального комитета (ЦК) КПСС. Это означало частые посещения Москвы, где влиятельный Юрий Андропов заинтересовался этим способным молодым человеком. Последовали различные предложения работы. КГБ интересовался им, интересовался им и Госплан, а некоторые из его покровителей хотели, чтобы он стал министром сельского хозяйства. Но Горбачев не принял ни одно из этих предложений и в 1980 году стал членом Политбюро, самого важного политического учреждения в стране. Он, кажется, вел себя скромно и неприметно, как и приличествовало новичку, завел себе немногих друзей и не нажил врагов.

Во время работы в Ставрополе Горбачев был хорошо проинформирован о местной ситуации, но только в Москве он получил истинную, более широкую картину положения в Советском Союзе. В результате он стал очень критически настроенным по отношению к текущей политике или, скорее, к отсутствию действий, направленных на улучшение ситуации. Он собрал вокруг себя довольно много аналогично мыслящих людей, возможно, в надежде на то, чтобы иметь необходимую поддержку в тот день, когда у него появится возможность влиять на политику.

Мы знаем об одной из этих встреч, которая особенно интересна, потому что она касается человека, которого считают идеологическим отцом перестройки, Александра Яковлева. Яковлев, на восемь лет старше Горбачева, тоже был умным деревенским парнем, который поднялся до партийного руководства. Получив тяжелое ранение на фронте в августе 1942 года, он был демобилизован из ар-

мии и отправлен учиться, чтобы стать, в конце концов, членом российской Академии наук. Как и Горбачев, он поехал в Москву, чтобы работать в Центральном комитете КПСС, главным образом в идеологической области. Он был среди тех, кто предложил, чтобы социологию преподавали в российских университетах, чего тогда еще не было. Однако, будучи менее осторожным, чем Горбачев, он столкнулся с проблемой. В августе 1972 года он опубликовал в «Литературной газете» статью, в которой он резко осудил шовинистические и антисемитские тенденции, которые он заметил в стране. К тому времени эти тенденции уже глубоко укоренились и имели влиятельных сторонников в партийном руководстве. Эти люди потребовали, чтобы Яковлеву больше не разрешали участвовать в идеологической работе на ведущих должностях.

В результате его отправили послом в Канаду, где он провел десять лет и приобрел хорошие знания западных политических и экономических учреждений. В 1983 году Горбачев посетил Канаду и встретился с Яковлевым. Потребовалось небольшое взаимное зондирование, но со временем эти двое обнаружили, что их взгляды были близки, и они могли говорить открыто. Оба независимо друг от друга сделали вывод о том, что Советский Союз нуждается в радикальных переменах. Но критика Яковлева была к тому времени значительно радикальнее; в отличие от Горбачева, он был гораздо более прогрессивным и практичным в своих мыслях о том, как вызвать эти перемены.

Они стали друзьями, и после своего возвращения в Москву Горбачев настоял на возвращении Яковлева в советскую столицу и в Центральный комитет. Ему предложили должность главы Института Маркса-Энгельса-Ленина, и Яковлев согласился. Это точно не было самой важной политической должностью, и позиция Яковлева по отношению к официальной партийной идеологии была уже тогда отрицательной. Отношение других советских лидеров тоже вовсе не было преисполнено большим энтузиазмом – они просто игнорировали это. В их речах трудно было бы найти какую-то положительную ссылку на марксизм-ленинизм; они просто не упоминали его. Но Яковлев пошел значительно дальше, и его позиция была позицией полного антагонизма, даже ненависти. Он расценивал марксизм-ленинизм как религию ненависти, не имевшую никакого отношения к науке.

Как мог человек с такими убеждениями выжить в Политбюро? Яковлев позже в первые годы перестройки рассказывал, что он не мог еще говорить полную правду; нужно было притворяться и лгать. Другие же, так или иначе, просто не обращали на это внимания. Политика партийного руководства основывалась не на глубоких идеологических убеждениях, а на интересах номенклатуры: они были дураками и циниками. Яковлев называл советский режим только тотали-

тарным – в западных университетах это утверждение принесло бы ему большие проблемы. Он и некоторые из его ближайших друзей представили Горбачеву детальный план того, как осуществить реальные перемены. Но Горбачев, уже тогда признавая, что только маленькая революция внутри партии могла бы принести настоящие изменения, возразил, сказав, что для этого еще не пришло время.

Яковлев вышел из коммунистической партии в 1991 году и вместе с Эдуардом Шеварднадзе, тогдашним министром иностранных дел, основал социал-демократическую партию как конкурента большевикам. Партия просуществовала несколько лет, но не была успешной. Закрепившийся аппарат коммунистической партии был все еще довольно силен, и если они не особо волновались о судьбе марксизма-ленинизма, то были справедливо обеспокоены своим положением в обществе и своей властью. Кроме того, энергичные выступления Яковлева против шовинизма не прибавляли ему популярности. После 1993 года (он умер в 2005 году) Яковлев уже не играл существенной политической роли, но занимался академическими исследованиями. Он нажил себе много врагов и подвергался нападкам не только как враг партии и страны, но некоторые даже утверждали, что он, мол, был шпионом. Но фронтовые заслуги Яковлева сделали его почти неуязвимым. Среди партийного руководства того времени он был фактически единственным, кто не только сражался за свою страну, но почти заплатил за нее своей жизнью. На его похоронах не появился ни один из лидеров современной России, в чем не было ничего удивительного. Он был резким критиком отхода от демократии при Борисе Ельцине и особенно при Владимире Путине.

Существуют различные версии начала перестройки и гласности. Согласно одной из них, Юрий Андропов был убежден в необходимости срочных экономических реформ. Но Андропов фактически ничего уже не мог делать к тому времени, и следующая инициатива появилась только после того, как Горбачев пришел к власти – первым его законом в мае 1985 года стал указ о борьбе с пьянством и алкоголизмом.

В 1986 году особо активной деятельности не было, частично из-за излишней осторожности, но также и потому, что планы по осуществлению перестройки еще не были готовы. Но тем временем экономическая ситуация ухудшилась, главным образом, в результате снижения цены на нефть, и немедленные перемены стали обязательными. В то же самое время внутренние политические конфликты (такие, как столкновения между Арменией и Азербайджаном) ухудшили ситуацию. С помощью ряда законов, начиная с лета 1987 года, руководство страны начало демонтировать советскую экономическую систему.

Еще раньше многие противники реформ были удалены из Политбюро и других ведущих партийных органов. Скоро оказалось, однако, что реформы гласности протолкнуть было намного легче, чем экономическую и социальную перестройку. Гласность просто означала ограничение свободы действия цензуры – чтобы дать разрешение издать «Доктора Живаго» Пастернака и другие произведения, которые были подвергнуты цензуре или запрещены, и прекратить глушить иностранные радиостанции, вещающие на русском языке.

Политика гласности также нашла своих противников, таких как преподавательница техникума Нина Андреева, которая в статье «Не могу поступаться принципами», занявшей целую страницу в ежедневной газете «Советская Россия», защищала старую систему.

Но в целом, у гласности была подавляющая поддержка населения – со стороны левых и либеральных сил, потому что она давала им намного больше свободы распространять свои идеи, и со стороны националистического правого лагеря – по тем же самым причинам.

Но вскоре оказалось, что перестройка означала не только большую свободу публиковать романы, но также и действия – в экономике, во внутренней политической жизни, во внешней политике – конец Холодной войны. Было трудно найти хоть одну область, не затронутую перестройкой. Это включало и отношения с сателлитами – коммунистическими странами Восточной Европы и Балкан. Опыт прошлого показал, что удержание власти коммунистическими правительствами не было уверенным, и было сомнительно, что эти режимы выживут без сильной поддержки со стороны Москвы (и если бы они действительно выжили, всегда была опасность, что они будут ненадежны). Нужно ли было продолжать следовать старой политике, означавшей, что в чрезвычайном случае военная интервенция могла бы считаться само собой разумеющейся? Горбачев и другие советские лидеры не испытывали такого желания. В конце концов, и в самом Советском Союзе был националистический фермент. Несмотря на все усилия за многие десятилетия, националистические страсти в нерусских республиках не были искоренены; напротив, с укреплением великорусского национализма с 1930-х годов, у национализма в нерусских республиках появился новый стимул. Это происходило в прошлом, и это снова начало происходить в конце 1980-х, впервые и наиболее остро между Азербайджаном и Арменией.

Если Андропов думал, что можно было бы провести широкомасштабные реформы, оставив неприкосновенной политическую систему и другие проблемы, то эти предположения никогда не были проверены на практике. Горбачев, кажется, разделял некоторые из таких иллюзий, но ему не потребовалось много вре-

мени, чтобы понять, что такой оптимизм не был оправдан. Эти годы, между 1986 и 1990, были годами оптимизма, несмотря на мрачную экономическую ситуацию, но не потому, что большие перемены к лучшему уже произошли, а потому что, наконец, появились обещания улучшения, признаки того, что была готовность что-то сделать.

Вскоре оказалось, что из всех проблем, с которыми столкнулись новые правители, экономика была самой трудной и сложной. Переход к плановой экономике в 1920-х годах не был легким, но он не был полностью беспрецедентным; многие страны были вынуждены принять меры в этом направлении в военное время. Но отход от плановой экономики к рыночной экономике был тогда еще беспрецедентным. Это произошло в Китае и Вьетнаме, но только значительно позже. Кроме того, ситуация в этих странах не была в действительности сопоставима с ситуацией в России, так как доход на душу населения в Китае и Вьетнаме был намного ниже, учитывая, что большинство населения там было занято в сельском хозяйстве.

Правда, Горбачев и большинство его советников не мыслили так радикально. Но постепенно они поняли, что полумеры не спасут страну. Они унаследовали ситуацию, которая в длительной перспективе была несостоятельна. Кроме того, они столкнулись с внезапным ухудшением, затрагивающим советскую промышленность и, в еще большей степени, сельское хозяйство. Бегство людей из сел продолжалось и даже увеличилось. Экспорт советской нефти еще не достиг величины своих более поздних лет, но он имел критическое экономическое значение. И произошло так, что доход от экспорта нефти упал в 1985-86 годах на 30 процентов. Это оказало непосредственный эффект на бюджет страны и на получение иностранной валюты, что, в свою очередь, вызвало болезненный внутренний дефицит в отношении товаров массового потребления и импорта, необходимого для функционирования советской промышленности и сельского хозяйства. Советский внешний долг вырос до 56 миллиардов долларов. (Как позже с сожалением признал один советский министр: «У нас был долг почти перед всеми странами мира».)

Но едва ли кто-то думал о приватизации; Горбачев, похоже, верил в модели рабочих кооперативов, идеи, которые некоторое время рассматривались в Югославии после того, как Йосип Броз Тито покинул советский лагерь. Так 1986-1989 годы стали свидетелями очень многочисленных совещаний в руководстве коммунистической партии, которые приняли много резолюций; политическая монополия коммунистической партии еще не была сломана, но не было никакого действия. Возникла влиятельная антигорбачевская фракция, требующая сохранения статус-кво, что в будущем привело к неудавшемуся антигорбачевско-

му путчу в августе 1991 года, событию, которое в течение нескольких месяцев привело к падению Горбачева (он ушел со своей должности президента Советского Союза в конце декабря 1991) и к взлету Ельцина – но это также привело и к краху старой коммунистической партии.

Если годы Горбачева не принесли больших экономических реформ, вопреки пониманию того, что эти реформы были срочно необходимы, то они в действительности принесли «новое мышление» (официальный термин, использовавшийся в то время при проведении внешней политики).

Только тремя годами ранее Горбачева все считали самым популярным советским лидером. Что же стало причиной такого быстрого падения его популярности? Катастрофическая экономическая ситуация играла ключевую роль, но, вероятно, еще более важным было впечатление, что в Кремле не было сильной руки. Страна рушилась к моменту августовского путча 1991 года, но все вовлеченные – политики, руководство армии, и даже глава КГБ – не имели опыта, чтобы совершить решающие политические изменения. Ельцин в течение многих лет был конкурентом Горбачева, но его звездный час настал как раз во время путча, когда он с башни танка обратился к толпе с призывом защитить демократию и партию реформ.

Итак, если горбачевские годы и не принесли решительные и далеко идущие экономические реформы, которые, как говорили многие, были срочно необходимы, то, конечно, во внешней политике было много «нового мышления». Это не произошло немедленно после избрания Горбачева; ему потребовалось два года для подготовки, чтобы ознакомиться с самыми важными проблемами и получить поддержку в Политбюро. Андрей Громыко, все еще считавшийся великим экспертом по внешней политике, имел поддержку стариков, а они были противниками «нового мышления». Сомнительно, могли ли они даже представить себе какую-либо другую политику, которая не показалась бы им ересью. Горбачев понял, что новый министр иностранных дел должен был прийти с партийной или правительственной работы, настолько отдаленной от Громыко и его министерства иностранных дел, насколько это было возможно. Отсюда последовал его выбор Эдуарда Шеварднадзе, умного человека, но без опыта во внешней политике и дипломатии.

Горбачев создавал новую команду, которая разделяла согласие с тем, что понимание с Западом должно было основываться на прекращении перевооружения. Такая политика, наиболее вероятно, получила бы поддержку среди партийного руководства, потому что даже эти руководители поняли, что бремя оборонного бюджета стало слишком тяжелым. По сей день точные цифры оборонного бюд-

жета того периода недоступны. В то время считалось, что оборонные расходы составляли 8-15 процентов от общего бюджета, но с уверенностью можно сказать, что они были выше, возможно, даже намного выше, чем официальные данные.

Вероятно, самой важной проблемой на пути к уменьшению напряженности Холодной войны был Афганистан. Советские вооруженные силы были в этой стране с декабря 1979 года, и война шла плохо. Кроме того, этот конфликт ухудшил отношения с Китаем, который требовал вывода советских войск в качестве предварительного условия для нормализации отношений между КНР и СССР. Однако Брежнев и его непосредственные преемники не могли пересилить себя, чтобы принять решающие меры. Они, возможно, выбрали бы вывод советских войск, но это интерпретировалось бы (и справедливо) как советское поражение. Или они могли бы существенно усилить советские войска в Афганистане, но это увеличило бы напряженность.

Так Афганская война продолжалась в течение 1980-х как рана, которая никак не заживала. (В одной речи на партийной конференции в начале 1986 года Горбачев назвал эту войну «кровоточащей раной»). Неизвестно, когда точно Горбачев принял решение уйти, но к 1987 году стало ясно, что Советы покинут эту страну. Единственное сопротивление исходило от военного руководства, но так как успехи армии в Афганистане не были впечатляющими, позиция военных была не настолько сильна, чтобы они могли настоять на своем. Шеварднадзе предложил оставить в Афганистане небольшой советский контингент на неопределенный срок, но Горбачев отверг это. Вывод советских войск начался 15 мая 1988 года, и последние советские солдаты покинули страну 15 февраля 1989 года, раньше срока. Так закончилась трагедия ошибок, которая стоила жизни многим солдатам и даже значительно большему количеству гражданских лиц. Если первоначальное решение Брежнева было дорогостоящей ошибкой, то ожидание американцами того, что победа над исламистами будет возможна, также было глубокой ошибкой, как это проявилось спустя многие годы.

Хотя окончание Афганской войны было важным событием, одного этого не было достаточно, чтобы вызвать радикальные изменения в отношениях с Западом – окончания, или, по крайней мере, уменьшения напряженности в Холодной войне. Первый контакт Горбачева с западными лидерами был во Франции и Соединенном Королевстве в 1985 году; он произвел положительное впечатление на Франсуа Миттерана и на Маргарет Тэтчер. **[Прим. ред. ВС: Особенно на Тэтчер, когда Горбачев показал ей секретную карту стратегических ядерных сил СССР. См. книгу Александра Байгушева «Партийная разведка».]** Оба рекомендовали Белому дому отнестись серьезно «к новому мышлению» Горбачева,

нацеленному на окончание Холодной войны. Но Горбачев еще не говорил с президентом Рональдом Рейганом, старшим партнером, кроме краткой и безрезультатной беседы в Женеве, также в 1985 году.

Рейган был заклятым врагом коммунизма и Советского Союза; он говорил об «империи зла» в известном выступлении на встрече Национальной ассоциации евангелистов в 1983 году. При нем отношения между Вашингтоном и Москвой снизились до беспрецедентно низкого уровня – возможно ли будет достигнуть соглашения с ним?

Александр Яковлев и его команда обрисовали в общих чертах основные идеи нового мышления во внешней политике, но как преобразовать эти идеи в реальную политику? Первым главным шагом в том направлении был Рейкьявик, встреча в 1986 году. Она произошла спустя несколько месяцев после ядерной катастрофы в Чернобыле, которая с советской точки зрения была еще одним абсолютным бедствием. Но вполне могло случиться и так, что последствия этой аварии, какими бы ужасными они ни были, оказали положительное влияние на российские взгляды и, возможно, также на американских творцов внешней политики. Поскольку, как никакой другой случай, Чернобыль очень обострил ощущение крайне срочной необходимости сделать шаги к ядерному разоружению.

Встреча в Рейкьявике имела дело, главным образом, с «техническими проблемами», такими как нужно ли уделить первостепенное значение наземным межконтинентальным ракетам, или прекращению ядерных испытаний, и занималась другими вопросами относительно СОВИ (американская стратегическая оборонная инициатива) и советских планов по сокращению ядерного оружия. Были большие торги, много споров, и, по мнению Андрея Грачева, одного из главных советников Громыко и участника переговоров, конференция была провалом.

Но если оглянуться назад, эта конференция была, вероятно, необходимым шагом к далеко идущим изменениям, которые произошли в 1989 году. По крайней мере, обе стороны получили впечатление, что серьезный прогресс кажется возможным, что обе стороны стремились достигнуть согласия. Отношения были заморожены так долго, что было маловероятно, что внезапно начнется оттепель, и все большие проблемы будут решены одним махом.

За Рейкьявиком последовал визит Рейгана в Москву в мае 1988 года, когда он в речи на Красной площади объявил, что больше не считает Советский Союз империей зла. Прорыв в отношениях с Западом произошел в результате еще одной встречи на высшем уровне в декабре 1989 года, на сей раз с Джорджем Бушем-

старшим на советском корабле «Максим Горький» около Мальты. Это привело к целой серии встреч, имеющих отношение, главным образом, к контролю над вооружениями. В совместном коммюнике Горбачев и Буш заявили, что эти две сверхдержавы больше не считали друг друга врагами.

Западным лидерам (особенно американцам) потребовалось много времени, чтобы признать, что изменения в Кремле были подлинными и представляли собой глубокий исторический поворотный момент в мировой политике. Ретроспективно это вполне понятно. На протяжении многих десятилетий было слишком много разочарований и неудач, и западные лидеры боялись еще одного предательства. Поэтому, хотя и было желание не упустить исторический шанс, было еще и желание сначала увидеть, выполнит ли Горбачев свои обещания, прежде чем пойти на далеко идущие уступки.

Но после десятилетий оцепенения события стали развиваться очень быстро, и западные лидеры были несколько медлительными в своей реакции. В известной речи в Берлине Рейган попросил, чтобы Горбачев пошел дальше и открыл ворота. Варшавский договор был расторгнут, ворота внезапно были открыты, и Стена исчезла, но западная реакция была медленной. Ибо ввиду катастрофической и постоянно ухудшающейся экономической ситуации в Советском Союзе, была опасность, что дни Горбачева как лидера были сочтены, и никто не мог быть уверенным в том, что его преемник тоже будет готов продолжать его политику. Горбачев нуждался в помощи, такой как кредиты, чтобы противостоять неизбежной внутренней чрезвычайной ситуации, но такая помощь не была предоставлена. Горбачев чувствовал себя разочарованным и даже преданным. Он жаловался своим советникам, что, когда встал вопрос о вступлении в войну после вторжения Саддама Хусейна в Кувейт, Белый дом не счел трудным найти для этого миллиарды долларов, но сталкиваясь с политической чрезвычайной ситуацией в СССР, они не могли или не хотели приложить свои усилия.

Горбачев не понимал, что кредиты и другие формы помощи должны были быть утверждены Конгрессом, и что у президента не было власти и ресурсов, чтобы разрешить такую помощь самостоятельно. И при этом не бесспорно, смог ли бы Белый дом спасти Горбачева (он ушел в отставку в декабре 1991 года). Потому что к тому времени кризис по своему характеру уже перестал быть преимущественно экономическим или финансовым; вся советская система, казалось, рушилась, и в Вашингтоне были сомнения относительно того, могла ли или должна ли была Америка вмешаться, чтобы остановить этот процесс.

Антигорбачевский путч в августе 1991 года потерпел неудачу, но положение Горбачева было очень ослаблено. Если режим, так или иначе, выжил, то это

произошло, прежде всего, из-за Ельцина, который в решающие часы собрал поддержку. Номинально у Советского Союза теперь было два лидера. Горбачев все еще был президентом Советского Союза, но Ельцин был избран президентом России 57 процентами голосов. Кроме того, Ельцин теперь стал премьер-министром. Казалось вполне естественным, что Горбачев должен был уйти в отставку с поста президента Советского Союза, поскольку Советский Союз фактически прекратил свое существование. Его сменило Содружество независимых государств (СНГ), состоявшее из одиннадцати прежних советских республик. Балтийские республики решили объявить свою независимость еще в предыдущем году, и другие последовали их примеру в августе и сентябре 1991 года.

Тем временем цены по всей стране выросли, несмотря на постоянные обещания правительства, что этого не произойдет. (Цены были, в конечном счете, освобождены в январе 1992 года.) Как положить конец хаотической ситуации? Продукция советской экономики упала за 1991 год на 11 процентов, дефицит бюджета страны вырос приблизительно на четверть, а финансовая реформа (пятидесятирублевые и сторублевые купюры были заменены ваучерами) не принесла облегчения. Настроение в стране выступало за рыночную экономику и приватизацию, даже при том, что никто не знал, что действительно будут означать эти радикальные изменения, и какой эффект будет от них на практике. Ельцин назначил небольшую группу экономистов, чтобы подготовиться к переходу к рыночной экономике, и эта экономическая система стала законом в июне 1992 года.

Все теперь произошло очень быстро. Но был ли кризис неизбежен? Спустя более десяти лет после этого, в интервью газете «Financial Times» Анатолий Чубайс, один из двух главных архитекторов приватизации, сказал, что это была гонка со временем. Давление было огромным, Ельцин, как оказалось, был болен, и если бы не удалось протолкнуть радикальные требования, то коммунисты победили бы на выборах 1996 года. История пошла бы другим путем.

Все это могло быть правдой, поскольку ситуация в Москве была, конечно, изменчивой. В октябре 1993 года последовала другая попытка свергнуть правительство, к тому времени возглавляемое Ельциным. Произошла десятичасовая перестрелка за овладение российским Белым домом, местонахождением правительства, и много людей было убито и ранено. Ельцин действовал решительно. За несколько часов лидеры путча были арестованы. Фронт национального спасения, который начал путч, был запрещен наряду с коммунистической партией. (Коммунистическая партия была объявлена вне закона двумя годами ранее, но Верховный суд счел это действие незаконным и отменил его: политическую

партию, как он утверждал, нельзя запрещать из-за действий некоторых ее членов.)

Полная история того, что произошло в эти дни «ваучерной приватизации», еще не написана. В основе приватизации лежала первоначальная идея заставить экономику снова работать, сделать ее более продуктивной. Но надеялись также на то, чтобы привлечь зарубежных инвесторов; Россия во время этого периода присоединилась к Всемирному банку и Международному валютному фонду. Неясно, как общественность реагировала на эти стремительные и широкомасштабные новации. В апреле 1993 года правительство получило вотум доверия на референдуме, но сомнительно, что большинство населения понимало то, что происходило в стране. Собственность 130 000 средних и крупных предприятий страны перешла в руки небольшого числа людей, и началась эпоха олигархов. Рассказ Егора Гайдара, другого архитектора приватизации, об общей ситуации в это время, определенно похож на историю, рассказанную Чубайсом.

Гайдар занимал пост, позволявший ему знать правду. Он был министром экономики и финансов, и некоторое время исполнял обязанности премьер-министра Российской Федерации, уже после Горбачева. Он знал, что правительство было слабым, и что слабые правительства не могли принимать необходимые сильные меры. Он знал все, что можно было знать о постсоциалистическом кризисе, который (как он писал) был результатом долгосрочных проблем. Этот кризис коренился в социалистической модели индустриализации и глубокой дезорганизации государственных финансов, так же как в резком снижении цены на топливо. Когда Гайдар писал об этом спустя приблизительно десять лет, он вспомнил, что думал тогда, что для восстановления после краха понадобится от трех до семи лет: «Это был период преобразования: самая важная задача правительства в постсоциалистических странах на стадии роста восстановления состоит в том, чтобы создать предварительные условия для перехода от роста восстановления до инвестиционного роста, основанного на росте капиталовложений в экономику и создании новых производственных мощностей».

После Горбачева

Годы после отставки Горбачева видели много волнений, частых выборов и смен правительств, и принятие новой конституции. Егора Гайдара сменил Виктор Черномырдин. Во время этого периода произошла вовсе не такая уж незначительная война (в Чечне) и, прежде всего, распад Советского Союза. Если и была сохранена какая-никакая стабильность, то только вследствие того, что Борису Ельцину удалось стать избранным и переизбранным президентом России, и

того, что он смог ограничить полномочия Думы (как теперь назывался парламент).

Горбачев первоначально привлек Ельцина в Политбюро как союзника, но их союз не длился долго; Ельцин не был командным игроком. Расхождения эти не были идеологическими. Ельцин рано научился избегать идеологии, он научился этому на примере истории своей собственной семьи, так как его собственный отец был жертвой чисток. Его репутация была репутацией босса – но, как выразился его биограф Тим Колтон, необычного босса.

Родившись на Урале, он начал свою карьеру в деревне около Свердловска, неофициальной столицы Урала. Он был человеком больших противоречий – очаровывающий, и все же очень склочный, пьяница, и человек небольшой образованности. Мы не знаем, консультировался ли он когда-либо с психиатром. Если бы он это сделал, ему, вероятно, поставили бы диагноз не просто очень импульсивного человека, но маниакально-депрессивного. По крайней мере, в одном случае он попытался совершить самоубийство (так называемое дело с ножницами), или, во всяком случае, создать впечатление, будто попытался совершить самоубийство. Он был очень честолобив, но все же был единственным за всю историю человеком, который попытался уйти из Политбюро (дважды). В чрезвычайных ситуациях он демонстрировал большую храбрость; в других же ситуациях он колебался и даже производил впечатление трусости. Он ненавидел коммунистическую партию, даже при том, что он сделал свою карьеру в ней.

Он выступал за многопартийную, демократическую систему, но в своем политическом стиле, как руководитель, он вовсе не был демократом.

По происхождению, прошлому и характеру, возможно, не было большего различия между Ельциным и этими двумя людьми, которых он выбрал для осуществления давно назревших экономических реформ. Егор Гайдар и Анатолий Чубайс были интеллектуалами и происходили из известных номенклатурных семей. Отец Гайдара был военным, полковником, и много лет был военным корреспондентом газеты «Правда». Гайдар изучал экономику и возглавлял небольшую группу коллег-специалистов, которые рано поняли, что советская экономическая система обречена на провал, и что только переход к рыночной экономике спасет страну. Отец Чубайса тоже был высокопоставленным чиновником и позже преподавателем философии в военном училище; его мать была еврейской интеллигенткой, но это был период, когда предпочтительнее было скрывать такие изъяны.

Карьера Гайдара в правительстве была относительно короткой. Ельцин, возможно, согласился в принципе с шоковой терапией, которую защищал (и осуществлял) Гайдар, но преобразование было очень болезненным, и Ельцин был недоволен непосредственными результатами. Гайдар надеялся добиться финансовой стабилизации, но в этом он потерпел неудачу. Он умер относительно молодым, и в той же степени, в которой он подвергался нападкам на протяжении своей жизни, его хвалили после его смерти. Согласно мнению большинства, единственной альтернативой его политике была бы гражданская война.

Чубайсу, с другой стороны, удалось много лет продержаться на важных правительственных постах, но он был чрезвычайно непопулярен. Оставив правительство, он занимал несколько руководящих постов, возглавлял государственные корпорации и частные предприятия; он, как оказалось, был очень успешным в привлечении иностранного капитала для модернизации российского электроэнергетического сектора.

Гайдар часто выражал свое убеждение, что не было никакой альтернативы той шоковой политике, которую проводили он и Чубайс. Это мнение, однако, разделяли не все экономисты, даже не все экономисты либеральных взглядов. Экономисты из либеральной партии «Яблоко», например, полагали, что более постепенное преобразование (т.н. программа «Пятьсот дней») могло бы причинить меньше боли и принесло бы, в конечном счете, такой же результат.

Хотя перестройка, по существу, была направлена на экономические преобразования, руководство и страну в основном занимали политические проблемы, преобразование политической системы из монолитной в многопартийную систему, распад старого Советского Союза, роспуск советской империи (прежде всего, в Восточной Европе), и Первая чеченская война.

По мере того, как наблюдение и контроль страны из центра слабели, волнения распространялись в отдаленных республиках, сначала в малой степени в Казахстане (декабрь 1986 года) после смещения первого секретаря партии, этнического казаха, и замены его русским. Это продолжилось в более широком масштабе столкновениями (в августе 1987 года) между азербайджанцами и армянами. Местные столкновения, главным образом, в Карабахе, быстро превратились в более широкую конфронтацию, из-за чего тысячи, позже десятки тысяч беженцев из спорных областей начали прибывать в Азербайджан и Армению. Москва колебалась с военным вмешательством, и предложения, переданные расследовавшей причины конфликта делегацией из Москвы, направленные на улучшение условий жизни, принесли мало пользы для смягчения ожесточенного

национального конфликта. Столкновения, погромы, и высылки превратились, в конечном счете, в гражданскую войну.

Азербайджано-армянский конфликт упомянут здесь, потому что он показал, как Москва постепенно теряла контроль. Затем начались волнения в прибалтийских республиках, которые были намного менее насильственными по своему характеру. После ослабления или отмены цензуры, большая часть действий происходила в СМИ. Это привело к мобилизации населения. Во всех трех прибалтийских республиках проходили массовые митинги, в которых участвовали сотни тысяч, и возникли «национальные фронты», все требовавшие независимости. Было несколько нерешительных попыток подавить сепаратистские движения, но вообще отделение прошло сравнительно мирно. Литовский Верховный Совет объявил независимость страны в марте 1990 года, эстонский несколько недель спустя, а Латвия в августе проголосовала за независимость. В следующем году советское правительство признало их независимость. В марте 1991 года был проведен референдум о сохранении старого Советского Союза. Может быть интересно напомнить о том, что на выборах, которые состоялись в декабре 1991 года, 90 процентов голосов на украинском референдуме высказались за независимость.

Раньше Ельцин объявил, что, когда нерусские республики воспользовались своим правом выйти из союза, Россия тоже могла бы поступить так. Что, возможно, побудило его сделать это заявление? Может быть, он думал, что некоторые республики предпочтут держаться за русских. Если так, то это был просчет. Он также попробовал в серии встреч сохранить связь с прежними советскими республиками посредством более свободной федерации, но не было ясно, как эта цель могла быть достигнута. Соглашение было, в конечном счете, подписано со всеми, за исключением Татарской республики и Чечни. Соглашение о коллективной безопасности было подписано в мае 1992 года, но Таджикистан и Грузия его не подписали. Россия и Белоруссия подписали соглашение о валютном союзе в январе 1994 года, и соглашение о демаркации границ было подписано между Россией, Китаем, Казахстаном и Кыргызстаном в апреле 1994 года. Более важным было соглашение между Россией и Украиной в мае 1997 года о статусе российского Черноморского флота – это соглашение касалось доступа к Черноморскому флоту через украинскую территорию.

Другие соглашения имели меньшее значение, поскольку у недавно ставших независимыми республик еще не было собственных вооруженных сил. И экономическая ситуация была очень переменчивой – обменный курс рубля рухнул в октябре 1994 года. При этих обстоятельствах, каково было значение существования Содружества независимых государств? Могла ли Россия утвердить свою

власть на территориях, которые остались у нее после отделения других республик? Это ни в коем случае не казалось бесспорным. Чечня не выражала желания быть частью нового государственного образования и попыталась отделиться; в декабре 1994 года российские войска вторглись в Чечню.

Война, которая последовала за этим, продлилась до сентября 1996 года и проходила ужасно с российской точки зрения. Один наблюдатель написал, что она сломала хребет правительству Ельцина; другой назвал Чечню надгробной плитой российской власти. Если мы сейчас оглянемся назад, то увидим, что эти утверждения были преувеличениями, но легко понять, почему возникали такие впечатления в то время. Если российская армия была неспособна подчинить силы небольшой кавказской республики, то она, конечно, прекратила быть большой силой. Проблемы, с которыми Россия столкнулась в регионе, не были ограничены Чечней: волнения были также в Дагестане и в других местах. Российские войска были плохо подготовлены к ведению малой, контрпартизанской войны; ведь их долгие годы готовили к мировой войне.

Если Первая чеченская война закончилась патом, то было ясно, что данная ситуация не могла продолжаться долго, поскольку ситуация не была стабилизирована – и стабилизация была целью российского вторжения в Чечню в 1994 году. В то время как 70 процентов россиян назвали Первую чеченскую войну трагическим событием, 70 процентов их одобрили вторую войну. По этой причине Вторая чеченская война в 1999 году (после вторжения в Дагестан «международной группировки» исламских боевиков) не стала большим сюрпризом. На сей раз Россия была лучше подготовлена как в военном, так и в политическом отношении. Операция предусматривалась не как война, но как антитеррористическая операция, которая с перерывами продлилась до 2009 года. Более важным, возможно, было то, что международная обстановка изменилась. Если Первую чеченскую войну осуждал почти весь мир, то различная террористическая деятельность исламистов в 1990-х годах в других частях мира (особенно после терактов 11 сентября 2001 года в Соединенных Штатах) создала климат большего понимания для российских действий на Кавказе. Кроме того, у России во время Второй чеченской войны была ясная политическая цель – победить сепаратистское правительство Аслана Масхадова и заменить его промосковским режимом, возглавляемым Ахмадом Кадыровым. В этом Россия добилась успеха; станет ли этот успех продолжительным, оставалось под вопросом. Исламизация Чечни продолжилась, как продолжились и незаконные, нарушения границы, набеги и другие формы насилия, но на более низком уровне интенсивности. Это была жестокая война, отличавшаяся массовым взятием в заложники и похищением тысяч людей, которых так никогда и не нашли. Довольно часто было невозможно сказать, какая сторона была худшим преступником, да и определить

виновного было не всегда возможно. Если было ясно, кто захватил в заложники более тысячи человек (включая 777 школьников) в Беслане в Северной Осетии, то было куда менее очевидно, кто именно был ответственен за подрыв в 1999 году жилых домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске.

Ситуация в Чечне стабилизировалась, но не так обстояло дело в соседнем Дагестане. Россию не любили на Северном Кавказе, но ее боялись. Даже ее заклятые враги поняли, что шансов на получение независимости в обозримом будущем не было. Северный Кавказ оставался раной, которая не заживает, но уже не было опасности, что она распространится.

Чеченские сепаратисты были слишком слабы, чтобы навязать свои требования с каким-либо успехом, если только не было значительного увеличения мусульманской политической власти в других частях России, заставляющей центральное правительство пойти на существенные уступки на Кавказе. Потому что антироссийские силы зависели от большой помощи исламистских движений и государств, а такая помощь в большом масштабе вряд ли поступит в ближайшее время. Пока центр был силен, России нечего было бояться чеченского сепаратизма, но было также ясно, что режиму, который Россия установила в Чечне, нельзя было доверять в критической ситуации.

Спустя четыре года после того, как он стал президентом Российской Федерации, Борис Ельцин должен был участвовать в еще одной малой войне – против Верховного Совета, в котором позиции его политических конкурентов, главным образом старых коммунистов, были все еще довольно сильны. Он попытался укрепить свое положение различными способами, включая новую конституцию. Но его популярность уменьшилась, главным образом, как результат болезненных экономических реформ, которые стали необходимыми. То, как проходила война в Чечне, тоже не прибавляло ему популярности. Однако он решил выставить свою кандидатуру на второй президентский срок на выборах 1996 года, против чего очень сильно возражали многие из его советников и сторонников. Согласно опросам, поддержка его упала до 3 процентов, но его инстинкты борца говорили ему, что он все еще мог победить. Главный кандидат от оппозиции Геннадий Зюганов был скучным человеком, которому не хватало свойственной Ельцину притягательности и умения воздействовать на людей. В распоряжении Ельцина были значительные ресурсы. Многие из тех, кто разбогател в результате политики приватизации, поддерживали его, и даже были наняты некоторые профессиональные американские советники, специалисты по связям с общественностью. Кроме того, Ельцин обещал отменить некоторые из самых непопулярных мер, которые предприняли правительства, назначенные им. Власти пошли на ряд уступок пожилым людям и студентам. Международный валютный

фонд дал России кредит на сумму десять миллиардов долларов, второй по величине, который он когда-либо предоставлял. Ельцин пообещал закончить чеченскую войну. Постепенно он догнал Зюганова, который долгое время опережал его; в конце концов, Ельцин получил 54 процента голосов, а Зюганов 41 процент. Это была победа, но не очень убедительная.

Как объяснить, что после всех бед, порожденных коммунизмом, политическая партия, продолжающая его традицию, достигла таких успехов? (И Горбачев, и Ельцин уже давно покинули эту партию.) Сначала следует обратить внимание на многочисленные ошибки, сделанные реформаторами – и на то, что в действительности партии реформ не существовали. Люди, которые откладывали деньги, скоро поняли, что они были ограблены, потеряв почти 99 процентов своих сбережений; вместо денег им дали ваучеры. Но никто не знал, чего стоили эти ваучеры в действительности, уж точно не больше чем 15 процентов того, что забрали у них. Противники реформ были сконцентрированы в парламенте. Ельцин правил с помощью чрезвычайных указов, но парламент нарушал его планы и фактически лишил его полномочия издавать такие декреты. Новая конституция, которая была одобрена Ельциным, не помогла сломить это патовое положение, продолжавшееся многие годы. Либеральная партия «Яблоко», возглавляемая Григорием Явлинским, предложила Ельцину и правительству, назначенному им, лишь спорадическую и нерешительную поддержку. По мнению соратников Явлинского, реформы Гайдара были отнюдь не шоковой терапией, а скорее поверхностными и иногда противоречивыми мерами. Это было, вероятно, правильно в своей оценке. Но могло ли демократическое правительство протолкнуть ту шоковую терапию, которую представляло себе «Яблоко»?

Ельцин был на высоте в двойной игре в отношениях России с зарубежными странами. Его риторика часто колебалась между открытой враждебностью, когда он говорил с внутренней аудиторией (обвиняя Запад в большинстве бед, постигших Россию) и дружеским и конструктивным тоном в разговорах с западными лидерами, такими как Билл Клинтон и Гельмут Коль, которым он очень нравился. Такое лицемерие помогло Кремлю получить финансовую поддержку Запада, но было недостаточным для того, чтобы оказать решающее влияние дома, которое усилило бы или, по крайней мере, стабилизировало бы положение Ельцина. На выборах 1995 года в шестую Думу – выборы в то время проходили практически каждый год – коммунисты оказались единственной самой сильной партией, что было еще одним предупреждающим знаком. Как построить и поддерживать демократическую систему, если большинство было настроено против нее? Реформаторы получили в парламенте 109 мест, антиреформаторы – коммунисты и «патриотические силы» – более чем в два раза больше. (Различие между коммунистами и «патриотами» к тому времени почти исчезло). На самом

деле коммунисты были, в общем и целом, за старую систему, тогда как партия Жириновского – Либерально-демократическая партия – которая не была ни либеральной, ни демократической – соглашалась с отношением коммунистов к существующим проблемам.

Ельцин смог в следующем году добиться своего политического возвращения на президентских выборах. Тот факт, что Александр Лебедь (генерал и его главный советник по вопросам безопасности) достиг мирного соглашения с чеченцами, конечно, помогло его избирательной кампании. И 1997, год после начала его второго срока, был лучшим или, по крайней мере, самым легким за все время того трудного и болезненного периода. Затем, совершенно внезапно в марте 1998 года Ельцин отправил в отставку не только Виктора Черномырдина, но и весь его кабинет, включая Анатолия Чубайса. Причиной этого, которую чаще всего приводят, были амбиции уходящего в отставку премьер-министра, который видел себя преемником Ельцина и действовал соответственно. Если так, то выбор времени для его отставки был менее чем блестящим, поскольку это совпало с еще одним экономическим кризисом.

Мировой спрос на нефть и газ упал, и вместе с этим упал и доход России из этого источника. Российский рынок потерял 60 процентов своей стоимости, и Ельцин вынужден был сообщить Думе, что ситуация вызывала тревогу. Правда, положение к концу года улучшилось, и 1998 год показал рост валового национального продукта на 5 процентов. С другой стороны, Ельцин как раз в это время перенес еще один медицинский кризис, именно тогда, когда стабильность наверху была необходима более чем когда-либо. У него за время пребывания на посту президента было четыре сердечных приступа, и в 1996 году было произведено шунтирование Майклом Дебейки, хьюстонским пионером в этой области; российские доктора сомневались, переживет ли Ельцин такую серьезную медицинскую процедуру. Он также должен был подвергнуться нескольким другим операциям в течение этих лет, некоторые из них проводили российские хирурги, другие – иностранные специалисты, которых направляли в Москву в большой тайне. Он действительно пережил шунтирование без больших осложнений, но он не пережил политические трудности конца девяностых и нападки на него.

Но цены на сырье, как известно, являются непостоянными, и восстановление начала 1998 года продлилось недолго. В августе газета «Financial Times» опубликовала письмо Джорджа Сороса, в котором тот советовал провести девальвацию рубля, поскольку российская экономика достигла предельной фазы своего финансового краха. Совету последовали, обменный курс оставили плавать, и рубль утратил половину своей ценности. Дума голосовала за увольнение Ель-

цина, но такие резолюции, согласно конституции, не имели обязательной силы. Попытки импичмента президента тоже не имели успеха. Однако к тому времени даже самые преданные сторонники Ельцина среди олигархов боялись, что президент попытается баллотироваться на третий срок (второй срок был ограничен четырьмя годами). Такие страхи, однако, были необоснованными, поскольку народная поддержка президента исчезла.

Международный валютный фонд был готов выручить Россию еще один раз, но и он тоже достиг предела своего терпения – и ресурсов. В этой ситуации в середине 1998 года Ельцин, вероятно, решил, что должен будет уйти в отставку, и что необходим другой премьер-министр; для этого поста он выбрал сорокашестилетнего сотрудника КГБ по имени Владимир Владимирович Путин.

(Неточность у автора, из контекста следует, что имеется в виду 1999 год – прим. перев.)

Путин не был широко известен, не был связан с какой-либо политической партией. Борис Березовский, самое близкое доверенное лицо Ельцина среди олигархов, рекомендовал ему Путина. Несмотря на то, что Ельцин не знал его очень хорошо, Путин, очевидно, получил президентскую поддержку как человек, на лояльность которого он мог рассчитывать. Путин поддерживал Анатолия Собчака, своего бывшего босса и мэра Санкт-Петербурга, даже после того, как тот столкнулся с большими проблемами и вынужден был сбежать из страны. Могло случиться так, что как раз такая демонстрация лояльности в глазах Ельцина перевесила все другие соображения.

Ельцин держался за свою работу до последнего дня года (и тысячелетия), когда, за несколько месяцев до окончания своего второго срока, он объявил о своей отставке. Он выражал сожаление, что не смог реализовать многие из своих мечтаний (и мечтаний российских граждан), и он рекомендовал Путина как своего преемника, пока в качестве исполняющего обязанности президента.

Это был конец эпохи. Для большинства россиян это было ужасным временем, и не только в плане материальных лишений. Уровень преступности рос, как росла коррупция и многие из других отрицательных тенденций, которые были частью жизни в Советском Союзе. Но Сталин и его преемники могли, по крайней мере, похвастаться тем, что страна превратилась в сверхдержаву... Была ли перестройка действительно необходима, и если да, то нельзя ли было провести ее менее болезненным способом? Почему преобразования в Китае были менее болезненными, и, в том, что касается экономики, более эффективными? Короткий ответ состоит в том, что Россия – не Китай, что Китай не был настолько много-

национальным государством, и китайская перестройка была, в общем, ограничена экономикой, без намерения ввести многопартийную систему.

Одна из целей архитекторов перестройки состояла в том, чтобы сделать экономику более эффективной. В большинстве отношений это окончилось провалом. Другая цель состояла в том, чтобы создать средний класс, который произведет рост. Немногие люди очень сильно разбогатели за время перестройки, и все еще была большая бедность; но если средний класс и возник, то он, конечно, очень отличался от среднего класса в Америке или Европе. То, что существовала социальная страта между очень богатыми и очень бедными, не вызывало сомнений – число россиян, выбирающих путешествие за границу, было только одним из многих показателей этого. В советские времена такие поездки были привилегией очень немногих, не только из соображений безопасности, но и потому что большинство не могло позволить себе это. Теперь массы российских туристов можно было встретить наряду с китайцами не только во Франции и Италии, но и в более отдаленных и экзотических местах.

Россия, конечно, стала богаче, но доходы многих миллионов ниже небольшой группы олигархов были все еще очень низки. Профессионалы в частном секторе часто зарабатывали вдвое больше, чем такие же специалисты с такими же способностями, работавшие в государственном секторе. Такая ситуация обязательно должна была вызвать коррупцию.

Если существовал новый средний класс, как можно было его определить? Состоял ли он из семей, по крайней мере, с одним автомобилем, компьютерами, возможно дачей (пусть даже примитивной)? Таких людей действительно были миллионы в Москве и Санкт-Петербурге. (Доходы и прожиточный минимум в Москве были приблизительно на 10-20 процентов выше, чем в Петербурге.) Существовал ли средний класс за пределами этих самых больших городов? Столица действовала как магнит, но жизнь в провинциальных городах, как это описано в романе Юза Алешковского «Старгород», была совершенно другой. Что касается сельской местности, то бегство из небольших деревень продолжалось; тысячи деревень прекратили свое существование. Больше, чем в любой другой стране, все в России было сконцентрировано в столице. Иностранцы не были полностью осведомлены об этом, потому что большинство из них тоже было сконцентрировано в Москве. Это было новым вариантом ситуации, описанной Чеховым в «Трех сестрах»: женщины выросли в Москве. Москва обозначала счастье. Вне Москвы не было никакой жизни.

Политические последствия этих социальных тенденций были интересными и часто противоречивыми. Интеллигенция была разделена, многие поддерживали

либеральные идеи, и участники антипутинских демонстраций 2011- 2013 годов происходили, главным образом, из рядов интеллигенции и других групп среднего класса, не из среды бедных и неимущих. «Средний класс» нельзя определять на основе одного только дохода; образование и другие факторы играли свою роль. Но была, по крайней мере, равная поддержка патриотическо-консервативно-реакционного лагеря со стороны этих кругов. Это была беспрецедентная ситуация, уникальная, очень российская.

2. КТО УПРАВЛЯЕТ РОССИЕЙ?

Кто управляет Россией? Номенклатура, новый класс, силовики? Термин «номенклатура» относительно России был впервые использован советским ученым-диссидентом Михаилом Восленским в 1970 году в одноименной книге; Милован Джилас тоже говорил о «новом классе» в своей знаменитой работе «Новый класс», которая вышла в 1957 году.

Номенклатура не утверждала, что имела какую-либо политическую, экономическую или социальную определенность. Никто не утверждал бы, что у всех (или у большинства) членов номенклатуры была политическая власть. Это было сферой членов Политбюро и Генерального секретаря партии и приближенных к нему. Лидеры партии и другие важные фигуры, конечно, принадлежали к номенклатуре. Но, по сути, номенклатура была начальной, зачаточной группой людей с определенными привилегиями, важными в таком обществе, как Советский Союз, но не очень существенными с политической точки зрения. У них были определенные символы положения в обществе, такие как жилье, автомобиль и водитель, доступ к определенным услугам. И на самом верху – владение «вертушкой» (специальным телефоном) было признаком принадлежности к верхнему слою.

Несомненно, со временем состав элиты и ее структура менялись. Например, средний возраст политического руководства в 1920-х годах составлял около сорока лет, после Второй мировой войны – около пятидесяти лет, а во времена Брежнева – уже около семидесяти лет. Членство в политической партии было, естественно, обязательной предпосылкой. Ведущие военачальники и руководители тайной полиции были включены в номенклатуру, но не были допущены к принятию политических решений, и то же самое распространялось на руководителей в экономической и культурной сферах.

Состав принимающей решения элиты подвергся фундаментальным изменениям, поскольку коммунистическая партия утратила свое доминирующее положение.

При Борисе Ельцине вперед выдвинулись некоторые самые богатые люди; при Владимире Путине руководящий состав КГБ и отставники из руководства КГБ получили ведущие позиции в руководстве страны. Это было беспрецедентным процессом. В некоторых режимах в истории богачи и сверхбогачи достигали положения большой политической силы, а в военных диктатурах полковники и генералы продвигались на самый верх. Но политическая полиция никогда не обладала верховной властью, не обладала она ею и при фашизме и, конечно, и при каких-либо других политических режимах. И такое не произошло и в других бывших коммунистических странах в Европе и Азии.

Олигархи

Приход к власти олигархов – как и их частые неудачи и опалы – является захватывающей темой, которой занимались (и будут заниматься) многие исследования. Как они накопили свои состояния за такое короткое время? В основном путем овладения активами, принадлежащими государству, за номинальные или очень заниженные цены. Не существует одного единственного ответа, который мог бы решить все вопросы, окружающие эту проблему. Однако в контексте нашей книги нас интересует степень политической власти, которая была в руках тех, кто стал очень богатым в результате приватизации в России.

Все началось с решения приватизировать экономику. Никто точно не знал, как это сделать, но несколько проницательных людей поняли, что государственная собственность продавалась или отдавалась почти даром. Некоторые из них были высокопоставленными чиновниками правительства, включая министров и их заместителей – Вагит Алекперов теперь считается восьмым самым богатым человеком в России; он был исполняющим обязанности министра топлива и энергетики. У других не было никакого официального положения, но они располагали контактами с ответственными людьми во власти.

Из олигархов, которые нажили состояние при Ельцине, лишь некоторые сохранили свой статус при Путине. Их стремление играть важную роль также и в политике было фундаментальной ошибкой, и эти амбиции стали причиной их краха. Трудно понять, как люди, которые выросли при советской власти, могли совершить такую элементарную ошибку. Было ли это необузданными амбициями или верой в то, что с концом коммунизма все стало возможным? Случаи Бориса Березовского и Михаила Ходорковского, хотя и самые известные, были типичны.

Березовский, талантливый математик (он был начальником отделения в Российской академии наук), сделал свои деньги сначала на торговле подержанными автомобилями, позднее стал вовлеченным в российские СМИ, и позже продолжал инвестировать в одну из крупных нефтяных компаний, а также в «Аэрофлот», когда-то советскую государственную авиакомпанию. Впоследствии он вошел в нефтяной и газовый бизнес («Сибнефть», теперь «Газпром нефть»). Эти годы золотых возможностей были в значительной степени наполнены насилием. Было, по крайней мере, одно покушение на его жизнь, организованное конкурентами по бизнесу, а в другом случае один из его заместителей был убит. Были сообщения о том, что и он тоже планировал покончить с некоторыми конкурентами.

Приблизительно в то же время взлетела и его политическая карьера. Вместе со многими другими олигархами он финансировал предвыборную кампанию Ельцина на второй президентский срок в 1996 году. Вследствие своих тесных контактов с дочерью Ельцина Татьяной Березовский вошел в маленький круг самых близких советников президента. Вскоре после выборов Ельцина он был назначен заместителем секретаря Совета безопасности России. На этой должности он (среди прочего) отвечал за отношения с Чечней, что было одной из серьезнейших проблем в то время.

Амбиции Березовского привели его к конфликту как со многими другими олигархами, так и с политическими деятелями (такими, как Анатолий Чубайс, который отвечал за приватизацию в то время). Но если его чутье в бизнесе было чаще надежным, чем ошибочным, то он не смог увидеть опасности, с которой он и его группа столкнулись на незнакомой ему почве. Последние два года пребывания Ельцина на посту президента положение Березовского казалось неприступным. Ни одно важное назначение на главные правительственные посты не могло произойти без его рекомендации. Он и Роман Абрамович, другой напористый олигарх, которому в то время было всего лишь около тридцати лет, были первыми, кто порекомендовал Ельцину назначить Путина на должность премьер-министра как преемника Евгения Примакова, который (как утверждал Березовский) не был способен решить проблемы с экономикой. Путин в это время отдыхал в Испании на вилле, принадлежащей Березовскому, и понадобился некоторый толчок. Путин, конечно, знал, что все премьер-министры за последние годы потерпели неудачу. Больше того, у Путина не было никакого экономического опыта. Мог ли он преуспеть там, где все другие провалились? В конце концов, амбиции победили, и Путин принял предложенную ему работу.

Эра Ельцина приближалась к своему концу. Это была эра беззакония, когда олигархи могли, более или менее, добиваться того, что они хотели, как в эко-

номическом, так и в политическом отношении. Они могли управлять президентом и не имели никакой причины бояться закона. Но Березовский должен был понимать, что такое близкое к анархии положение не могло длиться вечно, поскольку господствующая система была неспособна справиться с постоянными кризисами, с которыми сталкивалась страна. Это была ситуация, в которой государство или другая сила (возможно, армия) должна была бы, в конечном счете, утвердиться в качестве стабилизирующего фактора. Рекомендуя Ельцину Путина, Березовский выбрал секретные службы. У него и других олигархов были деньги и некоторое влияние через СМИ, которыми они владели, но в их распоряжении не было ни политической партии, ни другой силы, которая могла бы дать им настоящую власть.

Однако Березовский и большинство других олигархов не знали о своей слабости. Вместо того, чтобы сесть на заднюю скамейку, оставаясь осторожно на заднем плане, и, возможно, уйдя из активного участия в политике вообще, Березовский начал кампанию против Путина после того, как оказалось, что эти два человека не сходились во взглядах на различные проблемы. Средства массовой информации Березовского утверждали, что Путин не продемонстрировал истинного лидерства в деле «Курска», российской подводной лодки, которая затонула с 118 моряками на борту. Путин отказался от иностранной помощи, которая, возможно, спасла бы корабль, и Березовский использовал это в качестве предлога, чтобы атаковать Путина за то, что тот рано протолкнул антидемократические политические реформы, а именно, что губернаторы теперь должны были назначаться Кремлем, а не избираться населением. Эта критика была справедлива или частично справедлива, но она обязательно должна была сделать врага из бывшего союзника. Путин принял ответные меры, национализировав большинство телеканалов, которые после приватизации были в частных руках. Это было эквивалентно лишению Березовского единственного эффективного политического оружия в его распоряжении. Кроме того, правоохранительные органы выдвинули обвинения в коррупции против «Аэрофлота», в котором Березовский играл важную роль.

Это было началом конца карьеры магната. Березовского должны были допросить власти, но он не появился на слушаниях в Москве. Уехав за границу, он отказался возвращаться в Россию, которая, как он написал в письме в газету «The New York Times», превращалась в банановую республику. Разрыв между двумя мужчинами, которые когда-то вместе катались на лыжах в Швейцарии, был теперь окончателен. Обвинения против Березовского были, вероятно, главным образом справедливы. Маловероятно, что любое большое состояние можно было в то время накопить без нарушения законов. В то же самое время эти обвинения были явно мотивированы политическими причинами. Их с той же

правильностью можно было бы обратить против всех тех, кто разбогател в эру Ельцина и, конечно, также против политиков и государственных чиновников, которые получали огромные взятки. Будь то неуплата налогов или рейдерство (захват других компаний любыми, самыми нечестными и грязными методами), даже связь с мафией, разве какой-то из олигархов времен Ельцина был полностью свободен от этих методов? Березовский не смог понять, что при Путине баланс сил изменился. Это не было точно восстановлением законности, но это, конечно, оценивалось как новая интерпретация новым правителем.

Березовский был вынужден продать свою долю в нефтяной компании «Сибнефть» – не государству, а Роману Абрамовичу, другому олигарху и бывшему союзнику, который, будучи политически намного более проницательным, присоединился на выборах Путина к побеждающей стороне, тесно сотрудничая с новыми хозяевами. Абрамович в эру Ельцина тоже был вовлечен в политику. Он был членом Думы и губернатором (бедной Чукотки на Крайнем севере). Но при Путине он мудро сместил свою активность с политики на футбол, игру, к которой у него был неподдельный интерес. Он поддерживал ведущий московский клуб и так стал известен как человек, гораздо больше интересующийся футболом, чем политикой. Борец по своей природе, он не был безрассудным, и знал, что мелочность в сделках не окупается. Когда он развелся со своей первой женой, то выплатил ей в качестве компенсации триста миллионов долларов. Это было большими деньгами, что и говорить, но не больше, чем он заплатил за одну из своих яхт. Таким образом, он держался в стороне от проблем и поддерживал хорошие отношения со своим хозяином.

Некоторые британские адвокаты извлекли очень большую выгоду из ссылки Березовского в Лондоне, так же как из присутствия Абрамовича. Оба богача были вовлечены во многочисленные юридические баталии относительно собственности компаний и различные иски о клевете. Березовский был заочно осужден московским судом как член преступной группировки, но в британской столице он выиграл дело по обвинению в клевете. Он ожесточенно нападал на Путина и финансировал различные антипутинские акции. Но это была проигрышная битва. Ему должно было быть ясно, что он не мог победить в кампании против главы крупного государства. Были утверждения о попытках его убийства, организованных Кремлем, но Березовский избежал покушений. К сожалению, Александр Литвиненко, его близкий помощник (и бывший сотрудник КГБ), не был столь удачлив: он был отравлен в Лондоне в 2006 году.

Силовики

У этих конфликтов были свои жертвы. Березовский стал подавленным, потерял значительную часть своей собственности и совершил самоубийство в марте 2013 года. До того, как расстаться с жизнью, он послал письмо Путину (через своего старого коллегу и нынешнего противника Абрамовича), прося прощения за различные «плохие дела», которые он совершил. Этот финал был символом исторической тенденции, которая имела место: поражения, которое силовики нанесли олигархам, вмешавшимся в политику или, чтобы быть точным, замешанным в действия, направленные против Путина и его партнеров. Силовики были готовы принять то, что олигархи делали крупные денежные суммы, щедро их тратили, даже вывозили большую часть своих денег за границу. Силовики, вероятно, делали то же самое. Но они не были готовы принять политическую деятельность олигархов, если она не была предпринята по поручению силовиков, по их инициативе и под их контролем.

Историю Михаила Ходорковского не стоит здесь пересказывать подробно, так как о ней много писали во всем мире после его ареста и долгого пребывания в Гулаге. Родившись в Москве, он, активно участвуя в комсомоле, молодежной коммунистической организации, пошел по стопам своих родителей, которые были инженерами-химиками. Он также некоторое время работал плотником. Ни один из ранних магнатов не обладал преимуществом образования в сфере бизнеса или менеджмента, поскольку этого предмета не существовало в Советском Союзе; первые такие школы возникли только в середине 1990-х. Некоторые изучали международное право и политику, но только очень немногие когда-либо бывали за границей. Многие приобретали свой опыт тяжелым путем. Некоторые из более старых среди них получили свой опыт в подполье, в незаконной или полузаконной «серой» экономике. Большинство из них начинало с самого дна. Михаил Фридман, например, в начале своей деловой карьеры мыл окна. Роман Абрамович был уличным торговцем, Владимир Лисин, когда-то самый богатый человек в России, работал механиком на шахте, Вагит Алекперов работал на нефтяной платформе в Каспийском море – опасная работа, если она была. Когда Ходорковскому не было и тридцати лет, он уже занимался импортом компьютеров, джинсов и коньяка, что принесло ему небольшое состояние. Он создал один из первых кооперативных банков («Менатеп»), который обанкротился. В течение короткого периода он был заместителем министра топлива и энергетики, что обеспечило ему некоторые полезные контакты.

Ходорковский понял, что ему понадобится иностранный капитал для создания действительно большой компании. С помощью американских инвесторов он

приобрел «Юкос», тогда крупнейшую нефтяную компанию в стране, оцениваемую приблизительно в 15 миллиардов долларов. Практика деловых отношений, применяемая в те годы, будь то объявление банкротства, привлечение новых инвесторов, неуплата налогов или приобретение компаний, не только была неэтичной, но и считалась многими преступной. Но эти приемы работали, и к тому времени, когда он был арестован в 2003 году, Ходорковский стал самым богатым человеком в России, главным образом в результате роста нефтедобывающей промышленности и ее огромной прибыли.

Как и Березовский, Ходорковский совершил роковую ошибку, слишком глубоко занявшись политикой, критикой правительства и поддержкой оппозиции. Он стал главной неприятностью для людей у власти. Вместо того чтобы приобрести футбольные клубы, современное искусство или молодых любовниц, он открыто спорил с Путиным по телевидению, утверждая, что высокопоставленные кремлевские чиновники получили взятки на многие миллионы долларов. На первом процессе в 2003 году Ходорковского обвинили в мошенничестве и уклонении от налогов; на втором процессе в 2009 году – в отмывании денег и растратах. Он провел восемь лет в лагере, прежде чем его помиловали в 2013 году. Но в отличие от Березовского он, однако, не был сломлен, и продолжил свою критику правительственной политики, еще находясь в тюрьме, и даже сумел утвердиться как ведущий защитник демократических свобод и прав человека. Учитывая его биографию, это было значительным подвигом.

Немногие из олигархов эры Ельцина выжили благополучно. Александру Конаныхину, менее известному на Западе, было только двадцать лет, когда он создал свой первый кооператив, занимающийся строительством, в котором были заняты шестьсот рабочих. Вскоре после этого он стал одним из первых брокеров на недавно созданной фондовой бирже. Неясно, почему он попал в немилость у властей, возможно, из-за его сотрудничества с Березовским. Он сбежал в Соединенные Штаты, прося политическое убежище, потому что он утверждал, что ему угрожает убийство, если он вернется в свою родную страну. Его карьера в Америке была неоднозначной. В одном судебном деле он был вознагражден самой высокой суммой (33,5 миллиона долларов), когда-либо присужденной по делу о клевете, и в Нью-Йорке его назвали «Бизнесменом года» (2004). Но он также провел пятнадцать месяцев в американских тюрьмах. Его биография называется «Вызов. Как преуспеть в бизнесе, когда за вами охотятся ФБР, КГБ, американская миграционная служба, министерство внутренней безопасности, министерство юстиции, Интерпол и киллеры мафии».

Владимир Потанин – олигарх, который выжил и не пострадал. Он служил когда-то при Ельцине заместителем премьер-министра и также занимал другие важ-

ные правительственные должности. Он – глава ведущей холдинговой компании «Интеррос», и его собственность оценивается в 12-13 миллиардов долларов. Он держался вне политики после периода Ельцина, но был главой бесчисленных неполитических правительственных позиций, а также стал меценатом многих музеев в России и за ее пределами и занимал посты в их правлениях.

Владимир Гусинский, с другой стороны, столкнулся с проблемами в начале своей карьеры. Его родители жили в Москве в коммуналке, в одной комнате в квартире, разделенной между несколькими семьями). Он изучал нефтяную технологию, но позже работал театральным режиссером под Москвой. Он нажил состояние как владелец банка и затем начал скупать газеты и телевизионные станции, а также был активен в кинопроизводстве. Его СМИ критиковали правительство за войну в Чечне и другие проблемы. Он был впервые арестован в 2000 году, но сбежал из России, был впоследствии лишен российского гражданства, и получил испанское и израильское гражданство. Российские власти пытались арестовать его и добиться его экстрадиции через Интерпол, но Европейский суд по правам человека принял решение, что обвинения российского правительства против него были незаконны – и нарушали конвенцию о защите прав человека. Гусинский, в конечном счете, уехал из Израиля и продолжил свою деловую карьеру в Соединенных Штатах.

Среди очень немногих олигархов ельцинской эры, которые не только выжили, но и практически сохранили свою собственность, был Михаил Фридман. Его отец был видным деятелем (и изобретателем) в области военной технологии. Родившийся в Львове младший Фридман изучал производство стали и металлургию и начал свою деловую карьеру, когда ему было около двадцати пяти лет. Вместе со швейцарскими партнерами он основал компанию, которая позже стала «Альфа-Групп», с долями в банковском деле и других областях. Его состояние, оцениваемое в 2008 году в 20 миллиардов долларов, временно упало в следующем году до 6 миллиардов в результате всемирного кризиса, затем снова выросло до 16 миллиардов долларов в 2013 году, что сделало его вторым из самых богатых российских граждан.

Фридман был известным меценатом еврейских культурных дел («Genesis Philanthropy Group»), как были, в меньшей степени, и Гусинский (который поддерживал израильскую баскетбольную команду в течение многих лет), Герман Хан и Петр Авен.

Среди олигархов эры Ельцина большинство имело еврейское происхождение, но были также мусульмане, включая Алишера Усманова, самого богатого. Но, кроме упомянутых, эти олигархи не были активны в еврейской жизни; напротив,

они дистанцировались от еврейского сообщества или даже, как Березовский, как сообщалось, перешли в православие. Многие лишь частично были евреями, и их отцы или матери были русскими и православными. В своей пропаганде антисемиты интенсивно пытались воспользоваться этими фактами, но, к их удивлению, с относительно малым эффектом. Они так долго утверждали, что евреи правят Россией, и поэтому повторение старых утверждений могло иметь только ограниченный эффект, особенно в то время, когда большинство олигархов теряло большую часть своего влияния и денег, и некоторые вообще исчезли из поля зрения.

Список («Форбс» 2013) самых богатых олигархов эры Путина читается совсем иначе, нежели аналогичный список времен Ельцина:

Алишер Усманов	18 (миллиардов долларов)
Михаил Фридман	16
Леонид Михельсон	15
Виктор Вексельберг	15
Вагит Алекперов	14
Андрей Мельниченко	14
Владимир Потанин	14
Владимир Лисин	14
Геннадий Тимченко	14
Михаил Прохоров	13
Алексей Мордашов	12
Герман Хан	10
Роман Абрамович	10
Дмитрий Рыболовлев	9
Искандер Махмудов	8
Олег Дерипаска	8

Имена в этом списке были более или менее теми же самыми в течение десятилетия, но ранжирование имеет тенденцию изменяться из года в год, и данные цифры являются лишь грубыми оценками. Когда-то Лисин возглавлял список; на другой стадии – Дерипаска. В результате политического кризиса 2014-2015 годов олигархи, как сообщают, потеряли, до сих пор, по крайней мере, одну четверть своей собственности.

Трудно установить, где размещены эти миллиарды. Из вышеупомянутого списка половина, возможно, даже больше, является жителями других стран. Например, Усманов, Абрамович, Герман Хан и другие проживают в Великобритании, а Мельниченко живет в Нью-Йорке, в Антибе и в Аскоте. Большая часть денег бы-

ла вывезена из России особенно на Северный (турецкий) Кипр (с которым нет договора о выдаче преступников), и впоследствии в Лондон. Ставка индивидуального подоходного налога в России была очень низка со времен Сталина (13 процентов), но условия в Великобритании считаются даже более благоприятными. В то время как отношение российских властей к большому бизнесу было благоприятным, кажется, что существует дефицит доверия – страх того, что средства в России могут быть конфискованы, а владельцы арестованы или убиты.

Уже упоминался урок, извлеченный олигархами в отношении того, что не стоит впутываться в политику. Возможно, этот урок был выучен слишком хорошо. Когда «Коммерсантъ», газета, принадлежащая группе Алишера Усманова, опубликовала статью с критикой режима Путина и сомнениями в честности результатов выборов, Усманов немедленно уволил тех, кто позволил себе такую критику правительства. В то же самое время он подчеркнул независимый характер газеты. Героями Усманова с детства были три мушкетера, и он был спонсором фехтования как состязательного спорта в России. Но он слишком хорошо понимал, что даже Атос, Портос и Арамис, если бы они жили в России двадцать первого века, должны были бы хорошо знать, где проходит граница дозволенного – и кто мог бы обвинить его? Усманов, без сомнения, также помнил свои годы в тюрьме в его родном Узбекистане в 1980-х годах.

Когда власти захотели создать другую политическую партию, чтобы доказать демократический характер режима, они, очевидно, должны были потратить много энергии, убеждая одного из олигархов, Михаила Прохорова, поддержать эти усилия. Впоследствии такой проект мог легко выйти из-под контроля, и фальшивая оппозиция могла превратиться в настоящую. Прохоров оставил партию, которую он основал, спустя нескольких месяцев.

Более старшие олигархи родились в 1950-х годах, более младшие – в следующее десятилетие; большинству из них во время приватизации было около тридцати лет или немного больше. Некоторые, такие как Владимир Потанин и Михаил Фридман, происходили из семей, которые только что поднялись до низших слоев номенклатуры, но большинство других происходило из бедных или относительно бедных семей. Некоторые уже сделали себе имя в научном мире; большинство из них изучали научные или технологические предметы. Приблизительно одна треть олигархов нажила состояние в банковских или холдинговых компаниях, больше одной трети – на металлах и нефти и газе. Неудивительно, что среди самых богатых были те, кто занимался нефтедобывающей и газовой отраслями. Несколько олигархов приобрели свои деньги относительно мирно и сумели держаться в стороне от центра внимания, но большинство вы-

нуждено было вести длительную борьбу, переполненную вымогательством, угрозами и даже убийствами. Во время одной только «алюминиевой войны» были убиты, как сообщалось, около ста человек. Роман Абрамович и Дерипаска, тесная связь которых с Путиным была отмечена, вышли победителями из этой войны. В этом случае, как и в других, трудно провести границу между настоящим бизнесом и действиями преступного мира. Сомнительно, что полная история этих наполненных насилием лет когда-либо будет написана. Но если это случится, то период американских баронов-разбойников в сравнении с этим будет похож на мелкие ссоры малышей в детском саду.

Наслаждались ли они своим недавно приобретенным богатством? Известны очень немного случаев отхода от дел; привлекательность и возбуждение мира бизнеса, кажется, были непреодолимыми. Многие устроили себе второе место жительства в Лондоне (который часто становился их первым местом жительства), некоторые в Америке и Швейцарии, но они и издалека продолжали руководить своим бизнесом. Некоторые приобрели вторые и третьи паспорта, например, Тимченко, одно время главный финансовый советник Путина, стал финским гражданином. Это не всегда помогало; Дерипаске, например, отказали во въезде в Соединенные Штаты из-за чего-то, что произошло в его прошлом – задолго до того, как американское правительство ввело санкции в 2014 году. Виталию Малкину, другому олигарху, не разрешили въехать в Канаду, даже при том, что он путешествовал с израильским паспортом; были обвинения в отмывании денег, так же, как и в международной незаконной торговле оружием. Он также пытался убедить американских сенаторов, что Сергей Магнитский, московский адвокат, который умер в тюрьме при подозрительных обстоятельствах, на самом деле был преступником.

Они стали главными покупателями произведений искусства, и современного, и классического, тогда как в других местах, как в Соединенных Штатах, только второе поколение нуворишей демонстрировало такие интересы. Жене одного из олигархов принадлежит известная картинная галерея в Москве. Самую большую выгоду из этого интереса к искусству извлекли современные британские живописцы – такие как Фрэнсис Бэкон и Люсьен Фрейд. Аукцион «Christie's» в ноябре 2013 года продал триптих Бэкона, изображающий его друга Люсьена Фрейда, за 142,4 миллиона долларов, рекордную цену за картину, проданную на аукционе. Несколькими годами ранее Абрамович должен был заплатить «Sotheby's» 88 миллионов долларов за другой триптих того же художника. Усманов, не интересующийся полумерами, купил целую коллекцию Мстислава Ростроповича за ночь до того, как она пошла на аукцион. За много лет Виктор Вексельберг приобрел самую большую коллекцию яиц Фаберже. Яйца Фаберже стали очень желанными, и он открыл специальный музей, чтобы демонстриро-

вать свою коллекцию (коллекция Александра Иванова в Музее Фаберже в Баден-Бадене тоже очень внушительна).

Российское искусство стало одновременно желанным и очень дорогим – «Christie's» должен был заплатить Вексельбергу 2,5 миллиона долларов как возмещение убытков за «Одалиску» Кустодиева после того, как оказалось, что у нее было сомнительное происхождение. Самая большая частная коллекция русского искусства находится в руках Петра Авена, чье «второе место жительства» находится в деревне близ Лондона – он заплатил около пяти миллионов долларов за семейный портрет Кончаловского (1917). Кончаловский был прекрасным художником, но он написал много произведений, и до недавнего времени его картины не стоили очень дорого; тридцатью годами ранее Авен, возможно, купил бы ту же самую картину за 20 000 долларов или даже меньше. Но тридцать лет назад и Авен еще не был олигархом. Семья Мельниченко – гордые владельцы двух картин Моне с кувшинками. Этот список можно было бы продолжать и продолжать.

Олигархи часто нарочито, на показ тратили деньги, что стало предметом многих шуток, но также и скандалов, и жесткой критики. Это, конечно, способствовало их непопулярности как группе. Правда, все стремились участвовать и в филантропической деятельности, но то, что они потратили на благотворительность, было лишь небольшой частью тех огромных сумм, которые они расточали на роскошь.

Власти сначала не вмешивались, но ряд обстоятельств, в конечном счете, заставил их принимать меры против некоторых эксцессов. С одной стороны, большинство олигархов тратили свои богатства на места жительства за рубежом, искусство, и яхты, что не приносило пользу российской экономике. С другой стороны, экономический кризис 2008 года заставил многих из них экономить. Некоторые увидели, что столкнулись с огромными долгами, так что в итоге служащие компаний, принадлежавших олигархам, пострадали даже больше. Это привело к общественным беспорядкам и насилию, что действительно встревожило власти. Поэтому олигархам недвусмысленно посоветовали проявлять сдержанность. После 2008 года большинство прилагало большие усилия, чтобы их не видели и не слышали, кроме тех случаев, когда они действительно тратили свои деньги на добрые дела.

Правительственные чиновники также разбогатели – некоторыми из них стали очень богаты, но они делали это так осторожно, что никто точно не знал, насколько велики были их состояния, и где хранились их деньги или инвестиции. Согласно Станиславу Белковскому, ведущему российскому журналисту,

специалисту по журналистским расследованиям, Путин с 70 миллиардами долларов мог быть одним из самых богатых людей на земле. (Но такие утверждения не могут, конечно, быть проверены, по крайней мере, пока Путин находится у власти.) Другие журналисты оценивают, что наручные часы, которые Путин носил во время некоторых своих появлений на телевидении, «Patek Philippe» и другие, стоят приблизительно 160 миллионов долларов. Когда экономическая ситуация в 2014 году ухудшилась, стало очень модным нападать на олигархов и систему («ростовщичество»), которая позволила им накопить их богатство. Но политики, ведущие эту кампанию, также извлекли выгоду из системы, разбогатели, не имели никакого желания изменять эту систему и отдавать свое имущество. Представители церкви тоже участвовали в этой кампании, но сам патриарх появился на телевидении с наручными часами, примерно такими же дорогими, что и у Путина. Эти явные противоречия между официальной пропагандой и реальным положением дел (большой и растущей дистанцией между жизнью богачей и всех остальных) являются главной слабостью режима. Эта слабость с уверенностью сохранится и вызовет политическую напряженность.

В Москве теперь проживает больше миллиардеров, чем в любом другом городе мира. Во всем мире неравенство доходов, измеряемое коэффициентом Джини (названным так в честь итальянского экономиста) и некоторыми другими критериями, существенно выросло за последние три десятилетия. В этом отношении Соединенные Штаты находятся в самом низу среди развитых стран. Но если также верно, что 110 самым богатым россиянам принадлежат приблизительно 35 процентов ВВП страны (как установлено исследовательским отделом «Credit Suisse»), и если, с другой стороны, 93 процентам российских граждан принадлежат меньше, чем 10 000 долларов, то это значит, что создание сильного среднего класса не было достигнуто в результате приватизации. Число китайских миллиардеров несколько больше, чем российских, но лишь незначительно. Кроме того, китайский ВВП (восемь триллионов долларов) в четыре раза больше российского, который в настоящее время является равным ВВП Франции и меньше, чем ВВП Бразилии.

Такое развитие является нежелательным и с политической, и с экономической точки зрения. Действительно ли возможно полностью изменить это положение дел? Без сомнения, есть различные способы сделать это, например, с помощью реформы подоходного налога. Но это могло бы навредить деловым интересам политического руководства и привести к росту бегства капитала из России. При любых обстоятельствах эта проблема не стояла на самом верху в списке приоритетов российских лидеров, главным беспокойством которых, вероятно, было предотвратить превращение богатства в важное политическое оружие. В этом они в значительной степени преуспели. Но если неравенство выходит за опре-

деленные рамки, оно обязательно приводит к значительному росту социальной напряженности, и политическое руководство будет вынуждено действовать.

В борьбе между силовиками и олигархами первые победили полностью и без больших усилий. Олигархи не составляли объединенный фронт; они чаще конкурировали друг с другом. Союзы между ними были недолгими, и они обычно страдали от дефицита политического инстинкта и понимания. У них были политические амбиции, но не было никакой политической поддержки, такой как политическая партия или тесная связь с армией и органами госбезопасности.

У силовиков, с другой стороны, были связи старой школы – их совместная работа в КГБ, дома или за границей. Как сказал Николай Патрушев в своей речи в сентябре 2002 года, он последовал за Путиным как глава ФСБ (организация-преемник КГБ), и секретная служба стала новым дворянством. Они делали свою работу не ради денег, а из чувства долга, то есть, из патриотизма и идеализма.

Доля бывших агентов КГБ в ближнем кругу Путина оценивалась приблизительно в одну треть, на верхних уровнях, вероятно, даже выше. Это, конечно, только оценки, потому что членство в «органах» до недавнего времени не считалось темой для общественного обсуждения. Однако они встречались и неофициально, и на работе, и им внушили, что они были настоящей элитой, щитом и мечом системы. Чекисты были единственной честной, надежной, патриотической силой, единственной, которой можно было слепо доверять.

(Автор, как и большинство западных авторов, подразумевает здесь под «агентами КГБ» штатных сотрудников органов, а не информаторов. – прим. перев.)

Они также страдали от определенных недостатков. Положение КГБ (прежде Чека и НКВД) не всегда было хорошим – во время чисток 1930-х органы госбезопасности понесли громадные потери. Двух высших руководителей органов даже расстреляли. (Двух расстреляли в 1930-е годы – Ягоду и Ежова, и еще двух в пятидесятые – Берию и Абакумова. – прим. перев.)

Но было торжественно провозглашено (и в это часто верили), что плохие времена навсегда канули в прошлое и никогда не вернуться, что служить в органах было большой честью, жизненно важным и патриотическим долгом – ведь без чекистов родина окажется в смертельной опасности, поскольку ей противостояли заклятые враги дома и за границей, день и ночь строя коварные планы, как навредить России и, если возможно, уничтожить ее.

Этот вид идеологической обработки часто был эффективен. В результате многих лет сталинского правления менталитет преследования глубоко укоренился в стране. Возможно, не всему этому верили, но этой веры было достаточно, чтобы привлечь людей к органам, как на самом верху, так и далее вниз по иерархии. Руководители органов были, главным образом, бюрократами среднего интеллектуального уровня без большого опыта, чтобы иметь дело с миром за пределами Советского Союза. Юрий Андропов, возможно, был единственным исключением, но он был болен, когда был назначен, и у него не было времени проявить себя.

(Здесь автор, вероятно, путает время пребывания Андропова на посту Генерального секретаря ЦК КПСС – действительно лишь немногим более года, и его пребывание во главе КГБ – почти пятнадцать лет. – прим. перев.)

Средний сотрудник часто испытывал недостаток солидного образования; в академии КГБ или на специальных курсах его учили сравнительно хорошо знать язык страны, в которую его направят. Но этого часто не было достаточно, чтобы приобрести нужные манеры, познакомиться с обычаями, получить то социальное изящество, которое было необходимо, чтобы свободно и неприметно вращаться в условиях, столь отличающихся от тех, которые он знал дома. Любые успехи, достигнутые КГБ, обычно были результатом удачи. Репутация КГБ была не слишком хорошей в 1970-х и 1980-х годах, и чекисты оказались неспособны предотвратить крушение Советского Союза, которое предположительно было работой его врагов за границей. **[Прим. ред. ВС: Скорее всего КГБ принимало активное участие в развале СССР.]** В течение многих лет КГБ и его преемники прилагали серьезные усилия для улучшения и украшения своего образа с помощью романов, фильмов и другими способами. Самым успешным, безусловно, был телесериал о Штирлице «Семнадцать мгновений весны», поставленный по роману Юлиана Семенова, где описывались жизнь и действия советского разведчика, который внедрился в нацистскую службу безопасности на самый верх и поэтому имел возможность сообщать своим начальникам в Москве даже о самых секретных планах нацистов.

Этот фильм был очень хорошо сделан и стал чрезвычайно популярным. Его по сей день регулярно показывают по российскому телевидению. Мальчишки во всем Советском Союзе после этого фильма играли в Штирлица, это стало их любимой игрой. Штирлиц появился также в других романах того же автора. Семенов, алкоголик, умер в молодом возрасте от инсульта. (В возрасте 62 лет, так что не совсем в молодом возрасте. – прим. перев.)

Он был циником, который время от времени умудрялся тайком включать в свои романы некоторые сомнения и даже критику режима. Он знал, что ничего даже отдаленно похожего на сагу о Штирлице никогда не происходило на самом деле. Это был чистый вымысел, который было интересно смотреть, но совершенно нереальный. Были и другие такие попытки приукрасить историю органов, например, фильм «Выстрел в тумане», но по популярности им было далеко до Штирлица.

Штирлиц был героем антифашистской борьбы, в «прогрессивной, интернационалистической эре». В постсоветский период появился другой тип героя – не вымышленный, но реальный. Случай Николая Сергеевича Леонова, по видимому, не был нетипичным. Он был большим человеком в иерархии КГБ, заместителем начальника Первого главного управления (внешняя разведка). У него было звание генерал-лейтенанта, и он был главой аналитического отдела КГБ. Согласно его биографу, за более чем двенадцать лет Леонов никогда не ошибался в своих прогнозах и аналитических отчетах, действительно замечательное достижение. Его антиамериканские действия были, как выражается тот же биограф, мотивированы глубоким убеждением и были благословлены Богом. Назовем только два примера того, как его предсказания продемонстрировали глубокое понимание им международных дел: он классифицировал Южный Йемен как «самую марксистскую страну» на Ближнем Востоке (так как Леонов не был марксистом, неясно, было ли это хорошо или плохо), и оповестил, что в Польше перспективы коммунизма были не очень хороши. Такая способность проникновения в суть вещей, кажется, произвела впечатление на его начальников, так же как и на тех, кто работал для него, среди них Путин.

В 1991 году Леонов ушел из органов, протестуя против изменнических действий своих руководителей. Он стал членом Думы, принадлежа к одной крайне правой партии. В последующие годы он был очень активен от имени этих кругов, главным образом, как телеведущий. Он также преподавал историю в Московском университете. Он стал практикующим членом православной церкви, причем архимандрит Тихон был исповедником как его, так и Путина. В одном интервью Тихон назвал Леонова человеком исключительной честности: «Встреча с ним несколько лет назад стала для меня настоящим откровением».

Леонов стал настоящим верующим, но его новая религиозность не распространилась на иудаизм. Он подписал письмо к Генеральному прокурору России, в котором просил предпринять шаги против евреев в свете публикации «Кицур Шулхан Арух», книги иудейского закона шестнадцатого столетия, впервые изданной в Венеции. Тот факт, что ведущие российские политики, такие как Горбачев и Ельцин, казались предателями в глазах человека таких представлений,

можно легко понять. С другой стороны, он ведь и сам тоже был перебежчиком и предателем, потому что вступил в коммунистическую партию и присоединился к «щиту и мечу» коммунистической системы, это значит, что он должен был принять определенную идеологию. Те, к которым он первоначально присоединился, тоже могли расценивать его последующий поворот к «буржуазному национализму и реакционному клерикализму» как предательство.

Путин, конечно, окружал себя не только бывшими агентами КГБ. И согласно российским, и согласно западным оценкам, только приблизительно 30 – 40 процентов людей на ключевых позициях были нынешними или бывшими агентами КГБ. В ближнем кругу Путина были другие, которые работали с ним во время его петербургских лет и в других местах, и на кого, как он думал, он мог положиться. Были братья Ротенберг, например, которые являлись его спарринг-партнерами в каратэ, дзюдо и других боевых искусствах. Почти все аспекты жизни и деятельности Путина были проанализированы с большими подробностями, но, возможно, не всем известно, что он получил черный пояс восьмого дана по каратэ и со страстью увлекается боевыми искусствами; на воздействие приемов и правил таких видов спорта на политику Путина до сих пор не обращали внимания. Те, кто достиг уровня черного пояса, также составили своего рода братство. Некоторые олигархи среди членов ближнего круга занимались частными делами Путина, тогда как другие стали его близкими советниками.

Некоторые наблюдатели московской сцены верят в существование неофициального Политбюро и утверждают, что это напоминает Политбюро Брежнева во времена застоя. Сравнение с эрой Брежнева кажется неправдоподобным, но существование группы близких советников представляется несомненным, даже если такая группа неструктурированная и подвергается частым изменениям. Согласно А. С. Челнокову («Путинский застой: Новое Политбюро Кремля»), она состояла в 2013 году из следующих лиц:

Сергей Иванов, бывший генерал КГБ, ответственный за общее управление. Путин знал его еще с того времени, когда оба работали на мэра Анатолия Собчака в Санкт-Петербурге.

Игорь Сечин, прежде заместитель премьер-министра, в настоящее время глава «Роснефти».

Сергей Чемезов, о котором немного известно, кроме как среди инсайдеров. Он – глава корпорации под названием «Гостехнология», и у него был опыт в сфере промышленности.

Геннадий Тимченко, который является денежным администратором (или консультантом) группы. За прошлые двадцать лет он провел больше времени за границей, чем в России.

Юрий Ковальчук, совладелец «России», российского банка. У него есть докторская степень по физике, но его более свежий опыт был в области СМИ и банковского дела.

Сергей Собянин, мэр Москвы, сменивший Юрия Лужкова (который после многих лет пребывания на этом посту был убран, потому что он стал слишком вовлеченным в конфликты интересов с Путиным и правительством). Он также глава группы губернаторов и других высокопоставленных лиц, представляющих Урал и Сибирь.

Вячеслав Володин, родом из Саратова, который подвергался различным обвинениям во время своей политической карьеры, но всегда умел удачно вывернуться.

Дмитрий Медведев, преданный дублер Путина. Всякий раз, когда Путин служил премьер-министром, Медведев был президентом, и наоборот. Неизвестно, какой реальной властью Медведев обладает.

Затем идут «кандидаты» в Политбюро – еще не полные его члены, но очень вероятно, что они продвигнутся вверх. Во главе списка находятся следующие люди:

Сергей Шойгу, в настоящее время министр обороны. Уроженец Тувы, небольшой азиатской автономной республики, которая стала частью Советского Союза, он происходит из местной номенклатурной семьи; его отец был заместителем премьер-министра. Он – превосходный коммуникатор, согласно опросам, самый популярный российский политический деятель после Путина.

Игорь Шувалов, который занимал много важных правительственных постов и был одним из экономических советников Путина.

Алексей Кудрин, бывший министр финансов, который знал Путина с тех времен, когда они оба работали в Санкт-Петербурге.

Аркадий Ротенберг, партнер Путина по боевым искусствам. У него есть черный пояс по каратэ, и с небольшой помощью он сделал состояние в нефтегазовой промышленности.

Алишер Усманов, заработавший свое состояние в металлургии, особенно в сталелитейной промышленности.

Роман Абрамович, который не нуждается в более подробном представлении.

Это «Политбюро», если оно реально существует, является полностью неофициальной структурой. Его участники никогда не хвастались своей «принадлежностью» к нему; напротив, за исключением Абрамовича, они старались держаться как можно дальше от центра внимания. Некоторые поднимались вверх, а другие опускались вниз, что неизбежно в таких ближних кругах. Но о тех, кто принадлежал к группе, хорошо заботились, и их редко полностью бросали.

Проследить за процессом реабилитации ЧК и КГБ – это захватывающее занятие. Гласность, как защитники России видели ее, стала причиной демонизации тех, кто служил «щитом и мечом» коммунизма и советской власти. Они были сделаны ответственными за чистки – за миллионы сосланных в Гулаг, за сотни тысяч убитых. Но это было несправедливо, потому что приблизительно двадцать тысяч чекистов также были среди жертв. Это исторически верно; чистки и массовые убийства 1930-х годов были идеей Сталина, а не инициативой НКВД. Но убийства, тем не менее, осуществлялись органами, и Сталин также был к тому времени частично реабилитирован. Как высказывался Путин по различным поводам, Сталин был неоднозначной фигурой. Некоторые из подчиненных Путина представляли Сталина в еще более положительном свете.

Однако эта демонизация продлилась недолго. Реабилитация началась при Ельцине с речи 1997 года, в которой было заявлено, что «День чекиста» должен праздноваться каждый год 20 декабря. Были учреждены премии для награждения книг и фильмов, восстанавливающих доброе имя ЧК/НКВД/КГБ. При Путине эти спорадические меры превратились в культ государственной безопасности. Тех, которые служат в органах, назвали «новым дворянством»; неподкупные, они были мотивированы не материальной выгодой, а идеализмом.

Некоторые из занятых реабилитацией пошли еще дальше и сделали из сотрудников органов чуть ли не современных святых. Православная церковь взяла на себя ведущую роль в этой кампании, спонсируя «духовную защиту» как одно из своих главных усилий. Новому главе КГБ/ФСБ вручили один из наивысших орденов православной церкви, названный в честь Дмитрия Донского, который, будучи национальным героем, был также позже сделан святым. Но если Дмитрий был исторической личностью, сражавшимся с монголами и татарами, победителем в знаменитой Куликовской битве, то Илья Муромец, который стал кем-то вроде святого заступника российских органов, принадлежит к сфере легенд и

народной культуры. Он – великий герой (богатырь), участвовавший в бесчисленных сражениях, и он тоже стал святым.

Это сотрудничество между церковью и государством в полицейской работе и шпионаже, опирающееся на тщательно продуманное идеологическое обоснование, пошло намного дальше, чем в царские дни. Тогда Охрану считали необходимой, даже жизненно важной частью защиты режима, но она делала свою работу в тени. Не было никакого прославления ее агентов. Это считали само собой разумеющимся: никакое оправдание не представлялось необходимым, и ни к какой гласности не стремились.

Вопросы относительно идентичности тех, кто правит Россией, обречены оставаться открытыми в настоящее время. Путинизм – это авторитарный режим, представляющий интересы нескольких групп в российском обществе. Часто называемая «вертикалью власти» структура попросту означает, что приказы спускаются сверху вниз, очевидная формулировка, если она когда-либо была.

Личность главы государства может быть случайной. Если бы не Путин был назначен Ельциным, то был бы кто-то другой с приблизительно подобным происхождением и прошлым. Его полномочия не неограниченны. Снова существует культ вождя и очевидный отход от целей гласности и демократии. «Суверенная демократия» – синоним для такого отхода, не полного, но существенного и важного. Это означает, что страна не готова к демократии западного стиля, и, возможно, никогда не будет готова. В любом случае, западная демократия – это не та политическая система, которую хочет большинство русских, так как она не соответствует российской традиции и не гармонирует с русскими ценностями.

Немногим более столетия назад немецкий ученый Роберт Михельс, политолог и социолог, опубликовал свои мысли о «железном законе олигархии». Его идеи были интересны, но его политические инстинкты (как и инстинкты некоторых из его современников, которые выражали подобные представления – Парето и Моски) были не столь проникательны; все трое симпатизировали Муссолини. Михельс, который первоначально был сторонником социализма, был обеспокоен тем, что даже в демократических институтах (особенно в таких как, например, профсоюзы) элита/олигархия обязательно со временем появится и возьмет управление в свои руки.

Михельс имел в виду не миллиардеров, но политическое руководство. С тех пор появились различные теории о происхождении и функции элит, но ни одна из них не применима к России – бывшему Советскому Союзу. Это из-за того, что

российская ситуация беспрецедентна и уникальна. Учитывая историю России и ее традиции, маловероятно, что в пост-ельцинскую эру там возникло бы сильное демократическое движение, даже если бы не Путин был выбран лидером. Но случай всегда играет свою роль, и Россия не единственная страна, вышедшая из коммунизма. Некоторые посткоммунистические страны двинулись к демократии; другие (после многообещающего начала) отошли от нее. Банальным было бы заметить, что ситуация во всех этих странах очень переменчива. Но это – единственное объяснение, которое может быть сделано с какой-либо долей убедительности.

Большие усилия прилагались в попытке определить путинизм, и для этого есть серьезные причины. Потому что, если лидер, который дал системе свое имя, уйдет в отставку или будет вынужден покинуть свой пост, то вполне вероятно, что эта новая форма правления переживет его, потому что она, как представляется, соответствует существующим потребностям и желаниям России. Это диктатура, одобряемая большинством, пока дела идут хорошо. Если эта поддержка уменьшится, вероятно, будут введены более жесткие методы правления. В его нынешней форме путинизм больше напоминает тот вид диктатуры, который был (или остается) у власти в менее развитых странах, преимущественно на Ближнем Востоке и в Латинской Америке.

Успех Путина основывался (и основывается), главным образом, на двух факторах, прежде всего, на сильно выросшем спросе на нефть и газ, и, соответственно, значительном улучшении финансового положения России. Это стало причиной появления небольшой группы мегабогатых миллиардеров, олигархов. Но эти деньги неизбежно довольно сильной струей «проливались» и вниз, что вызвало существенное повышение уровня жизни широких частей общества. Эти части общества и стали основой поддержки Путина и его режима.

Другим источником успеха путинизма был неудачный характер перехода от коммунизма к некоей новой форме правления, основанной на рыночной экономике. То, что должно было быть реформами, приводящими к демократическому обществу, стало вместо этого отождествляться с условиями политического хаоса и клептократией. Путинизм более или менее успешно справился с политическим хаосом, усилив власть и мощь государства. Новое богатство позволило российскому правительству проводить патриотическую (агрессивную) внешнюю политику, направленную на возвращение различных частей Советского Союза, которые были потеряны в результате краха 1989-1991 годов. В то же самое время путинизм перенял отрицательное социально-экономическое наследие эры Ельцина.

Стало общепринятым считать Россию после распада СССР «Верхней Вольтой с ядерным оружием». Но такие сравнения вовсе не были точны, так как Верхняя Вольта никогда не считала себя Третьим Римом, обязанным выполнять мессианские задачи, не существовало и «идеи Верхней Вольты», сопоставимой с русской идеей, и при этом у Верхней Вольты не было (как у России при Путине) непредвиденной удачи в форме процветания из-за нефтяного и газового бума, что позволило бы ей играть важную роль в международных делах. Эти различные обстоятельства делают российский пример уникальным. Сравнения с историческим фашизмом могут быть правильными и полезными в некоторых отношениях, но не в других, и они не могут быть показательными, насколько это касается будущих событий.

3. ОПОРЫ НОВОЙ РУССКОЙ ИДЕИ

Русская православная церковь

Православная религия всегда играла центральную роль в истории русской идеи. Дело обстоит так сегодня и, по всей вероятности, будет обстоит завтра. Христианство пришло в Россию из Константинополя, хотя есть различные рассказы относительно его появления. Согласно одному, киевский князь послал делегацию в Византию в поисках подходящей религии. Они были глубоко впечатлены православным ритуалом, осуществлявшимся в соборе Святой Софии, и рекомендовали принять именно эту веру. Более вероятно, однако, что православная церковь пришла в Россию при посредничестве миссионеров из Византии, которые посещали греческие колонии в южной России.

Вначале церковь в России находилась под руководством и контролем Константинопольского патриарха; с упадком и ослаблением Византии она стала независимой. История русской церкви за последующие столетия является длинной и сложной, как и история других церквей. Это история расколов и воссоединений, конфликтов с государством и, еще чаще, сотрудничества с ним. Церковь была в большой степени вовлечена в политику. Многие предсказывали, что это будет вредить церкви, но их точка зрения не восторжествовала. Роль церкви была ясно сформулирована Феофаном Прокоповичем, священником и советником царя Петра I, в книге, названной «Духовный регламент». В ней говорилось, что царей нужно чтить и повиноваться им. Те, кто выступал против них, монархотами, были грешниками.

До русской революции церковь, или, если точнее, религия, оказывала значительное влияние на все части общества, включая интеллигенцию. При коммунизме церкви жилось плохо, особенно в первые годы нового режима, когда церкви были разрушены, а верующих третировали и преследовали. Это положение в некоторой степени изменилось во время Второй мировой войны, когда Сталин попытался включить церковь в общий фронт против нацистской Германии, пойдя на определенные ограниченные уступки церковной деятельности, всегда в надежде на то, что молодые люди больше не будут интересоваться религией, и церковь постепенно умрет естественной смертью.

Это предположение было основано на ошибочной вере в длительную привлекательность коммунистических идей. Поэтому российское православие продолжало существовать – но это было непрочное, шаткое существование, за которое пришлось уплатить высокую цену. Ибо оно было не просто пропитано, а фактически взято под полный контроль органами государственной безопасности. Никто не мог стать епископом, не говоря уже о более высоком сане, если его не проверили Политбюро и КГБ. Когда в 1991 года на короткий срок были открыты архивы, всплыла горькая правда: даже патриарх был агентом. Патриарх в одной своей речи подтвердил это и высказал свое раскаяние, «pater peccavi» («отец, я согрешил»), от лица церковного руководства и своей собственной роли. Его аргумент состоял в том, что на такие уступки нужно было пойти, чтобы выжить.

Глядя с сегодняшней точки зрения, это совершенно верно. Можно привести доказательства в защиту уступок церкви. Поскольку церковь действительно выжила, тогда как те, кто преследовал ее, не выжили. Церковники не стали коммунистами, но некоторые из бывших коммунистов нашли свой путь назад к религии. В постсоветском государственном гимне вновь появились Бог и Святая Россия, тогда как коммунизм и последний решающий бой исчезли.

Разве не верно, что практически все религии в какой-то момент своей истории должны были пойти на подобные уступки, чтобы выжить? Эпоха мучеников давно прошла, и было бы несправедливо и нереалистично ожидать, что современные церковники будут вести себя так, как поступали Христос и ранние христианские мученики.

Такая защита верна и все же не верна. Папа Римский хранил молчание во время Второй мировой войны, когда ему следовало бы высказаться, но он не был завербован как агент Гестапо. Если бы православные священники отказались стать агентами органов, стали ли бы те их пытаться или расстреливать? Вряд ли. Они пострадали бы лишь в плане продвижения по церковной иерархии. Короче

говоря, церковь выжила, но ее моральный авторитет значительно, возможно, даже смертельно, упал.

Политические позиции, занятые церковью после того, как она вернула себе свободу, не демонстрировали существенного изменения в ее взглядах. Она часто занимала позицию далеко за пределами патриотизма и национализма, куда ближе к шовинизму. Церковь не стала более терпимой и по отношению к другим верованиям: например, к антисемитским вспышкам в ней относились сравнительно терпимо. В 1993-1994 годах были переизданы печально известные «Протоколы сионских мудрецов» с помощью епархии отца Иоанна и с его благословения. Отец Иоанн (Иван Снычѳв) был митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским – он являлся не каким-то малоизвестным попом, а занимал одно из самых высоких положений в церкви, уступающее только патриарху. Было напечатано двадцать тысяч экземпляров «Протоколов» (в эти дни средний тираж российских книг составлял две тысячи). Если православная церковь, вероятно, и не выдумала «Протоколы», она была, безусловно, самым важным агентом по распространению и популяризации этого произведения. Новое переиздание (2013) появилось с благословения архиепископа Тернопольского и Кременецкого. Было напечатано восемь тысяч экземпляров.

Патриарх (Алексий II) оказался под значительным давлением, так как московский суд к тому времени объявил «Протоколы» подделкой. Это было известно уже давно: они были фальшивкой девятнадцатого века, возможно, изготовленной с помощью Охраны, царской политической полиции. Их происхождение окончательно не прояснено и по сей день. В основном они утверждают, часто с несерьезными, даже смешными деталями, будто бы мировое еврейство планирует уничтожить Россию и править миром. Интересно, что «Протоколы» не имели успеха в довоенной России. Петр Столыпин, премьер-министр безупречно правых взглядов, сказал царю, что они были подделкой. Они стали пользоваться успехом только после Первой мировой войны, когда некоторые ранние нацистские активисты, такие как прибалтийский немец Альфред Розенберг, который жил в России, начали использовать их.

В конечном счете, Алексий II действительно отмежевал себя и свою церковь от пропагандистских действий Иоанна, даже при том, что митрополит призвал Бога в защиту подделки. Патриарх заявил, что церковь не является расистской. Его интервью появилось в российской газете – но выходящей на английском языке. Сомнительно, верил ли митрополит Иоанн на самом деле в подлинность «Протоколов», но как пропагандистское оружие они казались почти незаменимыми. С тех пор были разоблачены еще несколько других подлых заговоров, включая

«Барбароссу-3», в котором иностранных дипломатов обвиняли в попытках подорвать Россию изнутри. Но церковь, кажется, не была вовлечена в эти дела.

Было бы несправедливо делать церковь ответственной за мысли и действия некоторых из ее сторонников. Но здесь было нечто большее: отношение церкви к другим христианским верам определенно не было экуменическим по своему духу. Более того, она была особенно враждебной по отношению к католицизму и ненамного более доброжелательной к протестантским церквям, но только потому, что считала их менее опасными врагами. Православная церковь отказалась принять тот факт, что миллионы российских граждан принадлежали к другим религиям; она хотела монополии в этой области. В письме Борису Ельцину патриарх жаловался на псевдорелигиозные и псевдомиссионерские действия, которым вредят духовному и физическому здоровью людей, так же как стабильности и гражданской гармонии в России. Священников-реформаторов предупреждали, чтобы они четко придерживались линии, предписанной сверху. Кроме того, происходили конфликты между Московским патриархатом и Русской церковью за границей.

Трудно определить глубину и значение религиозного возрождения в постсоветской России. Согласно надежным опросам общественного мнения, только приблизительно 15 процентов считают себя атеистами. Две трети россиян считали, что религия должна играть большую роль в российской жизни. Но из них только крошечная фракция сказала, что пыталась жить согласно христианским принципам. И только 2 – 3 процента регулярно посещали церковные службы. Более ранние опросы также показали, что, как и в западном мире, религиозными считают себя больше женщин, нежели мужчин. Также оказалось, что у религии не было никакого существенного воздействия на позицию при голосовании. Здесь есть много непоследовательностей и противоречивостей, но это справедливо не только по отношению к религиозным позициям. Например, хотя большинство россиян считают, что надо вставать, когда поют или слушают новый государственный гимн, только относительно немногие знают текст гимна или хотя бы первые его строки.

За последующие два десятилетия было вновь открыто много старых церквей, и были построены новые церкви; больше двадцати тысяч священников служили верующим. Все же, воздействие религии на высокообразованных людей, по видимому, уменьшилось. В последний период Брежнева был большой интерес к религии среди молодых интеллектуалов. Но такой интерес до такой степени, что он все еще сохраняется, повернулся к учениям более экзотических верований (или суеверий), будь то предсказания Нострадамуса или теории мадам Блаватской, российской оккультистки девятнадцатого века.

Михаил Эпштейн назвал это явление 1970-х годов «минимальной» или «бедной» религией, религиозностью вне церкви, без храмов, ритуалов или доктрины. Это особенно касается молодых тогда писателей этого периода, таких как Василий Аксенов, Булат Окуджава и некоторых из их современников, или Иосифа Бродского в более поздний период. Однако такая свободно плывущая по течению религиозность мало полезна государству, поскольку в отличие от официальной религии в форме православной церкви, она не проповедует национализм или лояльность государству и его правителям.

Это приводит к вопросу о том, что именно привело к уменьшению притягательности церкви даже среди интеллигенции. Было время (чтобы дать хотя бы один пример), когда отдельные евреи и целые еврейские семьи (Рубинштейн и Пастернак, например) переходили в православие, когда Семен Франк, видный религиозный мыслитель, считал, что, если человек не принадлежит к православной церкви, он не может полностью идентифицировать себя с Россией.

Короче говоря, Русская православная церковь, кажется, не пользовалась большим успехом среди интеллигенции. Если с точки зрения церкви это, возможно, и не фатальный недостаток, то все равно это интересный феномен. Когда-то давно даже Ленин беспокоился из-за влияния церкви в среде интеллектуалов. Он был убежден, что религия, как исторический феномен и анахронизм, была несовместима с марксизмом, но он отказался включать атеизм в партийную программу. Он был разочарован, когда после неудачи революции 1905 года некоторые видные интеллектуалы отвергли марксизм и обратились к религиозному или квазирелигиозному мышлению, вроде того, что было выражено в «Вехах», сборнике эссе с удивительным акцентом на религию. Произведения, составившие этот сборник, были написаны многими интеллектуалами, которые раньше считались «прогрессивными», даже радикальными.

Было время, когда Россия была родиной внушительной массы религиозных мыслителей, таких как Василий Розанов и Владимир Соловьев. Великие русские писатели девятнадцатого века – Гоголь, Толстой, Достоевский – все были в большой степени увлечены религией, и не всегда к удовольствию церкви, как в случае Толстого, который был отлучен от церкви. Официальной церкви нравился Соловьев из-за центральной роли соборности (подчеркивания коллективного, а не индивидуального) в его взглядах. Но церкви не нравилось в нем влияние древнегреческих философов на его взгляды и, прежде всего, его экуменизм – поиск точек соприкосновения с католицизмом, что было анафемой в глазах церкви. (Соловьев был также открытым противником антисемитизма и опубликовал манифест против того, что он считал национальным позором. Это тоже привело его к конфликту с церковью.)

Соловьев оказал большое влияние на своих современников и на последующее поколение – не столько на богословов, сколько на философов, писателей и художников. Его история о грядущем Антихристе была мощным историко-литературным эссе, рассказом о захвате мира некоей азиатской силой. Его воздействие было огромно; это был вклад в любимую русскую традиционную веру в сложные и драматические заговоры.

Евреям не повезло, что касается отношения к ним православной церкви, даже на высшем уровне интеллектуальной изысканности. Георгий Флоровский, возможно, ведущий богослов между двумя мировыми войнами, был расистом и задумывался о кастрации евреев; отношение Алексея Лосева, другого столпа православного богословия, было ненамного более терпимым.

Ведущими теологическими мыслителями следующего поколения были Сергей Булгаков и Николай Бердяев. Булгаков был радикалом в своей юности, противником самодержавия и «ложного патриотизма». Он и в будущем дистанцировался от шовинизма и других реакционных представлений, даже при том, что он действительно принимал русский национализм. Но он думал о культурном, а не о политическом национализме, в отличие от шовинизма, поддерживавшегося светскими властями. Он все еще оставался подозрительным в глазах церковных властей из-за защиты определенных неправославных религиозных доктрин (софиология).

Бердяев был религиозным мыслителем, самым известным вне Русской православной церкви. Он тоже был радикалом в своей юности, был арестован и сослан на несколько лет. Бердяев верил, что у России была миссия, которую та должна выполнить. В своей «Русской идее» он вспоминал, что русская интеллигенция была опечалена тягостным, гнетущим прошлым их страны, но, все же, их никогда не оставляла вера в то, что у их страны была историческая миссия, и наступит день, когда она скажет свое слово миру. Он не уточнял, но ссылка здесь была явно на истинное христианство. Даже Петр Чаадаев, самый серьезный критик России девятнадцатого века, верил в существование скрытых сил у русских людей, сил, которые будут, в конечном счете, освобождены.

Различия между этими религиозными мыслителями и мыслителями нынешнего поколения огромны. Это не только вопрос культурного уровня выразителей взглядов поколений или тот факт, что заявления последних по своему характеру были склонны больше к политическому, чем к духовному. Они были озабочены такими проблемами, как царская семья и те, кто служили царю, которые были убиты большевиками в 1918 году. Политическим решением Романовы были канонизированы после очевидного давления со стороны монархистов в рядах

активных верующих. Хотя это убийство царской семьи, особенно детей, действительно было позорным деянием, они, все же, были убиты не из-за их религии и поэтому не могли считаться мучениками за веру. Церковным властям по этому пришлось подумать о каких-то других оправданиях, и результат никоим образом не был убедителен.

Вообще говоря, разделение между церковью и государством фактически исчезло. Церковь осталась инструментом правительства, как в советские времена. Ее заявления по вопросам внешней политики вполне могли бы исходить (и часто исходили) от министерства иностранных дел, или генерального штаба армии или руководства полиции. Эти заявления, будь они правильны или неправильны, были вне духовной сферы. В них не было ничего специфически религиозного.

В церкви происходили странные явления, и время от времени казалось, будто патриарх потерял контроль. Например, был случай одного высокого православного сановника в Думе, назначение которого должно было защитить церковные интересы в российском парламенте. Но он вдруг перешел в ислам и посвятил большую часть своего времени попыткам доказать, что Ротшильд (не ЦРУ) был ответственен за Арабскую весну, которая, по его мнению, была чрезвычайно нежелательной. Был другой высокопоставленный православный церковник, утверждавший, что церковь была во власти гомосексуального лобби, которое пыталось влиять на нее в своих интересах.

Были довольно постоянные атаки на безбожный Запад со стороны Московской церкви, но также и со стороны Путина. Путин заявил, что многие евроатлантические страны отошли от своих корней, включая христианские ценности. Россия, с другой стороны, представляется как защитник традиционных ценностей от атак Запада, и эта упорная защита является единственным способом воспрепятствовать тому, что Россия погрузится в тьму хаоса.

Патриарх Кирилл по разным поводам повторял высказывания Путина более или менее дословно. И архимандрит Всеволод Чаплин критиковал отделение церкви от государства как роковую ошибку Запада, чудовищный феномен, который «произошел только в западной цивилизации и убьет Запад».

Затем, если спуститься ниже по церковной иерархии, заявления церковников становятся еще более резкими. Среди 1 350 советов верующим о том, как защититься от тайных злых сил, есть один вопрос: какие книги наиболее неприятны Сатане? Ответ: книги, написанные святыми.

Вера в сатанизм – специфическая российская особенность, исходящая еще из времен до Первой мировой войны, и российские средства массовой информации время от времени сообщают о существовании групп сатанистов. Последний раз в 2008 году восемь молодых людей в возрасте от семнадцати до девятнадцати лет были арестованы близ Ярославля и обвинены в том, что они убили четырех других молодых людей.

У неоязычества было определенное количество последователей в России, так же как в прибалтийских государствах и в других странах Восточной Европе после 1980-х годов. Но неоязычество никогда не было фактором какой-либо политической важности. В России оно расколото на множество малочисленных сект. Некоторые черпают свое вдохновение из экологического движения, поклоняясь солнцу и луне; другие поклоняются земле и прочим божествам. Но среди них встречаются и открытые неофашисты, иногда прибегающие к актам насилия, например, поджогам церквей. Многие празднуют летнее солнцестояние. Они черпают свое вдохновение из народной крестьянской культуры дохристианских времен. Но так как из тех времен до нас дошло очень мало аутентичного, многие недавно принятые обычаи и ритуалы принадлежат к сфере фантазии, выдумок и подделок. **[Прим. ред. ВС: Здесь трудно согласится с автором. Многие языческие обычаи и ритуалы сохранялись на протяжении веков как в народе, так и в самой церкви. В наше время они были удачно реконструированы родноверами в разных регионах России.]** Согласно некоторым сообщениям, число неоязычников за последние годы увеличилось; молодые люди в городах, у которых православная церковь вызывает скуку или даже отвращение, искали что-то более захватывающее и/или оригинальное. Но эти сообщения о росте численности вполне могут быть и преувеличены. Ни одна из неоязыческих групп пока еще не просуществовала долго, и в настоящее время у них, очевидно, нет шансов в конкуренции с очень глубоко укоренившейся и хорошо закрепившейся на своих позициях православной церковью. Учитывая очень консервативный характер православной церкви и ее ограниченную притягательность для молодежи, это положение в будущем может измениться, и православная церковь вполне может разделить судьбу других конфессий, а именно, уменьшение численности практикующих верующих. Но это может занять много времени, и никак нельзя с уверенностью сказать, кто именно извлечет выгоду из процесса такого рода.

Тем временем Русская православная церковь, главным образом, выполняет политическую функцию, поддерживая правительство, особенно в области антизападной пропаганды. Поразительно наблюдать за произошедшими изменениями. В 1880 году по случаю открытия памятника Александру Пушкину в Москве (при Сталине местоположение памятника было изменено) Федор Достоевский был

приглашен произнести речь в честь поэта. Достоевский был очень религиозным человеком, и, хотя он был не совсем славянофилом (их время уже прошло), он в значительной степени следовал их традиции. Речь, произнесенная им в состоянии экстаза, и вызвавшая еще больший экстаз среди слушателей, стала событием года, если не десятилетия, и широко обсуждалась. В конце ее Достоевский сказал:

«Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. ... Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. ... О, народы Европы и не знают, как они нам дороги!»

Нелегко представить себе речь такого рода 140 лет спустя. Достоевский не был бы арестован – эти времена прошли. Но организаторы пожалели бы, что пригласили его, и со стороны слушателей раздалось бы немало неодобрительных возгласов или свиста. Церковь не отлучила бы его, но его предупредили бы, чтобы он не повторял такие неподобающие, ложные, почти богохульные заявления. И на следующей неделе газета «Завтра», орган крайне правых, обвинила бы его в невероятной наивности, граничащей с изменой.

Ведущие мыслители российских правых

Просматривая страницы Википедии (русская версия), читатель может встретить фотографию симпатичного человека, уже не первой молодости, несущего противотанковый гранатомет РПГ. На другой странице тот же самый человек появляется перед танком, в руках у него автомат Калашникова. Ясно, что это человек, шутить с которым не стоит. Российский офицер, возможно, или видный деятель в области создания оружия, возможно, коллекционер оружия или человек, у которого много врагов? Отнюдь нет: он философ, и так как действие на снимках происходит в Южной Осетии приблизительно в 2008 году, можно точно сказать, что это не Мартин Хайдеггер. Его зовут Александр Гельевич Дугин, и он не обычный философ. Какие же танки или самолеты хочет он уничтожить или подбить? Это долгая, сложная и захватывающая история.

Начиная с 1980-х годов, главным образом в Москве, возникло множество групп молодых людей, попавших под влияние нацизма и подражавших ему. Подобные

группы появились и в других европейских странах, но их появление в России, вероятно, более поразительно и труднее поддается объяснению. Это, без сомнения, частично было результатом уменьшающейся привлекательности коммунизма в эру Брежнева. Но с учетом истории немецкой оккупации России, военных преступлений, огромного ущерба, нанесенного войной, и миллионов погибших русских, трудно понять, как молодые русские могли оказаться под влиянием идеологии, которая считала их неполноценными людьми, даже если принять во внимание сильное желание молодых людей шокировать своих родителей или признать, что это поколение не испытало на себе немецкое вторжение и оккупацию и что все, что они знали о фашизме, пришло к ним через вторые или третьи руки. Как бы то ни было, фактом остается то, что реакция властей на это была умеренной, намного более мягкой, чем обращение с демократическими диссидентами.

Некоторые из этих групп были по своему характеру более «культурными», чем политическими, такие как «скинхеды», подражавшие определенной западной моде. Другие, однако, были в большей степени политическими, как множество маленьких национально-большевистских партий. Они обычно запрещались правительством, но спустя некоторое время вновь появлялись под новым именем. Существовал Фронт национального спасения, который продержался в течение нескольких лет и затем распался. Некоторые из этих групп не делали тайны из того, что они были очень близки к нацистам, демонстрируя нацистские символы и выкрикивая нацистские лозунги. Другие, более умеренные, приняли некоторые из нацистских идей и методов, но отвергли другие. Некоторые просуществовали дольше, чем другие, которые продержались лишь несколько месяцев. Наконец, всегда была определенная подлинность в этих группах; некоторые были, несомненно, подлинными и спонтанными, но были сомнения относительно подлинного характера других, которые, возможно, спонсировались неизвестными силами или, по крайней мере, получали от них определенную помощь. Такие случаи происходили на правой сцене и прежде, во время и после революции 1905 года. В 1990-х, возможно, это повторилось.

Философ, несущий РПГ, принадлежал в своей юности к одной из этих групп, но стал весьма уважаемым в более поздние годы. В недавнем списке ведущих мыслителей России [Александр Дугин](#) фигурирует на очень видном месте. Ему предшествуют патриарх Кирилл (6), так же как Эдуард Лимонов (10), Никита Михалков, известный кинорежиссер, Михаил Леонтьев (24), писатель Захар Прилепин (31) и, возможно, немногие другие. Но такие списки, обычно основанные на частоте появлений на телевидении, имеют большее отношение к развлекательной ценности, чем к политическому воздействию. При таком рассмотрении Дугин стоит очень высоко, даже при том, что те на Западе, кто сде-

лал его мозгом Путина, вероятно, преувеличивают. Он даже появился, хотя и под другим именем, в одном популярном романе постсоветской эры: «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина, в котором главные герои с большой страстью обсуждают геополитику, неоимпериализм и неоевразийство. Пелевин известен своим интересом к буддизму, но политические споры, описанные в его романе, происходят в сумасшедшем доме.

Некоторые из современников Дугина верят, что он – уникальная звезда, человек огромной исторической эрудиции, один из великих идеологов нашего времени.

Родившийся в 1962 году в Москве, сын генерала военной разведки, Дугин в последние годы советской эры присоединился к небольшой группе молодых людей, подражавших немецким СС, и стал их лидером. Не совсем ясно, был ли для него главной привлекательной силой романтизм героизма (вряд ли это был немецкий патриотизм), или элемент декадентства и садомазохизма, который часто наблюдался среди послевоенных немцевских поклонников СС. Но в определенный момент он оставил эту группу и перешел в «Память», главную антисемитскую организацию того времени. В 1992 году, однако, он ушел из «Памяти» (или был изгнан), и впоследствии зарабатывал себе на жизнь, делая «геополитические экспертизы» и появляясь на различных частных радиостанциях. Его политика в это время была национально-большевистской, но он также стал советником председателя Госдумы, российского парламента.

В 2002 году Дугин почти внезапно стал известным более широкой общественности, основав свою собственную политическую партию «Евразия». В 2009 году его сделали профессором социологии в Московском государственном университете, но он продолжал работать советником председателя российского парламента и других высокопоставленных политических деятелей. Хотя он был чрезвычайно резко настроен против Ельцина и его правительства, он вошел в орбиту правительства Путина и пользовался растущим спросом как эксперт по множеству тем. Он был человеком, на которого всегда можно было положиться, когда требовались какие-то новые идеи. Он также стал телевизионной звездой. (Некоторые из его выступлений теперь доступны на YouTube.)

Среди многочисленных его книг наиболее широко прочитанной, вероятно, была «Конспирология» – энциклопедический обзор (больше шестисот страниц) теорий заговора. Дугин всегда склонялся к мистике и метафизике, и неизвестно, в сколько теорий заговора он верит. Его работа пользовалась большим спросом; читатели найдут в ней все, что они должны знать о графе Дракула и Лео Штраусе, известном неоконсерваторе, об Андрее Сахарове («видном мондиалисте») и

«либеральной тоталитарной идеологии», об «Аполлоне» и множестве антирусских крестовых походах в прошлом, о проекте Нового американского столетия и о «метафизике тайной войны». Читатель, возможно, не знал, что Хрущев был агентом атлантистов, а Горбачев двойным агентом, но здесь он найдет подробности.

Книги и журналы Дугина выходили в издательстве, которое он основал. Он, кажется, пользовался политической и, вероятно, также финансовой поддержкой различных официальных учреждений. (Согласно некоторым сообщениям, эта поддержка поступала от военной разведки.) Он представил в России взгляды ведущих европейских нефашистских мыслителей, таких как Юлиус Эвола, и радикальных Новых правых, таких как Аллен де Бенуа, так же как некоторых менее известных мыслителей, таких как Рене Генон, Жан-Франсуа Тириар и французско-румынский писатель Жан Парвулеско, о котором мало кто в России когда-либо слышал. Он также эксгумировал некоторых из немецких догитлеровских мыслителей, таких как Ланц фон Либенфельс. Позже он, кажется, все же понял, что молодые российские патриоты не пойдут на баррикады, вдохновленные Парвулеско, что примитивный антисемитизм «Памяти» вряд ли привлечет политическую поддержку масс, не говоря уже об интеллектуалах, необходимых для политического движения, и что для российского движения крайне правых были жизненно важны какие-то русские предшественники, не только некие малоизвестные и неясные иностранцы. Он нашел этих предшественников в русских антизападных теоретиках девятнадцатого века, таких как Константин Леонтьев и Николай Данилевский.

Однако кажется, что, чем более парадоксальными они были, тем более он ими интересовался. Но суммарный итог никогда не был понятен, даже как дезинформация. Труды Дугина пользуются большим спросом, но за его мышлением трудно следовать из-за его быстрых идеологических изменений, противоречий в его взглядах, и его тенденции включать в свои рассуждения темы, которые не имеют отношения к политике (например, второй закон термодинамики).

В свои первые годы Дугин, казалось, был сторонником неоязычества, но в 1999 году он внезапно присоединился к православной церкви – молодой сторонник церкви старообрядцев. По многим проблемам он часто высказывал противоречивые представления. Это, например, относится к Китаю. Вначале он, похоже, исключал Китай из своего геополитического кругозора, зато включил в него Японию, что полностью противоречило всем геополитическим законам, поскольку Япония является островным государством. Но позже, понимая растущую важность Китая, он, кажется, соответственно приспособил свои взгляды. То, что участнику крайне правых не должны нравиться евреи, естественно, но

Дугин никогда не высказывал радикально антисемитские взгляды. Напротив, он проявлял значительный интерес к Каббале из-за ее мистического характера, и он также, кажется, сочувствовал самым радикальным элементам среди сторонников Израиля. Это привело его к конфликту с менее искушенными антисемитами из числа российских правых, у которых не было ни малейшего интереса к Каббале или к любым другим еврейским книгам, если только те не допускали ритуальные убийства.

Он осуждал ксенофобскую пропаганду экстремистских правых групп, которая (как он утверждал), приносила «большой вред национальному делу», и стал страстным сторонником евразийства, движения, проповедующего миссию России на Востоке и потребность освободиться от Запада и западных влияний. Он также открыл для себя учение Льва Гумилева, особенно экспансионистские теории Гумилева об этногенезе и пассионарности, и склонялся верить ему на слово, даже восхищался им. Но на самом деле его труды в значительной степени состояли из идеологических утверждений, для которых не было никаких доказательств. Не было никакой большой разницы между ним и определенными нацистскими идеологами, такими как Ганс Гюнтер, за исключением того, что в его случае любимой расой была не нордическая раса, а кочевники. Он стал большим сторонником различных теорий прошедших эпох и включил их в свой собственный евразийский вид геополитики, которая стала его главным делом на протяжении последних двух десятилетий.

Дугин входил в различные политические партии, такие как «Родина», и снова покидал их, и основал новую партию, пропагандирующую евразийство, включающую и молодежную организацию, продвигающую евразийские идеи. Его отношение к властям изменилось не меньше, чем его идеологические верования. Он, в общем и целом, симпатизировал Путину («истинный евразиец»), но иногда критиковал его за то, что тот был слишком осторожным (или слишком медленным) в расширении Российской империи и возвращении территорий, которые были потеряны. Но поскольку общее настроение в стране стало более правым, а политика Путина более агрессивной, Дугин стал более близко идентифицировать себя с властями. Он пригласил Путина присоединиться к руководству своего «Международного евразийского движения». Приглашение, само собой разумеется, было проигнорировано, но все еще было принято во внимание.

Среди тех, кто потрудился проследить за работами Дугина, некоторые считают его политическим хамелеоном, а другие полагают, что он представляет собой случай подлинной, искренней, честной и заразной «каши в голове» с примесью лицедейства и истерии. Постоянными факторами в его идеологии являются антиглобализм, антилиберализм (он представляет собой самый важный идеологи-

ческий момент), антиамериканизм, оккультизм, евразийство, геополитика, присутствие тайных сил, формирующих мировую политику, и распространение мифа о российской великой державе. Они сопровождаются империалистическим, расистским арийством и оккультными верованиями, которые выражены в эвфемистической форме, и сфера которых остается неясной, но у этих верований действительно есть последствия.

Но что же это за последствия? И действительно ли нужны эти идеологические экстравагантности, часто противоречащие друг другу? Сомнительно, стал ли хоть один немец в 1920-х и 1930-х нацистом в результате чтения книги нацистских лидеров, и это было справедливо даже относительно «Моей борьбы» Гитлера.

Двумя важными русскими влияниями на идеи Дугина и на других идеологов российских крайне правых были Константин Леонтьев и Николай Данилевский. Леонтьев с его глубокой верой в мистику и еще более глубоким пессимизмом, который иногда, как оказалось, был пророческим, трудно поддается классификации. Он предсказал большую революцию в России в двадцатом веке, спровоцированную и осуществленную Антихристом. Дугина особенно привлекла вера Леонтьева в «Восточную ориентацию», которая была результатом его враждебности к западным влияниям на Россию. Это, возможно, помогло Дугину повернуться в сторону евразийства, которому суждено было сыграть центральную роль в последние годы.

Николай Данилевский провел много лет на российской консульской службе в Османской империи и был очень заинтригован Византией и ее влиянием на Россию. Ученый по своему образованию, Данилевский стал известен, главным образом, после публикации его книги «Россия и Европа». Он был, вероятно, самым радикальным из антиевропейских мыслителей своего времени. В молодости он входил в кружок интеллектуалов, выступавших против политического режима тех дней (Достоевский был другим участником). Он утверждал, что между Россией, Германией, и романскими странами существует пропасть, преодолеть которую невозможно. Он также обнародовал свою теорию о развитии культур, чрезвычайно спекулятивную по своему подходу, которая вызвала некоторый интерес еще при его жизни.

Эти два влияния на Дугина отнюдь не были единственными, но они были существенными. И их область воздействия была более широко распространенной, чем можно было бы предположить.

Ситуация до некоторой степени напоминает ту, с которой столкнулся Гитлер, когда он появился на мюнхенской сцене вскоре после Первой мировой войны. Там существовало несколько обществ, таких как «Общество Туле», распространяющее представления, близкие к идеям самого Гитлера, и некоторые из будущих нацистов входили в это общество. Но Гитлер не был об этом обществе высокого мнения, даже высмеивал его, и сам быстро отмежевался от этого общества. Он считал эти секты неэффективными, потому что им не хватало контакта с широкими массами, и их идеология была слишком сложной и непонятной. Вместо того чтобы сконцентрироваться на некоторых существенных моментах и постоянно повторять их, они занимались тем, что Гитлер считал эзотерическими вопросами, не вызывающими никакого особого интереса у масс. То же самое было верно относительно Альфреда Розенберга, балтийского немца, который также стал членом «Туле». Он помог принести «Протоколы сионских мудрецов» из России в Германию.

Книга Розенберга «Миф двадцатого века» считалась второй по важности сразу после «Моей борьбы». Но Гитлер ни разу не прочел ее, а Геринг назвал ее надувательством. Геббельс высмеивал ее, и считал Розенберга человеком без какого-либо значения, даже идиотом. Его главный труд в последующие годы продавался или распределялся миллионным тиражом, но сомнительно, что многие прочитали его. Потому что со своими фантазиями о расе и крови, маркионизме, мировоззрении катаров и «отрицательном христианстве» эта книга игнорировала элементарные принципы политической пропаганды.

Если Дугин добился большего успеха, чем Розенберг, то это, вероятно, было из-за телевидения. Дугина прочло намного больше людей, чем в свое время прочли Розенберга, и он произвел впечатление на малограмотное население. Но на телевидении он был вынужден сконцентрироваться на существенных моментах, что не было необходимо в его книгах. В своих выступлениях на телевидении ему приходилось выбрасывать ссылки на Генона, Эволу, Парвулеско и подобных обскурантов. В отличие от Гитлера, Дугин не стремился стать главой массовой партии – он проповедовал интеллектуальной элите, такой, которая осталась в России после того, как многие из самых лучших и самых ярких ее представителей покинули страну. В гуманитарных науках осталось мало тех, кто знал о современных интеллектуальных течениях.

Дугин часто сотрудничал с другими правыми идеологами (большинство из них являются телеведущими), такими как Михаил Леонтьев и Сергей Кургинян. (Михаил Леонтьев, как говорят, является любимым комментатором Путина, тогда как Кургинян был активен в мире театра.) Он пришел, чтобы присоединиться к лагерю Путина без каких-либо оговорок; однажды он даже заявил, что против-

никами путинского курса могут быть только психически больные люди. Потом в мае 2014 года после «эмоционального интервью» Дугин был отстранен от своей работы на кафедре социологии в Московском государственном университете. Его друзья из крайне правой газеты «Завтра» воспользовались этой возможностью, чтобы утверждать, что, будучи философом, для Дугина кафедра и не должна была быть на первом месте. В связи с этим случаем были также дискуссии о его психическом состоянии вообще.

У Дугина отнюдь не было монополии в антизападной, антидемократической сфере. После распада Советского Союза понадобилась бы маленькая энциклопедия, чтобы перечислить все группы, активно действующие в этой области, и выразителей их мнений.

Например, есть некий Максим Калашников (не изобретатель знаменитого автомата). Его настоящее имя Владимир Александрович Кучеренко, он родился в Туркмении и вырос в Одессе, изучал историю и экономику в Москве. Он автор многих книг («Сломанный меч империи», «Москва – империя тьмы», «Битва за небеса», «Низшая раса», «Сверхчеловек говорит по-русски», «Есть ли у нас будущее?»), которые стали бестселлерами, и он был однажды приглашен в Кремль президентом Дмитрием Медведевым для обсуждения его идей, некоторых из них разумны, другие противоречивы, а третьи принадлежат скорее к сфере психиатрии, а не политического анализа.

После изучения этих книг возникает следующая картина: Калашникова иногда называют консерватором, как члена Института динамического консерватизма в Москве, но это неточно. Он восхищается и Сталиным, и Гитлером. Десять лет назад он предсказал неизбежный крах Соединенных Штатов и белой расы вообще. По его мнению, у России есть шанс добиться великого возвращения, потому что ее крах произошел рано, и она может научиться на своем опыте.

Есть два главных предварительных условия для его видения возвращения России. Во-первых, должен быть создан новый русский человек. Его сегодняшний менталитет безнадежно глуп, так как он даже не знает о своем собственном личном интересе. Он болен и не может быть излечен; он погибнет и исчезнет, если не возникнет новая раса русских. Поэтому должна появиться новая нация, новая раса сверхмужчин и сверхженщин. В этом вопросе Калашников заходит на территорию, которая вовсе не так уж нова – нацистский проект «Аhnenerbe» («Наследие предков»), который был направлен на создание новой нордической расы. Калашников говорит, что многое можно извлечь из немецкого опыта 1930-х. Но очень важным остается время, как создать новую расу всего за несколько лет? Этот вопрос остается открытым.

Во-вторых, все это должно быть сделано тайно, включая новую расу, новую экономику, и новый Советский Союз, иначе темные силы будут саботировать это. За фасадом государства будет другое, реальное государство, и то же самое будет относиться ко всем другим важным учреждениям, таким как армия, полиция, экономика и так далее. Как видит это Калашников, эти параллельные учреждения смогут достигнуть того, что не могут сделать официальные – выполняя противозаконные действия, не ограниченные гражданскими правами и другими подобными соображениями. Они смогут забрать деньги у олигархов, используя психологические и другие методы. Олигархи даже не поймут, что с ними происходит. Контроль над финансовым сектором снова будет в руках государства. Будет ли секретное государство более честным, будет ли в нем меньше коррупции? Это Калашников считает само собой разумеющимся, возможно потому, что оно будет состоять из членов новой расы сверхлюдей, генетически запрограммированных так, чтобы быть не только более интеллектуальными, но также и менее коррумпированными. Так появится новая Россия, новая нация.

Если взгляды Александра Дугина подчеркивают его стиль геополитики, то Калашников делает акцент на современной технологии, которая может достигнуть почти всего. Он великий сторонник нововведений, Сталин, по его мнению, был великий новатор; таковыми были и Лаврентий Берия, и Адольф Гитлер. В одном интервью он говорил о себе как о сталинисте, но в другом произошел следующий диалог: «СМИ цитируют ваши слова: 'Я не коммунист, я фашист'». Его ответ: «Я последователь Константина Леонтьева, и меня привлекал Ницше. Я чрезвычайно высоко оцениваю Сталина и считаю, что много ценного можно извлечь из немецкого опыта 1930-х годов».

В 2014 году Калашников стал несколько более пессимистичным. Его новая работа названа «Крах путинской России: Тьма в конце туннеля». Ему все еще не нравятся англосаксы («Они всегда были заклятыми врагами русских: вся наша история доказывает это»), он считает их холодными, лицемерными, расчетливыми, умными и жестокими. Но главный момент книги – катастрофа постигнет не только путинскую Россию, но и все, всюду, будет разбито вдребезги – общество, экономика, вся социальная структура.

Как и Дугина, Калашникова считают оригинальным мыслителем, хотя многие из его идей разделялись или были предвосхищены другими мыслителями крайне правых. Например, предсказание, что Соединенные Штаты распадутся в 2010 году, было высказано гораздо раньше. Согласно Игорю Панарину, аналитику КГБ, который позже стал деканом российской дипломатической академии министерства иностранных дел, готовящей дипломатов, Калифорния станет частью Китая, Техас будет частью Мексики и т.д. [Прим. ред. ВС: США действительно могут

развалиться к 2050 году. Читайте статью Джона Раштона [«Развалятся ли США и Канада так же, как Советский Союз?»](#)]

А Николай Стариков, популярный телеведущий, который специализируется на исторических документальных фильмах, посрамил фактически всех профессиональных историков, раскрыв многие из великих тайн двадцатого века. Например, он без тени сомнения доказал, что Февральская и Октябрьские революции в России и Ноябрьская революция (1918) в Германии были организованы британской разведкой, с возможной поддержкой Соединенных Штатов и Франции. Их цель в Первой мировой войне состояла в том, чтобы заставить эти две державы обескровить друг друга и, в конечном счете, разжечь в них революции. И когда Гитлера – который был фактически британским агентом – Черчилль и Рузвельт подстрекали, чтобы тот напал на Советский Союз во время Второй мировой войны, то СССР очень повезло, что у власти был Сталин, сумевший его остановить.

Наконец, в ходе боев в восточной Украине летом 2014 года российские СМИ обнаружили и создали другого героя: Игорь Стрелков, человек действия и патриотический мыслитель одновременно. Стрелков, настоящая фамилия Игорь Гиркин, родился в Москве, и в настоящее время ему около сорока пяти лет. Он был полковником запаса в отделе разведки российской военной разведки, сражался на многих полях битвы, включая бывшую Югославию, и стал важнейшим вожаком повстанцев в восточной Украине. Согласно манифесту, написанному им, он назвал своих бойцов Православной армией, гордой тем, что служит не золотому тельцу, а Нашему Господу Иисусу Христу. Его описывали как очень религиозного человека: например, он потребовал запрета на использование ругательств на телевидении и в повседневной жизни. Но он также обвинялся в убийстве нескольких тысяч боснийцев, исчезновении многих чеченцев и казни нескольких украинцев. Феномен Стрелкова интересен по ряду причин. Он обвинил Путина и других руководителей элиты в том, что они нерешительно действовали на Украине, и предсказал, что, если они не исправят свой образ действия, они разрушат Россию и будут сметены. Эти противоречия, кажется, указывают на более глубокий конфликт между радикальными кругами армии, особенно в ГРУ, военной разведке, и немного более осторожными силовиками – бывшими офицерами КГБ, которые правят Россией в настоящее время.

Евразийство

Согласно некоторым источникам, термин «Евразийство» был впервые использован немецким эрудитом и путешественником Александром фон Гумбольдтом в начале девятнадцатого века. Наряду с геополитикой, это единственный самый

важный компонент новой российской доктрины. Его происхождение может быть прослежено до далекого прошлого, но его обновленная версия, а именно неоевразийство – очень отличается от старого евразийства по своему характеру. Современные сторонники евразийства одобряют интерпретацию Николая Данилевского в его классическом труде «Европа и Россия», где в большей или меньшей степени развивается идея, что нет никакой всемирной, универсальной человеческой культуры, нет никаких общих ценностей, и что между германским и славянским миром в особенности есть пропасть. Данилевский оказал значительное влияние на Константина Леонтьева и некоторых других. Но его пригодность для неоевразийцев ограничена, потому что они озабочены преимущественно Америкой, хотят сделать Германию партнером, и размышляют о будущей Евразии, простирающейся от Дублина до Владивостока. Данилевский пришел бы в ужас. Ранние евразийцы были обеспокоены «европеизацией»; сегодняшние боятся американизации.

Евразийство первоначально возникло среди русских эмигрантов в начале 1920-х годов; его первым главным доктринальным заявлением стал сборник эссе 1921 года под названием «Исход к Востоку», который повторяет тезис о непреодолимом различии между Россией и Западом и даже об ожесточенной вражде между ними. Но там нет ничего об Америке и атлантизме, о либерализме и демократии, обо всех тех темах, которые представляют собой первостепенную важность для сегодняшних неоевразийцев.

Лучшее резюме его целей можно найти в статье Каспара Мейера, названной «Ростовцев и классическое происхождение евразийства», опубликованной в 2009 году в журнале, посвященном древней истории и археологии:

«Их программа рассматривала большевистский режим как временный, но необходимый катаклизм, прокладывающий путь к идеократическому паневразийскому государству. Обширная экологическая зона Евразии приучила своих рассредоточенных жителей спланироваться под центральной властью и периодически заново восстанавливать бесконечную империю степи с изменяющимися историческими обликами. Российская империя была естественным преемником Монгольской империи Чингисхана и склонялась, как и ее предшественник, к антагонизму с «романо-германским» Западом. Постбольшевистская Россия стала бы окончательным проявлением евразийской «геополитической судьбы», и руководство ею логично должно было быть поручено тем, кто осознал сущность страны и ее предопределенную роль».

1920-е годы были расцветом евразийства; после 1929 года движение распалось. Многие продолжали думать, что Россия была уникальной страной и куль-

турой, но были менее восторженными по поводу чисто азиатских истоков и влияний. Некоторые евразийцы, особенно более молодые, перешли на просоветские и даже прокоммунистические позиции, больше по сентиментальным, нежели по идеологическим причинам. Некоторые даже превратились в советских агентов влияния в Западной Европе или сотрудничали с ГПУ/НКВД, что не спасло их от казни или Гулага после того, как они возвратились в Советский Союз. История Сергея Эфрона, не известная во всех деталях по сей день, является, возможно, одной из самых печальных. Молодой офицер в Белой армии (еврейского происхождения), он встретил Марину Цветаеву, великую русскую поэтессу, в имении Максимилиана Волошина в Крыму и влюбился в нее. Они позже поженились. Эфрон помог советской разведке похитить в Париже русского белого генерала Миллера. Он вынужден был сбежать в Советский Союз, но был арестован там и казнен после того, как один член его семьи заявил на допросе (после пыток), что Эфрон был шпионом троцкистов. Цветаева вскоре после этого совершила самоубийство.

Князь Мирский (Дмитрий Петрович Святополк-Мирский), который был в эмиграции в Соединенном Королевстве, также исчез вскоре после своего возвращения в Россию; дата и обстоятельства его смерти (вероятно, 1939) не известны. Известный британский историк Э.Х. Карр, возможно, невольно способствовал его печальной судьбе. Карр, сочувствующий Советскому Союзу, хотя и критик марксизма, однажды увидел Мирского на московской улице, и, радуясь тому, что встретил старого знакомого еще с лондонских дней, подошел к нему и попытался заговорить. Мирский сделал вид, что никогда прежде не встречал Карра, но, очевидно без большого успеха. Эта история упомянута здесь, чтобы показать огромную политическую наивность евразийцев. Раньше некоторые из них были обмануты маневрами советских органов, когда их заставили встретиться с некоторыми членами «оппозиции» в Советском Союзе, которые в действительности были агентами органов.

Ключевые фигуры среди ранних евразийцев, в конечном счете, переехали в Соединенные Штаты и стали преподавателями в ведущих университетах. Князь Трубецкой умер в сравнительно молодом возрасте в Вене вскоре после Аншлюса. Незадолго до своей смерти он издал книгу, осуждающую расизм и шовинизм («псевдонационализм»), по своему мировоззрению подобную его эссе, осуждающему шовинизм, появившемуся пятнадцатью годами ранее в оригинальном манифесте евразийцев. Это привело к его временному аресту Гестапо.

Почему Евразия? На этот вопрос нет никакого очевидного ответа за исключением того, что некоторые русские были оскорблены тем, что европейцы не принимали их как равных, и что, возможно, им не нравились все аспекты европей-

ской культуры – если что-то подобное стояло на первом месте. Если бы евразийцы утверждали, что Россия была похожей на третью силу, отличающуюся и от Европы, и от Азии, то это, возможно, стало бы отправной точкой для интересных дебатов. Что-то более широкое должно было увести их от исторической правды. Истоки России были не в Азии, а в Европе. Евразийство было модернизированной и приспособленной к местным условиям российской версией империализма других стран – «конструктивного империализма лорда Милнера», идеи Жюль Ферри о том, что более высокие расы должны заботиться о менее удачливых, и немецкого эквивалента 1890-х. Сто лет спустя такие аргументы больше не были подходящими, но все еще было верно, что цель экспансии не была альтруистической. В основе ее лежало желание вернуть России ее национальную миссию, ее статус великой державы, и в современных условиях это могло быть достигнуто только через какую-то форму союза, в котором доминировала бы Россия. Это означало, среди прочего, улучшение репутации Чингисхана и хана Батыя, Золотой Орды, и различных других ханств.

Вторжение русских в Азию началось в шестнадцатом веке. Казаки перешли Урал, чтобы исследовать условия для охоты. Иван Грозный послал их, и предприятие, которым командовал Ермак Тимофеевич, было организовано и профинансировано богатой купеческой семьей Строгановых. Нам очень мало известно об этом походе; все, что мы знаем об экспедиции, основано на различных летописях, которые были написаны спустя несколько десятилетий после событий и, возможно, не точны. Если написанное в летописях правдиво, и если небольшая армия Ермака Тимофеевича насчитывала лишь 840 человек, и если все они шли пешком, и только некоторые были вооружены ружьями, то это было, конечно, замечательным достижением, учитывая расстояния, которые они преодолели. За несколько лет, они достигли того, что мы теперь называем Беринговым проливом. (Витус Беринг, датчанин на русской службе, предпринял много экспедиций в 1740-х и был также первым человеком, который смог исследовать Камчатку более или менее серьезно.)

Немногие русские ехали в Сибирь в те годы и в течение еще долгого времени после этого, за исключением преступников и политических заключенных, которых отправляли туда не по их собственной воле. Большие города к востоку от Урала были основаны только в девятнадцатом веке (Владивосток в 1860 году); Хабаровск (Хабаровка в то время) был создан как военная застава, как и Владивосток, военно-морская база. Короче говоря, заселение Сибири и российского Дальнего Востока имело место не так давно, и это было частью общего расширения империи на протяжении девятнадцатого века.

Если рассматривать данный вопрос в этом контексте, то российская колониальная экспансия на Восток не была ни лучше, ни хуже экспансии других империалистических держав. Она, возможно, могла быть оправдана, потому что русские принесли прогресс в эти части Азии – вспомним, что Маркс приводил этот аргумент в отношении прогрессивного характера британского правления в Индии. Но этот вид аргументов, который был приемлемым в девятнадцатом веке, является совершенно неуместным в наше время.

Согласно легенде, племена, живущие в России, пригласили Рюрика и варягов прибыть и управлять ими, потому что иначе там был бы хаос (это событие известно в российской истории как «призвание варягов») но даже легенда не говорит нам, будто бы русских приглашали в Сибирь. На этом фоне кажется, что очарование Востоком имело отношение к некоей недолговечной культурной моде в среде российской интеллигенции, но тогда и эта мода тоже пришла через Европу. Императрица Екатерина II Великая испытывала восторг перед Востоком; она узнала об Азии, когда посетила Крым. Эти модные веяния, появившиеся в восемнадцатом столетии, не были ограничены одной лишь Россией. Они в равной степени были известны и в Западной Европе, в форме увлечения китайскими безделушками или интереса к японскому искусству. (Выдающиеся художники Николай и Святослав Рерих уехали в Индию и практически превратились в индийцев.) Это было также время, когда началось научное исследование Востока – школы Розена, Бартольда, Ольденбурга и других ученых, небольшое количество из них было монгольского происхождения.

Следующая волна интереса к Азии возникла в «Серебряный век» у поэтов-символистов на рубеже девятнадцатого-двадцатого веков, у поколения Александра Блока и Андрея Белого. Но они не были слепыми поклонниками; они боялись азиатского апокалипсиса. Символисты пребывали под влиянием Владимира Соловьева, который писал об опасности панмонголизма и думал о современном Востоке, что он имел намного больше общего с Ксерксом, чем с Христом. Они согласились с тем, что Теннисон написал в это время:

«Лучше пятьдесят лет Европы, чем целый цикл веков Китая».

Никто не сомневался, что Россия когда-то подвергалась азиатским влияниям; чтобы привести только один пример, российское слово «деньги» имело татарское происхождение. (Но ведь и немецкое слово, означающее переводчика [Dolmetscher] происходит из татарского, но какие далеко идущие выводы нужно сделать из этого?)

Николай Карамзин где-то написал, что ханства так или иначе создали великую Россию и также понятие самодержавия (и сама фамилия «Карамзин» имеет, вероятно всего, азиатское происхождение). Но все это происходило давным-давно, и что касается русской культуры, то каково было воздействие Золотой Орды на Золотой век русской культуры в девятнадцатом веке? Тысячи русских интеллектуалов, писателей и художников путешествовали в Европу, но кто ездил в Азию?

Язык интеллектуалов не был монгольским или татарским, он даже не был русским. Великие сцены в русской литературе были написаны на французском языке. «Война и мир» Толстого начинается на французском языке, и довольно много страниц после этого тоже написаны на французском. Тютчев рос в доме, в котором только слуги говорили на русском языке, и в будущем его разговорный французский язык тоже был лучше русского. Иван Тургенев большую часть своей взрослой жизни провел во Франции.

Но русские композиторы хотели отличаться от Запада. Когда великая пятерка, «Могучая кучка» – Милий Балакирев, Александр Бородин, Цезарь Кюи, Модест Мусоргский, и Николай Римский-Корсаков – захотели найти подлинную российскую идентичность, и они многое позаимствовали из восточных мотивов (или того, что, как они думали, были настоящими восточными мелодиями), что породило «Шехеразиду», «Исламие» и «Антар» (где действие происходит в Аравии).

Ориентализм, конечно, имел отношение также к целям тогдашней российской внешней политики. Так же, как либерал Павел Милюков обнаружил важность Византии для России, евразийцы, став свидетелями провала западных политических образцов в их стране (и поражения революции 1905 года), направили свой взгляд еще дальше на Восток. Как во Франции двумястами годами ранее была культурная мода на все японское, в Германии после мировой войны была мода на все индийское, все внезапно читали Рабиндраната Тагора, и ведущие авторы, такие как Герман Гессе, интересовались индийскими темами, такими как Сиддхартха. У Индии на Западе было второе пришествие во время студенческих бунтов 1960-х и 1970-х. В России и позже в русской эмиграции, мода была политической, а не культурной.

Но политическая привлекательность сосредоточилась на Востоке (и Азии), который был в значительной степени воображаемым. Даже самые страстные евразийцы не начали посещать Азию, не говоря уже о том, чтобы поселиться там. Они не изучали китайский или урду, не говоря уже об арабском языке, и не погружались в цивилизацию этих стран. Для евразийцев степь имела карди-

нальное значение, но как много из них (или, точнее, как мало из них) когда-либо были в степи – на пастбищах, в российских степях за Уралом?

Для большинства из них они были метафизическими пастбищами, воображаемым миром, а не действительностью. Никогда не стоит недооценивать важность мифологии в политике и истории, но теперь, когда неоевразийство стало политической силой – и может приобрести еще большее значение в будущем – важно время от времени вспоминать о происхождении этого движения в мире фантазии.

Неоевразийство, движение, возглавляемое Александром Дугиным и некоторыми аналогично мыслящими идеологами, возникло в России в 1990-х годах и является теперь политическим движением, не только культурной тенденцией. Но и Дугин тоже получил свое изначальное вдохновение от неофашизма во Франции, Бельгии и Италии, а не в степях Забайкалья. Пантюркизм (туранизм) существует в Турции, и подобные группы присутствуют в нескольких среднеазиатских странах, но они не составляют мировое движение – различия у этих различных ответвлений, их интересов и программ слишком сильны.

Первая волна евразийцев в 1920-х развивала свои идеи, потому что они были разочарованы Европой. Они принадлежали к стороне, которая была побеждена в Гражданской войне, и они искали идеологический выход из дилеммы, в которой они оказались. Для них было невысказано разочароваться в России. Но как найти общий знаменатель для будущего России и их собственного будущего?

О нынешнем российском правительстве и о тех, которые поддерживают его, можно сказать лишь с небольшим преувеличением, что «все мы теперь евразийцы». Это частично связано с их отвращением к Европе, которая (как они чувствуют) отвергла их, но это также отражение огромной популярности идей Льва Гумилева.

Сын великих поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилева, которого расстреляли большевики в 1921 году, Гумилев был русским Шпенглером, очень популярным автором, небезупречным гением. В нескольких книгах и многочисленных статьях он попытался доказать азиатское и кочевое происхождение своей родной страны. Для немца Освальда Шпенглера будущее принадлежало молодым народам, таким как немцы и русские; для Гумилева молодым народом были монголы. Его неортодоксальные взгляды не раз приводили его в тюрьму и Гулаг. Его идеи иногда были очень интересны, часто очень оригинальны, в других случаях неправдоподобны и явно ошибочны. Он утверждал, что его подход был научным. Но когда он заявил в одном интервью: «Скажу вам по секрету, что если

Россия будет спасена, то только как евразийская держава» (в журнале «Социум», номер 5 за 1992 год), то это едва ли было научным заявлением, которое можно было доказать или опровергнуть.

Лев Гумилев воспротивился против себя православную церковь этим своим азиатским подходом и заставил отвернуться от себя ультра националистов (потому что его взгляды очерняли панславизм), назвавших его русофобом. Он также оскорблял евреев своими комментариями о еврейской истории в Средневековье, предмет, который по общему признанию, не принадлежал к сфере его компетенции. Но восприятие Гумилева в Казахстане и среди других нерусских народов, возможно, было самым восторженным. Его именем назвали университет, статуя его была установлена в Казани, и его портрет появился на марке, выпущенной казахской почтовой службой.

Неоевразийство возникло после падения коммунизма и Советского Союза. Мы теперь стали свидетелями интересного повторения того, что произошло в 1920-х: к концу того десятилетия поколение основателей евразийства было вытеснено со своих руководящих постов, которые перешли в руки более молодых, про советских активистов. Они обычно описываются как «левые», но фактически они были прорусскими, а не марксистами, не говоря уже о коммунистах. Их стремлением было найти общую позицию для молодых офицеров, которые сражались в белых армиях на Гражданской войне – и Советского Союза. Они полагают, что нашли такую платформу в патриотизме/национализме, который должен был быть наряжен в евразийскую одежду. Их предположения были не так уж неточны, потому что общая тенденция в России уже смещалась от интернационализма к национализму. Но они неверно оценили фактор времени – это смещение продлилось значительно дольше, чем они предполагали, и немногие из них дожили до того времени, когда смогли увидеть собственными глазами осуществление их мечты. Они были не единственной эмигрантской группой, которая правильно поняла эту тенденцию. Это увидели и другие, как «сменовеховцы» Николая Устрялова и «младороссы» Александра Львовича Казем-Бека который склонялся к фашизму. Судьба тех, кто совершил ошибку, вернувшись в Россию слишком рано, была печальна. Тех, кто подождал немного дольше, до 1960-х, по крайней мере, не отправили в Гулаг. (Казем-Бек возвратился в Россию в 1960-х годах и получил незначительную должность – он работал в Московском патриархате). К концу 1920-х годов евразийское движение прекратило свое существование. Коммунисты взяли в свои руки их журнал, но через некоторое время у них больше не было никакой пользы от их использования.

Современное подобие с первой волной евразийцев состоит в следующем. После краха Советского Союза патриотам понадобилась новая доктрина. Как писал в

газете «Завтра», еженедельном органе этих кругов, один из мыслителей российских правых: элита без идеологии – угроза. И верно то, что обладающее чувством собственного достоинства политическое движение нуждается в идеологии: одних только интересов недостаточно. Что же могло бы стать идеологией в посткоммунистической России? Дугин в свои молодые годы попробовал фашизм, но это не было такой хорошей идеей, даже если соответственно принарядить его. И консерватизма в старинном стиле, как показал опыт других стран, было не достаточно – он был неинтересным, даже скучным. Дугин смотрел на опыт антидемократических, антилиберальных европейских Новых правых. У них были кое-какие идеи, но ни одна из них не была действительно успешной. Ни одна из этих групп не могла стать массовым движением или, по крайней мере, приобрести позицию с реальным влиянием.

В этот момент евразийство было заново открыто как чрезвычайно хорошо подходящий идеологический программный пункт. Евразийство было патриотическим/авторитарным, антидемократическим, националистическим; оно было, прежде всего, подходящим для «ревизионистской» власти, пытающейся вернуть территории, которые были потеряны. Оно было антикапиталистическим – то есть, выступало против олигархов – но не слишком радикальным в этом отношении. Оно было достаточно расплывчатым, чтобы подойти для людей и групп со сложными представлениями о политике и мире. Внезапно все открыли евразийство – старая/новая компартия, Владимир Жириновский, и даже Путин, который тоже сказал, что является евразийцем. Но именно Дугин был первым в этой области. Возможно, евразийства не было достаточно, и требовались заимствования из фашизма и популизма. Но это могло быть сделано, не заходя слишком далеко в этом направлении, в конце концов, не существовало никакого систематического культа лидера, никакой единственной государственной партии. Евразийство в этом контексте не было совершенно бессмысленным, но его всегда можно было интерпретировать разными способами. Имена и термины мало что значили, нацистская партия с начала до конца называлась НСДАП, что означало национал-социалистическую рабочую партию Германии, даже при том, что рабочие в ней были слабо представлены в сравнении с другими классами. Но какое это имело значение?

Это не должно наводить на мысль, что концепция «Евразии» была обманом, жульничеством. Некоторые, без сомнения, искренне верят в этот вид мифологии; другим евразийство понравилось, потому что его можно было интерпретировать очень многими различными способами. Это открыло путь к союзам с другими партиями и силами в Европе. У «консервативного» и «неофашистского» были свои недостатки. Зато слово «евразийский» было намного более нейтральным и имело очень немного недостатков; оно могло привлечь почти

всех. В 1920-х годах евразийство действовало как мост для признания Советского Союза, и при этом без обязательной веры в марксизм-ленинизм. В настоящее время оно могло служить в подобном качестве, принимая политику нынешнего правительства, консервативную или ультраконсервативную. Что касается внешней политики новой России, то представление России как евразийской державы могло бы облегчить более близкие отношения с тюркскими народами, возможно, также с Дальним Востоком. Россия была бы одной из нескольких держав в великой коалиции, основанной на тесном экономическом и политическом сотрудничестве.

В этом месте сложности такой стратегии становятся очевидными. Коалиция этого рода с российской точки зрения имеет смысл только тогда, если Россия играет в ней ведущую роль. Поскольку это – ее историческая миссия: Россия, занимающая второе место рядом с группой тюркских государств или как сателлит Китая, немыслима. Но почему тогда не коалиция равных? Потому что различия во взглядах и интересах слишком велики, а движущие силы мировой политики не следуют законам равенства. И в плане численности своего населения, и в отношении своей экономической мощи, Россия не играет главенствующую роль по сравнению с потенциальными членами евразийской коалиции. У нее даже нет монополии на владение ядерным оружием.

Это могло бы быть иначе, если бы существовала какая-то большая угроза, общий враг, и неоевразийцы очень старались представить Америку и Запад вообще в качестве такого врага. Но Европа постепенно становится все более слабой, и поскольку американская внешняя политика склонялась к уходу из мировой политики и к смещению центра своего внимания из Атлантики к Тихому океану, неоевразийцам отчаянно понадобится враг, и им будет очень трудно найти его.

Что остается от Монгольской империи как от модели? Ее отношение к религии, возможно? Православная церковь этому вовсе не обрадовалась бы. Или же вера в то, что история кочевников является образцом для будущего объединения судеб народов и стран? Пусть Европа и находится в плохой форме, но как бы ни смотреть на это, непонятно, что евразийское прошлое может предложить России в двадцать первом веке.

Учитывая нынешнее российское увлечение, официальное и неофициальное, евразийством, Азией, и, прежде всего, Сибирью, следовало бы ожидать больших усилий со стороны Кремля по укреплению его связей в Азии. В 2014 году Путин назначил одного генерала своим специальным уполномоченным, который должен был заниматься нуждами и развитием регионов к востоку от Урала. Но общее впечатление было таким, что этими территориями просто пренебрегли,

что привело к широко распространившемуся негодованию и даже некоей форме сибирского сепаратизма. Антикремлевские демонстрации произошли в таких городах как Новосибирск, и в Москве с опозданием осознали, что нужны срочные меры. Так внезапно открылся новый фронт, и новые проблемы встали перед Кремлем в том месте, где их меньше всего ожидали.

Российская геополитика

Термин «геополитика» был впервые использован примерно в 1898 шведским географом Рудольфом Челленом, и он был первоначально синонимом политической географии с некоторыми дополнительными мыслями, заимствованными из политической философии. Он отличался от других аспектов географии, таких как физическая география. Однако за очень короткое время этот термин приобрел определенные значения, очень сильно изменяющиеся в зависимости от страны, где он употреблялся, и от политических взглядов тех, кто его использовал. Челлен, член шведского парламента, принимал активное участие в политике. Он был прогермански настроен, и его главный труд был написан на немецком языке. Общая идея геополитики носилась в воздухе. Фридрих Ратцель, немецкий профессор, был соучредителем новой школы; в 1897 году вышла его книга «Politische Geographie» («Политическая география»). Альфред Мэхэн, адмирал американского флота, был другим ранним автором, писавшим на эту тему; свой труд «Влияние морской силы на историю» он впервые опубликовал в 1890 году. В 1902 году в Великобритании вышла книга Хэлфорда Маккиндера «Британия и британские моря». И Карл Хаусхофер, самый известный пример немецкой школы, был в это время офицером баварского генерального штаба. Его работы появились несколько позже, но его идеи были также сформированы приблизительно в то же самое время или немного позже.

Геополитика пришла в Россию с опозданием; в царской России не было никакого большого интереса к этому предмету, а при коммунизме она противоречила официальной идеологии марксизма-ленинизма. Марксизм основывался на экономике, не на географии. Геополитика – это термин, часто используемый (и неправильно используемый) без разбора, и поэтому он породил множество неверных толкований. В некотором отношении геополитика просто заявляла очевидное – что география воздействует на политику. Сегодня, особенно в США, она часто используется просто как синоним «географии» (география – это предмет, который обычно не преподается в американских школах и только в относительно немногих университетах). По этой причине необходима осторожность, когда слово «геополитический» используется в обычной устной речи или в письменной форме. Чаще всего, это бессмысленный, просто модный термин.

Воздействие учения геополитики на нацизм часто преувеличивалось; на итальянский фашизм геополитика заметно не повлияла. Это известно автору этой книги из личного опыта. Он пошел в школу в Германии после того, как нацизм пришел к власти. География была одним из его любимых предметов. Она была в то время модной и в большой степени смешанной с геополитикой. Но в том, чему нас учили, было очень мало специфически нацистского. Журнал этой группы «Zeitschrift für Geopolitik» («Журнал геополитики»), был интересным и содержал новости и комментарии о зарубежных странах, которые обычно нельзя было найти в немецких СМИ. В геополитике не было ничего «фашистского»; этот предмет был почти неизвестен в Италии при Муссолини.

Правда, идея жизненного пространства («Lebensraum») была частью нацистской доктрины, но она возникла в другом месте, главным образом в романе Ганса Гримма «Volk ohne Raum» («Народ без пространства»). Однако Гитлер (для которого раса была более важной), Геббельс и Геринг не испытывали особого интереса к предмету или использованию термина «heartland» («хартленд», «центральные земли»). Только Рудольф Гесс (который короткое время был помощником Хаусхофера в Мюнхене) использовал это выражение, но он дезертировал в середине войны. И хотя Хаусхофер служил в генеральном штабе, он не был воинственным или агрессивным в своих трудах. Когда вспыхнула Вторая мировая война, он стал подавленным, потому что боялся ее результата. Хаусхофер, короче говоря, никогда не был вполне «персоной грата» в Третьем Рейхе; его жена была по происхождению частично еврейкой, а его сына Альбрехта, который сотрудничал с антигитлеровским сопротивлением, казнили незадолго до конца войны. Политические взгляды Хаусхофера были консервативными, а не нацистскими.

Более поздние дополнения к геополитике, такие как «жизненное пространство» или теории Маккиндера (о хартленде: «кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Хартленд; кто контролирует Хартленд, тот контролирует Мировой остров; кто контролирует Мировой остров, тот контролирует весь мир») были более чем сомнительны; Маккиндер был очень разносторонним человеком – один из первых директоров лондонской Школы экономики, член парламента, и первый человек, который поднялся на вершину горы Кения. Но конкретно это его попутное замечание бесполезно. То же самое справедливо и относительно веры Мэхэна в жизненно важную роль угольных станций (для пароходов), потребность в которых обогнал технологический прогресс.

Однако после распада Советского Союза геополитика нашла новую родину в России. По словам современных геополитических коллег из европейских крайне правых, «это заслуга одаренного [Александра] Дугина, который является чем-

то вроде мозгового центра в одном лице...» Он может разговаривать на всех главных европейских языках, он эрудит в антилиберальном и эзотерическом наследии, спасенном Новыми правами от послевоенной дыры памяти, и, прежде всего, он – бескомпромиссный, метаполитически продуктивный противник Соединенных Штатов, цитадели мирового либерализма и, таким образом, основного источника зла в наше время.

Если геополитика распространилась в России в последние годы, то так же распространились и расхождения во мнениях среди геополитиков. Руководители (часто номинальные) различных российских геополитических учреждений это обычно отставные генералы армии или военно-воздушных сил, такие как Леонид Ивашов, с небольшим количеством интеллектуалов (таких как Вадим Цымбурский) и некоторых бывших дипломатов. «Четвертая политическая теория» Дугина была раскритикована некоторыми из его коллег-геополитиков за то, чтобы он в ней слишком далеко зашел в отклонении важности фактора расы. Некоторые российские геополитики восхищаются Ф. Уильямом Энгдалем (не очень известный американско-немецкий журналист, живущий в Германии), которого называли «мудрецом» и «гением»; этот профессиональный противник Америки утверждает, что все перевороты и революции в мире были спровоцированы и спланированы ЦРУ. Несколько консервативных российских геополитиков подчеркивают конфликт между христианским Западным и радикальным исламом, тогда как другие считают, что никакого такого конфликта нет, потому что Запад давно отказался от своих христианских основ.

Наталья Нарочницкая, бывший российский дипломат (в Организации Объединенных Наций), в большой степени вовлечена в геополитические действия, тяготея к крайне правым в политическом спектре. Она ратовала за возвращение к советской модели – лишенной, однако, советской идеологии, которая должна быть заменена православной церковью, которая, в свою очередь, должна играть ведущую роль в советской/российской политике.

Леонид Савин, с другой стороны, считает, что российское православие никак не может предложить панацею. Хотя он признает, что церковь является «тезаурусом мудрости», он, кажется, сомневается в глубине религиозной преданности многих верующих, которые на самом деле ходят в церковь только два раза в год, на Пасху и на Рождество.

Савин – редактор журнала «Геополитика» и в большой степени вовлечен в деятельность Евросинергической школы геополитики. Как главный координатор евразийского движения, он работал в тесном сотрудничестве с Дугиным и по различным поводам подчеркивал важность кибергеополитики, очевидно, ссылаясь

на воздействие технологического прогресса на политику. В одном интервью в 2013 году он пытался разъяснить цели своего движения и свои собственные представления о мировой ситуации. Основная цель евразийцев, утверждал он, состоит в том, чтобы установить многополюсное мироустройство из пяти или больше центров власти. К сожалению, Европа в настоящее время преследует проатлантистскую политику. Ислам, как он видит его, не является угрозой для России, потому что мусульмане были хорошо интегрированы. Он видит хорошие перспективы оси Москва-Берлин; Германия была привязана к Вашингтону, потому что Америка во время Холодной войны использовала очень черную пропаганду и вызвала страх перед советским вторжением. Но теперь это уже преодолено. Он обнаружил много азиатских элементов в Германии, особенно в Баварии, которая несколько столетий назад была заселена аварами. Возможно, Бавария найдет дорогу назад к своим азиатским истокам?

Что можно сказать о Китае? Сотни миллионов китайцев противостоят приблизительно сорока миллионам россиян (не все они этнические русские) к востоку от Урала. Савин знает, что некоторые русские и европейцы описывают Китай как возможного врага, но даже при том, что некоторые пограничные инциденты имели место, у Китая нет никакого интереса к этой части мира. Китай сосредоточится на Тайване и островах в Тихом океане, и геополитическое внимание его сателлитов сосредоточится на этом, не на Сибири и Дальнем Востоке. Ему будет нужна поддержка со стороны России и других – интересный пример того, как принятие желаемого за действительное торжествует над геополитическими фактами и здравым смыслом.

А что же относительно ситуации в России? Как видит это Савин, ключевая проблема для России – неолиберальная группа в Кремле. У Путина есть поддержка определенных людей, которые хотели бы более радикальных действий против коррупции, западных агентов и так далее. Массы не верят в распространяемые прозападной оппозицией идеи демократии и прав человека. Михаил Ходорковский, доказывает Савин, является другом барона Ротшильда – и все мы знаем, что это значит. Знания российских правых радикалов о местоположении главных состояний в современном мире является устаревшим примерно на столетие; они, похоже, не подписываются на «Bloomberg» и другие источники информации.

Если подвергнуть эту нынешнюю российскую литературу критическому анализу, возникает вопрос: какое отношение имеет эта смесь всяческой чепухи к геополитике?

Геополитика изучает политическую географию, державы суши и державы моря и их дихотомию, пространства и большие регионы, и стратегическое доминирование в отдельных определенных областях. Она не имеет никакого отношения к неолиберализму и православной церкви, не имеет она отношения даже к ЦРУ и КГБ. Она имеет дело с идеями Челлена, Ратцеля и Хаусхофера и, вероятно, с попытками применить их к современному миру, если это возможно. Она не имеет никакого отношения к Ротшильду и Ходорковскому, и даже к Путину.

Короче говоря, этот вид «геополитики» не геополитика, но просто присвоение ее имени. Это – случай ложно понятого создания теории. Намерение, по видимому, состояло в том, чтобы показать и доказать, что «атлантистские» морские державы являются либерально-демократичными и поэтому злыми, и что сухопутная держава является консервативной и поэтому религиозной, патриотичной и хорошей. Здесь хотели показать, что сухопутная держава имеет право, даже обязана расширяться, пока она не достигнет своих естественных границ, какими бы они ни были. Для этой цели сегодняшние геополитики вполне могли бы позаимствовать также теорию из органической химии или второй закон термодинамики, как Дугин действительно поступил при случае.

Конфабуляция?

На протяжении уже достаточно продолжительного времени элемент фантазии в российской политической литературе был силен (и становится еще сильнее) – и не только на популярном уровне. Как это объяснить? Откуда это взялось, и насколько это важно в общем контексте новой «российской доктрины»? Экстремистские, даже фанатичные заявления, направленные против «врага», можно найти в почти всех случаях во многих странах. В этом нет ничего специфически российского. Но если заявления или теории будут демонстративно ложными, даже абсурдными, то они чаще всего не будут отвергнуты. Как это пояснить?

Йозеф Геббельс, нацистский министр пропаганды и достигший совершенства практик в этом жанре, является основным примером преднамеренной фабрикации фальшивок. Начальником полиции в Берлине в годы как раз перед приходом нацистов к власти был еврей по имени Бернхард Вайс, бывший офицер и профессиональный чиновник с умеренными взглядами. Геббельс начал широко-масштабную кампанию против него, превращая Вайса в демоническую фигуру, очень опасного, невероятно хитрого и неискреннего человека, стремящегося уничтожить все на его пути. Когда друзья указали Геббельсу, что Вайс (которого он называл Исидором) был совершенно безопасным бюрократом, Геббельс

засмеялся и сказал: «Вы думаете, что я и сам этого не знаю?» [Прим. ред. ВС: О Бернхарде Вайсе читайте в книге Йозефа Геббельса [«Борьба за Берлин»](#).]

Это – типичный пример циничного подхода. Но не все высказывания, заявления, идеи, и теории, которые явно абсурдны, сознательно сфабрикованы и цинично эксплуатируются как часть более широкой пропагандистской кампании. Некоторые, как в современной России, действительно верят в них по причинам, которые были недостаточно исследованы. «Протоколы сионских мудрецов» были продуктом преднамеренной фальсификации, и то же самое верно относительно заговора врачей в последний год жизни Сталина. Но и в «Протоколы», и в историю о еврейских врачах-убийцах верили многие, и на вопрос, почему они верили, очевидно, не так легко ответить.

Есть широко распространенная тенденция (не специфически российская и не изобретенная там) верить в оккультные, скрытые силы, которые реально управляют мировой политикой, тогда как те, о которых мы читаем и слышим в СМИ, являются просто их марионетками. Некоторые российские идеологи верят (или делают вид, что верят), что реальная борьба в мировой политике происходит между двумя партиями – партией Ротшильдов и сторонниками Рокфеллеров. Согласно более эрудированным последователям Линдона Ларуша, например, эта ожесточенная борьба происходит между фракциями на более высоком философском уровне: последователи Аристотеля и последователи неоплатонизма. Но не было ясно сказано, где они держат свои деньги – уж конечно не в современной Греции. В последние годы имело место тесное сотрудничество между российскими правыми радикалами и сторонниками Ларуша (недавний пример – статья Сергея Глазьева «О еврофашизме» в «Executive Intelligence Review», органе Ларуша, а сам Глазьев является советником президента Путина, другое интервью Глазьева с Дмитрием Саймсом можно прочесть в «National Interest» от 27 июня 2014).

Эта вера в невидимую руку и злые силы обычно особенно усиливается во времена великих потрясений и переворотов, например, после Первой мировой войны и русской революции (событий мировой исторической важности, которые не просто объяснить), как и после распада Советского Союза, подобного случая с грандиозными последствиями. Как можно было объяснить, что великая держава, которая была установлена навсегда – «навсегда», как пелось в тогдашнем гимне, которая казалась непобедимой, внезапно рухнула? Очевидный подход к исследованию этой проблемы должен был бы искать внутренние причины; что-то, должно быть, было неправильно в самом основании системы. Но это было бы слишком просто – и также слишком болезненно, потому что многие верили в систему и были убеждены, что ее фундамент был прочным. Отсюда непреодо-

лимый соблазн заглянуть за грань очевидного, искать скрытые силы, секретные махинации оккультных, внешних сил, намеревавшихся уничтожить советскую власть.

Этот поиск виновных принимал различные формы. Одной из них был поиск суперплана, так называемой доктрины Даллеса. Это был план всеобъемлющей стратегии ЦРУ, созданной Алленом Даллесом в 1945 году и направленной на уничтожение Советского Союза. Стратегия эта была проста, но изобретательна. Она предусматривала не войну или подобные войне действия, а разрушение страны, государства и нации изнутри, подрывая и разлагая культурное наследие Советского Союза и моральные ценности советского народа. На советских писателей, актеров и режиссеров нужно было влиять, чтобы те распространяли насилие, развращенность, алкоголизм, склонность к наркотикам, бесстыдству, космополитические представления, коррупцию, межнациональную ненависть и всеобщее недоверие, если упомянуть только несколько задействованных факторов.

С самого начала должно было быть ясно, что в «Плане Даллеса» явно было что-то подозрительное. В 1945 году еще не было никакого ЦРУ и Холодной войны тоже не было. Даллес не занимал руководящие посты, и так как он не был экспертом по России, никто не ожидал бы от него большой стратегический документ о том, что нужно делать с Советским Союзом. Советская культурная жизнь не была его областью специализации. Кроме того, советская культурная жизнь была строго регламентирована Сталиным и Андреем Ждановым и различными другими цензорами. Они не позволили бы Борису Пастернаку торговать наркотиками, а Анне Ахматовой защищать порнографию и алкоголизм и проповедовать насилие. Любому, кто даже в общих чертах знаком с культурной жизнью в СССР, вся эта схема должна была показаться нелепой.

Некоторые исследователи, специализирующиеся на изучении советской сцены, попытались проследить происхождение этого документа. Как уже упоминалось ранее, определенные фразы, кажется, были взяты у Достоевского («Бесы»): «Мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат, мы развратим молодежь». Предполагаемый план появился в 1960-х и 1970-х годах в политических романах некоторых незначительных советских писателей: Николая Яковлева, Юрия Дольд-Михайлика и Анатолия Иванова. Но в его нынешней форме он возник только в 1993 году, когда митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Иван Снычëв) в послании, озаглавленном «Битва за Россию» дал ему свое благословение (возможно, он даже был его автором). Этот церковный сановник так цитировал Даллеса (и даже сделал его генералом):

«Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного и необратимого угасания его самосознания. Например, из искусства и литературы мы постепенно вытравим его социальную сущность; отучим художников и писателей – отобьем у них охоту заниматься изображением и исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности...»

Короче говоря, триумф Сатаны.

Покойный митрополит продолжал в этом же духе: «В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху». Он во всех подробностях рассмотрел печально известный антисемитский трактат «Протоколы сионских мудрецов», спонсором переиздания которого он был, отметив, что некоторые историки не верили в подлинность Плана Даллеса. Он также напал на католический Запад, который поддался тщеславию и ложной славе мирского величия и отпал от всемирной полноты истинного православия. Он упомянул цинизм «просвещенной Европы», для которого у него просто не нашлось слов. Но он всегда возвращался к «Протоколам». Признавая, что их история была довольно темной, и что он не обладал достаточными знаниями, чтобы судить, были ли они подделкой или нет, он не уклонялся от полного подтверждения их содержания, потому что все, что произошло за восемьдесят лет, прошедших с их первого появления, подтверждали это содержание.

План Даллеса в таком виде является модернизированной версией «Протоколов», его подтверждает и/или цитирует с одобрением целое множество видных российских граждан, включая Владимира Вольфовича Жириновского, главу Либерально-демократической партии России (ЛДПР); Никиту Михалкова, одного из самых выдающихся кинорежиссеров России; Сергея Кара-Мурзу, профессора химии и политического комментатора; и Сергея Глазьева, еще одну известную политическую фигуру. Даже при том, что он ни в коем случае не является экстремальным примером политической конфабуляции, План Даллеса был представлен здесь в некоторых деталях, потому что он помогает понять готовность, с которой подделки принимались как истинная правда в современной России, сначала только экстремистами, но впоследствии также частями истеблишмента.

Сталинская система пришла в Россию восемьдесят лет назад, и с нею пришла и распространенная вера в явно неправдивые утверждения. Эта практика была в одни периоды более явной, в другие менее заметной – эксперты время от времени осуждали ее по определенным поводам, но никогда не отвергали полностью. Если в последние годы был рост симпатии, даже определенной тоски по периоду Сталина в российской истории, то не должно быть удивительно, что это включает в себя и готовность верить явно несоответствующим действительности утверждениям.

Согласно ИСИОМ и другим ведущим российским опросам общественного мнения, почти 50 процентов россиян высказали положительное представление Сталина в 2008-2009 годах, и это число, конечно, с тех пор не уменьшилось. Это не означает, что критика Сталина стала незаконной, или, что все аспекты правления Сталина считают желательными. Но избыточный, чрезмерный антисталинизм осужден властями, и учебники были соответственно приспособлены. На самом деле это означает, что определенные психологические воззрения, которые были распространены в эру Сталина, снова стали приемлемыми.

Это включает в себя и веру в заговоры, с помощью которых можно объяснить прошлые и настоящие события. Но один только этот тип мышления не может быть причиной склонности настоящего момента. Как объяснить тот факт, что умышленным неправдам часто действительно искренне верят?

Это удивительное явление наблюдалось и описывалось невропатологами, психиатрами и психологами в течение долгого времени, и известно как «конфабуляция». Сначала оно было описано в 1889 году на примере утративших память пациентов ведущим российским психиатром Сергеем Корсаковым (1854-1900), и известно в современной медицине как синдром Вернике-Корсакова. Эта проблема подверглась интенсивному изучению в последние десятилетия, когда медицина и психология все более и более интересовались проблемами памяти. Приведу недавний клинический пример:

«В понедельник утром в доме для престарелых в Кёльне, Германия, медсестра спросила 73-летнего г-на К. о том, как он провел выходные. «О, моя жена и я полетели в Венгрию, и мы замечательно провели время», ответил он. Медсестра сделала паузу, поскольку жена г-на К. скончалась пятью годами ранее, и он много месяцев не покидал дом престарелых. Попытался ли он произвести на нее впечатление? Более вероятно, что у г-на К. была конфабуляция, явление, при котором люди описывают и даже действуют на основе ложных понятий, которые, как они верят, являются правдой». (Мария Доротей Хайдлер, «Врет ли вам ваш мозг?», «American Scientist», март 2014.)

Исследования конфабуляции показали, что есть различные ее типы, что страдающие конфабуляцией люди представляют свои истории со множеством подробностей, обычно с абсолютной убежденностью, и их невозможно заставить пересмотреть свой рассказ, если противопоставить им рациональные аргументы. Исследователи конфабуляции также выяснили, что ее причиной часто была некоторая форма повреждения головного мозга в результате дефицита витамина В1. (Доктор Корсаков сначала думал, что алкоголизм был самой частой причиной.) Но в целом не было единодушия относительно причин этого состояния, вероятно потому, что оно возникало не в результате какой-то одной определенной травмы или болезни, но из-за множества разных причин.

Литература о конфабуляции обширна, но не очень полезна при рассмотрении многих случаев политической конфабуляции. Маловероятно, что покойный митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский и многие другие, кто распространял План Даллеса и подобные теории заговора, страдал от недостатка витамина В1. Некоторые, несомненно, знали правду, но все равно представляли свои рассказы, потому что так им легче было распространять свои идеи. Другие, возможно, верили, что их теории или доктрины, возможно, были только частично правильными, как раз достаточно для того, чтобы распространять их безнаказанно. Или они, возможно, думали, что даже в бездоказательных теориях могло быть зерно истины, достаточное, по крайней мере, для того, чтобы предложить их жаждающей публике. В любом случае есть поразительное сходство между клинической и политической конфабуляцией: глубокая убежденность говорящих в том, что они говорят правду, устранение сомнений там, где сомнения необходимы. И повторюсь: это вовсе не специфически российское явление. Но оно особенно широко распространилось в России, где его с готовностью приняла не только более легковверная и менее образованная часть общества, но и части интеллигенции, обученной, казалось бы, не верить слепо, но использовать критический подход. Политическая конфабуляция, естественно, представляет собой феномен, заслуживающий более широкого изучения, и Россия могла бы стать одним из лучших мест, где его можно было бы изучать.

4. ПУТИН И ПУТИНИЗМ

Справочника «Кто есть кто» в России до сих пор еще нет. Но если бы он был, то статья о Путине звучала бы в нем приблизительно так:

Путин, Владимир Владимирович, родился в Ленинграде 7 октября 1952 года. Отец, Владимир Спиридонович, умер в 1999 году, участник Второй мировой войны, был тяжело ранен. Дедушка Спиридон был поваром, который несколько

раз готовил для Ленина и Сталина. Мать, Мария Ивановна, была фабричной работницей. Имел двух братьев, оба из которых умерли очень молодыми. Бедная семья, жила в коммуналке (коммунальная квартира, разделенная между несколькими семьями). Мы можем положиться на авторитет Веры Гуревич, любимой учительницы начальной школы Путина, к которой он оставался привязанным много лет, что мать была «очень хорошим человеком, добрым, самоотверженным...». Путин вспоминал, что в 1990-х, когда он работал в городском совете Санкт-Петербурга, он в составе делегации поехал в Израиль. Его мать дала ему крестильный крест, чтобы благословить его у Гроба Господня «Я сделал, как она сказала, и затем повесил крест на шею. С тех пор я никогда не снимал его».

Путин учился в школе номер 193 в Ленинграде; был известен буйным поведением. Рано продемонстрировал интерес к спорту, главным образом дзюдо и самбо. Учился в Ленинградском государственном университете, закончил в 1975 году юридический факультет, после написания дипломной работы о принципе наиболее благоприятствуемой стране в международном праве. Член коммунистической партии с 1972 года. Поступил на службу в КГБ в 1975 году. Работал сначала в управлении контрразведки, позже следил за иностранцами и консульскими работниками в Ленинграде. Служил в Дрездене, Саксония, 1985-1990. Какой-либо достоверной информации о природе его работы в Восточной Германии нет. Был отозван в Санкт-Петербург в 1991 году для работы в администрации местного университета. В августе 1991 года ушел в отставку из КГБ в звании подполковника. Начальник отдела международных отношений Санкт-Петербургской мэрии в 1991-1996 годах. Переведен в Москву в 1997 году, различные назначения в государственном аппарате, стал первым заместителем начальника президентского штаба (у Ельцина) в мае 1998 года. В июле 1998 года назначен главой ФСБ, одной из нескольких организаций-преемников КГБ. В августе 1999 года стал первым заместителем премьер-министра, назначен премьер-министром России семь дней спустя. С июля 1983 года женат на Людмиле Шкробневой; развелся в 2013 году. Две дочери, Маша и Катя; настаивают на частной жизни, живут под вымышленными именами. В 2014 году вступил в повторный брак с олимпийской гимнасткой Алиной Кабаевой.

Вот и все, что можно сказать о ранней карьере человека, которому суждено было стать правителем России на много лет. Это была успешная карьера. Он приобрел репутацию энергичного, трудолюбивого, надежного чиновника, демонстрирующего большую лояльность к своим боссам – сначала Анатолию Собчаку, а позже Борису Ельцину – но он был известен только в небольшом кругу бюрократов. Вскоре после первой встречи с ним Ельцин выразил свое желание видеть в нем своего преемника. Когда Путин стал премьер-министром в 1999 году,

и даже год спустя (в мае 2000 года), когда он выиграл выборы и окончательно сменил Ельцина, он все еще не был известен. Есть причины полагать, что он не интересовался публичностью на данном этапе своей карьеры. Но уже спустя немного времени большая часть России знала о нем много, даже то, что президентского лабрадора назвали Кони, и как он выглядел, и что он лаял всякий раз, когда слышал прозвище Путина.

Учеба Путина в КГБ научила его преимуществам безликости. Однако у него, конечно, были собственные мнения и также свой рабочий стиль. За прошедшие десять лет это было описано и проанализировано в десятках биографий и политических исследований, изданных на русском, английском и других языках. Кроме того, интересны воспоминания о Путине его начальников и преподавателей в Институте КГБ. Один из них, отставной полковник, вспоминает:

«Я не могу сказать, что он карьерист. Хотя некоторые отрицательные качества я тогда в его характеристике назвал. Мне казалось, что он человек несколько замкнутый, необщительный. Это, кстати говоря, можно считать как отрицательным, так и положительным качеством. Но я помню, что указал в качестве негативных сторон в его деятельности некоторую академичность. Я не имею в виду, что был он сухарь. Нет, он был остроумный, за словом в карман не лез. Путин был упорным курсантом без промахов. Не было никаких инцидентов. Не было оснований сомневаться в его честности и порядочности».

Когда Путин стал президентом, положение России было отчаянно плохим. Ни государство, ни экономика не функционировали. Много личных амбиций и/или патриотизма было необходимо, чтобы стремиться стать руководителем страны при этих обстоятельствах. Не будучи экономистом, Путин, вероятно, не полностью понимал серьезность ситуации, но он, должно быть, знал очень много благодаря его руководящим постам в прежние годы. Своим премьер-министром он назначил Михаила Касьянова, который позже стал резким критиком его режима. Касьянов провел важные и успешные реформы в экономической области (налогообложение, финансовые реформы, таможня). Инфляция уменьшилась, и экономика за время его пребывания на посту премьера выросла приблизительно на одну треть.

Однако он не согласился со стилем управления Путина, утверждая, что разделение властей было отменено и заменено «вертикалью власти», принципом, который означал, что все важные решения принимались правительством; ни у парламента, ни у судебной власти больше не было права голоса. Были утверждения, обвинявшие Касьянова в мошенничестве, но то же самое было верно и относительно Путина; трудно представить хоть одного российского политика в

тот период или в последующие годы, кто не попадал бы под подозрение. Касьянов присоединился к оппозиции после своей отставки в 2004 году, но он не пользовался большой популярностью, и его политическая карьера закончилась.

За Касьяновым последовал Михаил Фрадков как премьер-министр; его кабинет включал двух хорошо известных либералов-экономистов: Германа Грефа и Алексея Кудрина. Они проводили благоразумную политику, но не продержались долго.

Начало президентства Путина не было благоприятно. Спустя три месяца после его избрания, в августе 2000 года, произошла катастрофа с подводной лодкой «Курск». «Курск» был атомной подлодкой, вооруженной крылатыми ракетами, и он утонул в Баренцевом море. Путин был в отпуске в это время, но не вернулся немедленно в Москву, не посетил место происшествия, и при этом не принял предложений помощи со стороны зарубежных стран. Но он вышел невредимым из этого дела, так же, как и другое бедствие не повредило ему: террористический акт в 2002 году, когда 130 человек погибли в ходе неэффективной попытки российского спецназа освободить заложников в московском театре. Это было нападение чеченцев на Театр на Дубровке в Москве. Нападение с захватом заложников произошло во время исполнения мюзикла, основанного на романе Вениамина Каверина «Два капитана». Спецназ накачал в систему вентиляции театра ядовитый газ, который привел к смерти многих невиновных людей. Тем не менее, популярность Путина не пострадала. Возможно, люди понимали, что было бы несправедливо приписывать вину за случившееся ему лично. Возможно, это было чувство, что Россия нуждалась в сильной руке, лидере, вожде, что власть государства должна была быть восстановлена, что страна должна проводить более жесткую, уверенную, националистическую внешнюю политику – и что при Путине она получила бы как раз то, что было необходимо.

Прежде всего, Путину повезло в том, что цена нефти и газа росла; без этого ни одна из его политических целей, возможно, не была бы достигнута. Цена барреля нефти во времена Ельцина (1994) составляла приблизительно 16 долларов. В 2002 году баррель стоил 22 доллара; в 2004 – 50 долларов; и в 2008 – 91 доллар. Эта цена оставалась на таком уровне в течение пяти лет. С 2001 по 2007 год экономика росла в среднем на 7 процентов в год. К 2006 году российский ВВП вдвое превысил ВВП конца периода Ельцина. Россия смогла оплатить все свои долги, возник новый средний класс, пенсии возросли вдвое – короче говоря, почти все извлекли выгоду из этого процветания, которое было приписано не везению, но мудрому и эффективному руководству Путина. Это был один из самых поразительных случаев везения в современной истории.

Взгляд Путина на экономику был сформирован, по всей вероятности, во время его пребывания в Германии – на западногерманском примере, если быть точным. Он выступал за рыночную политику в определенных рамках, настаивая на большой мере государственного контроля, и жестко сопротивлялся всем попыткам олигархов завладеть политической властью. Те, которые не покорились новым правилам, такие как Михаил Ходорковский и Борис Березовский, вскоре оказались в эмиграции или в Гулаге. Кроме того, возникла новая группа супербогачей, таких как Геннадий Тимченко, которые были лично знакомы с ним, и на чью лояльность он всегда мог полностью рассчитывать.

Новыми правителями России были не олигархи, а бывшие коллеги Путина по Санкт-Петербургу и по его работе в КГБ. Они также включали некоторых высокопоставленных военных и полицейских офицеров, некоторых специалистов, даже некоторых «либералов» (в первые годы), и все это были люди, которым можно было доверять. Стиль руководства был строго авторитарным. Возможно, прошлое у четверти или трети из них было связано с КГБ. Их доля в правительстве, вероятно, была даже выше, так как факты связей с органами в прошлом обычно широко не разглашались. Случай Михаила Фрадкова, второго премьер-министра Путина, представляет интерес в этом контексте. Вначале, когда он только был назначен, о нем было известно очень мало, за исключением того, что он работал в сфере внешней торговли. Однако после его отставки с поста премьер-министра в 2007 году он стал главой Службы внешней разведки России, и маловероятно, что на такой пост могли бы назначить человека без какого-то предшествующего опыта в этой области.

Большинство из тех, кто служит в самых высоких инстанциях, разбогатели, но насколько, из каких источников, и где, в конце концов, находились их деньги, все это было государственной тайной наивысшего порядка. Были определенные правила – никаких показных расходов, например (иногда жены внезапно становились главными кормильцами семьи). Вышло множество книг на эту тему, некоторые, вероятно, с преувеличениями (Путина порой описывали как самого богатого человека в мире), но кажется бесспорным, что никто не оставил руководящий пост в правительстве бедным и нуждающимся в социальной помощи.

Путин теперь был президентом, и все же немного было известно о его взглядах. Был ли он в глубине души реформатор, сочувствующим либералам, или же консерватором? Хотел ли он изменить страну, или он видел своим главным приоритетом успокоение страны и восстановление спокойствия после многих лет беспорядка? Было бы нереалистично ожидать от бывшего офицера КГБ демократизации российского общества. Но примет ли он изменения, произошедшие при Горбачеве, или он снова введет строгий авторитарный режим, смещающий-

ся все более вправо, основанный на консервативном реакционном мировоззрении? Будет ли новый режим делать основной упор на внутренней или же на внешней политике? Эти и другие основные вопросы оставались открытыми в течение долгого времени. Были противоречивые признаки, но приблизительно к 2005 году укрепилось впечатление, что консервативный и националистический импульс становился самым сильным. Те, кто работали в тесном сотрудничестве с ним и готовы были поделиться своими впечатлениями, говорили о нем как о патриоте, очень осторожном, скрытном и не говорящим лишнего, не доверяющим людям кроме, возможно, очень немногих с прошлым, подобным его собственному. Он, очевидно, никогда не верил в социализм, не говоря уже о коммунизме. Он, похоже, определенно не думал, что Россия была готова быстро (если вообще готова) двигаться по пути к демократии.

Его героем в это время был Юрий Андропов. Но Андропов был невысокого мнения о русских националистах в органах, которые он возглавлял. Путин, с другой стороны, хотя и не являлся членом этой фракции, был более склонен прислушиваться к ним; его привлекали националистические политические лидеры и мыслители царской России и некоторые из тех, кто уехал из России после 1917 года. Как это ни парадоксально, в это время поддержка Путина в органах была слабее, чем в других частях государства и общества. Неизвестно, почему это должно было быть так, и это положение, вероятно, изменилось с тех пор, особенно со Второй чеченской войной. Путин не доверял иностранным правительствам, что не особенно удивительно, так как его как раз для этой работы и учили.

Много было написано о «безликом Путине», о его мужественности, его активном интересе к дзюдо и другим видам спорта. Он появлялся в комиксах и в триллерах, по телевидению показывали, как он целует спящую тигрицу и осетра, и также представляли его как отца нации и противостоящего большому экономическому кризису. Рейтинг его поддержки был постоянно высок, иногда взлетая до 80 процентов и даже еще выше. Контролируемые государством СМИ играли решающую роль в этом росте его популярности.

Можно было бы вспомнить о некоторых других лидерах двадцатого века, которые добились у народа такой же большой поддержки и даже энтузиазма, и стали объектом культа. Но также верно и то, что Путин превосходно соответствует роли такого лидера, которого хотело множество россиян в то время. Демократические институты не пользовались спросом, но страна хотела лидера, вождя, излучающего силу и уверенность в себе. Большинство россиян пришло к убеждению, что демократия – это то, что происходило в их стране между 1990 и 2000 годами, и они точно больше не хотели этого. В России никогда не было

демократии, кроме, возможно, на протяжении нескольких месяцев в 1917 году, отсюда укоренившееся недоверие и отвращение к ней, вера в то, что демократия – это такая ситуация, когда несколько человек становятся очень богатыми, а все остальные остаются бедными или даже еще больше беднеют.

После многих лет неуверенности и хаоса Путин, должно быть, предстал как рыцарь в сверкающих доспехах, не в глазах интеллигенции, но большей части остальных людей. Возможно, он не был идеальным героем. Но он был, разумеется, предпочтительнее того, что им пришлось претерпевать в недалеком прошлом. Телевидение было очень важным фактором, но даже самые большие дозы телевидения не смогли бы представить общественности старика Леонида Брежнева или Константина Черненко в роли спасителя. Будет ли прорыв Путина иметь длительный эффект, удастся ли ему провести основные структурные изменения, которые страна должна пережить и стать успешной в двадцать первом веке, еще неизвестно.

Мы должны будем вернуться к этой проблеме, когда станем рассматривать перспективы России. Целование осетров и спящей тигрицы может на некоторое время усилить оптимистическое настроение в стране; это может вызвать чувство того, что Россия больше не слабая страна, окруженная сильными и опасными зверями, но сильное государство, окруженное слабаками. Но это оптимистическое настроение будет иметь ограниченную продолжительность. Оно никак не приблизит Россию к демократическому порядку; оно, вероятно, даже не сможет способствовать проведению экономических реформ, столь крайне необходимых. Оно, вероятно, не поможет россиянам рожать больше детей. Если бы спрос на нефть и газ не поднялся, и цена на них не возросла бы так резко, то Путин был бы печальным провалом. Но ему повезло, и с учетом полной бедности страны и настроения народа, Россия просто не была готова к кому-то вроде Александра Яковлева или любому другому, кто повел бы ее к порядку, не являющемуся авторитарным.

Террористические атаки на Кавказе и проведенные чеченцами в 2003-2004 годах стали проверкой для режима Путина. Самыми серьезными неудачами были убийство Ахмада Кадырова, партнера России на посту чеченского президента, в мае 2004, и осада Беслана, когда 330 человек, преимущественно дети, были убиты в Северной Осетии, в другой плохо проведенной спасательной операции. Однако даже после многих других террористических актов Москве удалось навязать свое правление Северному Кавказу, и сын Кадырова Рамзан стал преемником своего убитого отца. Но за это пришлось заплатить высокую цену не только в форме финансовых субсидий; Северный Кавказ в значительной степени утратил свой русский характер и стал исламским анклавом.

В 2004 году Путин был избран президентом во второй раз. На внутреннем фронте были захвачены активы «Юкоса», гигантской нефтяной компании. Ее владелец, Михаил Ходорковский, был арестован в 2003 году и приговорен к девяти годам за уклонение от налогов и другие преступления. Приговор было расширено на втором процессе; он был освобожден только после сильного лоббирования в 2013 году. Ходорковский не смог понять изменение равновесия сил в России, противореча президенту и публично споря с ним. Он был одним из самых богатых людей в мире; согласно оценкам, после освобождения из тюрьмы и лагеря его состояние все еще составляло приблизительно 200 миллионов долларов.

2006-2007 годы стали свидетелями напряженных отношений России с ее соседями, такими как Украина, Грузия и балтийские страны. Дмитрий Медведев стал президентом в 2008 году, с Путиным в качестве премьер-министра – начало тандемной договоренности, которая позволила Путину играть ведущую роль в российской политике и после окончания своего президентского правления, ограниченного законом двумя сроками. Также в 2008 году Россия вступила в войну с Грузией. Война продлилась несколько дней и привела к потере Грузией Южной Осетии и Абхазии, которые стали «независимыми».

Была ограниченная оттепель в отношениях с Соединенными Штатами в 2009 году, но это длилось недолго. Отношения с европейскими странами и соседями России не улучшались, а на внутреннем фронте происходило медленное, но систематическое сокращение свобод, урезание гражданских и политических прав. Государство брало под свой контроль СМИ или оказывало на них давление, и победа Путина на выборах президента в марте 2012 года с 63 процентами голосов, отданными за него, поэтому не стала большим сюрпризом. Медведев снова занял должность премьер-министра. Некоторые западные комментаторы полагали, что Медведев представлял собой умеренную альтернативу Путину как во внутренней, так и во внешней политике, но это предположение, как оказалось, было ошибочно. Он был выбран как раз потому, что он не преследовал политику, заметно отличающуюся от политики Путина, и при этом у него не было очевидных амбиций представить себя в качестве альтернативы.

Во время третьего президентского срока Путина последовало значительное ужесточение российской внутренней и внешней политики (например, присоединение Крыма в 2014 году). Демонстрации, проводившиеся представителями нового среднего класса и интеллигенции против «жуликов и воров», создали ошибочное представление о появлении сильной оппозиции, но это было неправильным пониманием ситуации. Поддержка националистической политики Путина привела к такому рейтингу его поддержки, который был выше, чем когда-либо.

Его агрессивная антизападная линия усиливала его положение дома. Как выразился один комментатор: пока цена на нефть и газ оставалась высокой, правительству не угрожала серьезная опасность.

Стиль правления был деспотичным, хотя официально использовался термин «вертикаль». Это означало, что приказы спускаются сверху вниз и не подвергаются сомнению, не говоря уже о возражениях. Эта система гарантировала, что время не тратилось впустую на обсуждения, но она не гарантировала эффективного управления. Были сделаны обещания бороться с коррупцией, напастью, мучившей Россию с незапамятных времен.

Были объявлены и различные социальные программы. Но в действительности мало что (если вообще, хоть что-то) было достигнуто в борьбе против коррупции, хотя иногда обвинения в коррупции использовались для того, чтобы победить или, по крайней мере, ослабить политических врагов. Определенные социальные программы не были выполнены или удалась только частично, что привело к открытому недовольству со стороны Путина.

На протяжении большей части этого времени у Путина было три начальника штаба. Второй, Владислав Сурков, который занимал эту должность с 2004 до 2011 год, был, безусловно, самым талантливым из них. Сурков начал работать на Путина на более низкой должности в 2000 году. Чеченец по отцу, он вырос в полностью русском окружении. Он был человеком идей, дополняя Путина, интерес которого к предмету был ограничен определенными основными позициями, такими как патриотизм/национализм. В большой степени именно Сурков дал режиму идеологию, включая идею ограниченной демократии (суверенной или управляемой демократии). Согласно сообщениям посвященных лиц, Путин всегда держал его на расстоянии, так как Сурков происходил из мира бизнеса (или связей с общественностью, чтобы быть точным) и никогда не имел ничего общего с органами.

Сурков также, кажется, был немного более либеральным, чем другие в этой группе, не испытывал большого восторга по поводу более жесткой, более диктаторской линии Путина после 2010 года. Во время массовых протестов в 2012 году, он, как сообщается, сказал, что «среди протестующих были некоторые из лучших людей в нашей стране», и это высказывание не могло понравиться консервативному большинству в руководстве. Он был менее успешным в попытке создать молодежную организацию правящей партии под названием «Наши», работа, которая, возможно, была навязана ему. Однако даже после своего увольнения он продолжал работать на Кремль на различных должностях и выполнять специальные поручения. История показывает, что Путин был сторонни-

ком ротации такого рода, чтобы не оставлять чиновников слишком долго на их должности, но и не увольнять их вообще, если они не были нелояльны. Он понимал опасность появления растущей группы рассерженных, недовольных людей.

Сурков был слишком умен, не скрывал этого, и поэтому выглядел несколько подозрительным в глазах бюрократов, которые составили значительное большинство в высших эшелонах Кремля. Он мог использовать Александра Дугина (с кем он позже рассорился), так же как и Глеба Павловского, бывшего диссидента, который заключил мир с «органами». Но, в конечном счете, у него, кажется, было слишком много идей для его босса.

Суркову предшествовал Александр Волошин, который позже стал главой «Норильского никеля», одной из ведущих корпораций России. Преемником Суркова стал Сергей Иванов, один из бывших коллег Путина по КГБ, который также занимал должность заместителя министра обороны. Путин, очевидно, считал его менее непредсказуемым.

Путинизм

Что такое путинизм? Много интеллектуальной энергии было посвящено поиску точного определения, как это так часто происходит, когда появляется какой-то новый режим. Но это было не очень успешным предприятием: путинизм – это государственный капитализм, либеральная экономическая политика, но также и сильное государственное вмешательство – даже почти тотальное вмешательство, когда затронуты важные проблемы. Это автократия, но в ней нет ничего нового для российской истории, и она почти смягчена неэффективностью и коррупцией. Есть парламент, но оппозиционные партии на самом деле не находятся в оппозиции. Есть свободная пресса, но свобода ограничена небольшими газетами, и критика не должна заходить слишком далеко. Есть конституция, но это не лучший путеводитель для реальностей современной России. (В 1935 году была сталинская конституция, предположительно самая демократическая в мире, но она не имела никакого отношения к практике сталинизма.) Это стало вопросом печальной иронии и многочисленных шуток. Историки знают, что каждая система, в особенности каждая экстремальная политическая система, отличается от других и часто уникальна. Поиски новой российской политической доктрины особенно уникальны, потому что было мало переходов от коммунизма, и каждый из них отличался от других, будь то в Китае, Вьетнаме, или в Восточной Европе.

Многие близкие наблюдатели за российскими событиями полагают, что в настоящее время нет никакого большого спроса на новую идеологию, и к этой теме существует очень небольшой интерес. Если люди спорят, то они спорят из-за финансов – из-за их доходов, их инвестиций и прибылей, и того, как лучше всего увеличить свою долю – это не спор об идеологических вопросах или о диалектическом материализме.

Но нельзя сказать, что те, кто управляет страной, заботятся только о своих инвестициях. Тот факт, что они стали миллиардерами, не означает, что они не могут поступать как патриоты или не желают жить в сильной стране, которая является крупным игроком в мировой политике. Патриотизм может трансформироваться, но он вовсе не обязательно исчезает вместе с богатством и высоким доходом. Если перефразировать Карла Маркса, финансовый базис все еще может оказывать влияние на идеологическую надстройку и проводимую политику. У нового дворянства есть личная заинтересованность в поддержании статус-кво, и патриотизм может быть довольно полезным в этом контексте.

Как обозначил Андраник Мигранян, выразитель мнения нового режима, они хотят сильную государственную власть, а не хаос. При Путине государство возвратило свою традиционную функцию, возвратило свой эффективный контроль над своими собственными ресурсами, и стало крупнейшей корпорацией, ответственной за установление правил игры. Это может быть деспотичный режим, но и он нуждается в одобрении со стороны своих граждан.

Вероятно, никакой тщательно продуманной путинистской идеологии не существует, но есть документ, который был подготовлен мозговым центром, созданным Германом Грефом в 1999 года, совсем незадолго до назначения Грефа на пост министра экономического развития. Этот одобренный Путиным документ стал платформой для избирательной кампании Путина и с тех пор цитировался по различным поводам. Он начинается с утверждения, что Россия проходит через самый большой кризис в своей истории, и что все ее ресурсы, политические, экономические, и моральные, должны быть мобилизованы для того, чтобы единая страна смогла этот кризис преодолеть. Страна нуждается в новом чувстве миссии, новой русской идее. Эта новая русская идея должна стать основанием государственной политики – политики государственности и солидарности.

Страна не стала фашистской, даже при том, что она двигалась в этом направлении. В ней есть парламент и несколько политических партий, но они составляют лояльную оппозицию, голосующую за правительство по всем важным проблемам. Нужно вспомнить, что парламент был и в Германии после 1933 года, и также в большинстве коммунистических стран. Жан-Жак Руссо утверждал, что

демократия возможна даже при отсутствии оппозиционных партий, но мало кто из изучающих политику ученых согласился бы с ним.

Есть также свободная пресса, пока авторы не заходят слишком далеко в критике властей, и газеты (или телевизионные станции) охватывают только малочисленную аудиторию. Если оппозиционные газеты или радио- или телекомпании становятся слишком влиятельными, их закрывают, или права собственности на них переходят в другие руки. Так сохраняется фасад демократии.

Самый важный компонент в новой идеологии – национализм, сопровождаемый антизападничеством. Происхождение этого интенсивного антизападничества не совсем понятно; антиамериканизма в каком-либо заметном виде просто не существовало до Холодной войны. Но с очень практичной точки зрения, антизападничество связано с потребностью ФСБ, преемницы КГБ, оправдывать свое существование, бюджет, и политику. Поскольку, если Россия не будет защищена от ее опасных, влиятельных и коварных врагов, то страна снова будет уничтожена. Отсюда необходимость содержать этот огромный и дорогостоящий аппарат госбезопасности, возглавляемый новым дворянством страны. Таковы в самой краткой форме основные принципы веры в мышлении этого нового класса.

А что с культом Путина? На самом деле такой культ отнюдь не является постоянной характерной чертой в российской истории, в конце концов, ни один царский министр никогда не становился объектом подобной лести. Именем Путина называли водку, молочный коктейль, леденец на палочке, мороженое, марку шашлыка и стойкий к морозу помидор. Возможно, он сам напросился на это своими приключениями с голым торсом в Сибири и Туве. Возможно, это произошло, потому что он выглядел значительно моложе и двигался быстрее, чем Брежнев и его непосредственные преемники. Страна явно нуждалась в таком человеке. В городе Ярославле недалеко от Москвы группу женщин пришлось удерживать в психиатрической клинике из-за их не поддающейся контролю страсти к человеку в белом комбинезоне (чтобы быть похожим на птицу), летящему на дельтаплане вместе с журавлями в Сибири. Со Сталиным, Хрущевым или Брежневым такого бы не произошло.

Кто когда-нибудь сменит Путина? Упоминалось с полдюжины имен. Очевидно, его преемник должен будет принадлежать к новому «дворянству». Он должен будет быть способным, но не слишком, чтобы не затмить своего предшественника. Его нужно будет считать лояльным к лидеру, который назначил его и доверил ему продолжать свою политику. Среди упомянутых, Сергей Шойгу, возможно, наиболее популярен. Он не этнический русский (но и Сталин не был

русским), и его религиозный фон буддистский, но он, как считают, является ястребом во внешней политике. Дмитрий Медведев в прошлом служил для Путина заместителем, дублером; он, как полагают, не является сильным лидером, но это обстоятельство может сыграть в его пользу, потому что его не будут подозревать или бояться. Среди других, упомянутых в этом контексте, Сергей Собянин, московский мэр. Однако если Путин должен будет отложить свою отставку на долгие годы, может появиться какой-то более молодой кандидат с большими возможностями, чем любой из вышеупомянутых.

5. СТАЛИН И ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Опрос общественного мнения, Россия, 2013 год.

Утверждение: Сталин был мудрым лидером, который привел Советский Союз к могуществу и процветанию.

Полностью согласны	14,8 %
В основном согласны	32,0 %.

Великие исторические фигуры, опрос 2012 года:

Ленин	37 %
Маркс	4 %
Петр I	37 %
Пушкин	29 %
Сталин	49 %

Спустя более шестидесяти лет после смерти Сталина, России все еще приходится разбираться с его наследием, искать консенсус относительно него. Во время Двадцатого съезда КПСС со знаменитой речью Никиты Хрущева, многие думали, что эта стадия была достигнута или будет достигнута очень скоро. Но отнюдь нет: теперь существует «Энциклопедия Сталина» (Москва, «Эксмо», 2006), которая рассказывает нам, что нет каких-либо однозначных доказательств того, что Хрущев убил Сталина, вместе с Лаврентием Берией, или в одиночку, или с почти любым членом Политбюро или его семьи кроме, возможно, Вячеслава Молотова. Бедняга, каковы бы ни были его гигантские достижения, он, кажется, был окружен врагами и предателями. Далекие от обвинений его в участии в слишком многих чистках, мы должны сожалеть о том, что «отец народа» не был слишком бдительным; о том, что он не смог уклониться от тех, кому удалось

убить его до того, как он провел большие реформы, которые он все еще планировал.

Но почему эти проблемы должны иметь значение теперь, спустя более шестидесяти лет после его смерти? Советского Союза, великим вождем которого был Сталин, больше не существует, нет и коммунистической партии, генеральным секретарем которой он был в течение очень многих лет. И все же дебаты продолжаются. Сталин, великий очиститель, сам был очищен – и реабилитирован. И процесс реабилитации продолжается, и конца ему не видно. Он продолжается, потому что этот великий вождь в решающей степени формирует характер страны, и пока эта непрерывность не сломана, дебаты обязательно будут продолжаться.

Если, возможно, не считать Гитлера, то трудно представить себе политического лидера большой страны в современные времена, который был бы менее подходящим для такой миссии. Сталин был непривлекателен; у него не было ни очарования, ни обаяния, он не был особенно умным и не отличался выдающейся дальновидностью. Большинство великих усилий, в которых он участвовал, окончились провалом, некоторые еще при его жизни, другие уже после его смерти. Те, которые удались, были обязаны своим успехом компетентности других людей. И все же этот человек был следующим образом охарактеризован в одном личном письме, которое не предназначалось для печати, и никто, кроме адресата, не должен был его прочитать:

«Москва отпраздновала 70-летие И.В. Сталина. Мне, как творцу, надлежит видеть в событиях окружающей жизни ту романтику, которую, может быть, не все ощущают. Но не надо здесь никаких романтических взглядов, чтобы сказать, что Сталин является величайшим человеком не только нашей эпохи. В истории человеческого общества мы не найдем подобных примеров величия и грандиозности личности, широты, популярности, уважения и любви. Мы должны гордиться, что являемся его современниками и пусть крохотными сотрудниками в его деятельности. Как часто мы (особенно молодежь) забываем, что одним воздухом дышит с нами, под одним с нами небом живет Сталин. Как часто у нас кричат «Дорогой любимый Сталин», а потом уходят в свои дела и пакостят на работе, в жизни, в отношениях к людям, друзьям, товарищам. Сосуществование со Сталиным требует от его современников безграничной чистоты и преданности, веры и воли, нравственного и общественного подвига. Сама жизнь Сталина является примером такого подвига во имя лучшей жизни на всей земле».

Это письмо было написано в 1949 году по случаю семидесятого дня рождения Сталина ведущим композитором популярной музыки Исааком Дунаевским. Одна

из его песен, со словами «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» много лет служила позывными Московского радио. Композитор, который написал эти строки, не мог не знать, что практически в каждой семье его знакомых кто-то был «репрессирован», если использовать эвфемизм более поздних лет, что человек, о котором он писал, был одним из величайших массовых убийц в современной истории и одним из самых великих лгунов. И все же он упомянул «безграничную чистоту» и «нравственный и общественный подвиг».

Сталинизм был проанализирован на фоне общего духа времени, большого энтузиазма, отсталости страны, наивности энтузиастов, опасностей, подстерегающих извне, и так далее. Но даже если учесть все это, как объяснить его культ после того, как правда о Сталине стала известна – в небольшой части после хрущевской оттепели; в намного больших деталях после гласности, когда безупречные свидетели, такие как историк Дмитрий Волкогонов, получили возможность исследовать Сталина и его эпоху во всех подробностях; после публикации множества биографических и автобиографических книг, наряду с романами, художественными и документальными фильмами о периоде Сталина? Почему все еще так трудно, часто невозможно, говорить правду о Сталине?

«Мемориал», историко-просветительское общество, было основано в январе 1989 года. Оно собирало исходный материал о жертвах сталинизма. По его инициативе в 1991 году был принят закон о реабилитации. Однако большая часть финансовой поддержки поступала из зарубежных стран.

В этом отношении отнюдь не было единодушия. У сталинизма были свои идеологические защитники, и было много тех, кто лично извлек пользу из сталинской политики. Первоначально поддержка Сталина исходила от твердолобых коммунистов, но всего за несколько лет к ним присоединились группы и отдельные люди – преимущественно русские националисты – кто не был среди ранних защитников Сталина. Больше того, как критики марксизма-ленинизма, они принадлежали к противникам Сталина. Но с ходом времени их мировоззрение радикально изменилось. При Сталине Советский Союз постепенно стал сверхдержавой, что было источником большой гордости для русских патриотов. С крахом СССР статус России в мире упал. Именно это и было, в конечном счете, самым важным. Марксистско-ленинская доктрина была преходящим явлением, и «от пролетарского интернационализма» быстро отказались и забыли его, но статус сверхдержавы был причиной огромной гордости, и его потеря, конечно, была трагедией в глазах русских националистов. Для них великим вызовом и миссией должно было стать возвращение такого статуса. Правда, Сталин не

был этническим русским, но он стал как бы почетным русским, который идентифицировал себя с ними и сделал все, что мог, чтобы улучшить их положение.

Лишь немногие русские националисты солидаризировались бы со всеми действиями Сталина, но они считали, что его хорошие дела, безусловно, перевешивали его провалы и ошибки. В сложившейся ситуации было бы исторически неправильно подчеркивать неудачи Сталина. Он – неотъемлемая часть российской истории. [Прим. ред. ВС: **О русском национализме читайте дипломную работу Александра Аверина [«Идеология русского национализма в современной России»](#).**]

Каковы же были великие достижения Сталина? Прежде всего, конечно, при его правлении страна очень расширилась и стала сверхдержавой. Он построил сильную, современную промышленность и сделал сельское хозяйство эффективным. Вследствие его мудрого и эффективного руководства было нанесено поражение нацистской агрессии. Благодаря его железной руке провалилось множество заговоров против Советского Союза.

Некоторые из достижений Сталина больше не упоминались, например, то, что благодаря ему, не меньше, чем Ленину, великая Октябрьская революция окончилась победой. Или что вследствие его помощи Троцкому красные победили в Гражданской войне. Большинство русских думает, что им было бы куда лучше без революции и гражданской войны.

Что можно сказать о других достижениях? Что касается расширения России, то царская Россия была в этом отношении более успешной. Царская империя включала Финляндию и большая часть Польши; Советский Союз уже нет. Большой прогресс в промышленности и сельском хозяйстве? Во время правления Сталина и много лет после него Советский Союз отставал от развитых стран. Цена в виде бед и страданий была огромна для любого достигнутого прогресса. Сталин был крайне неудачным стратегом в начале Второй мировой войны. Он проигнорировал многочисленные предупреждения о нацистском нападении, и в результате число советских солдат, убитых и взятых в плен, было гигантским. Если Советский Союз позже успешно вел войну, то это было в основном из-за того, что Сталин меньше вмешивался в дела своих маршалов и генералов.

Советский Союз победил нацистскую Германию, как Россия победила Наполеона. Но царь все еще не стал самым великим военачальником всех времен. Цена, которую пришлось заплатить за все достижения Сталина, колебалась – относительно числа людей, убитых и отправленных в Гулаг. Политическая система, которая возникла в результате этого, была жестокой диктатурой, основанной на

примитивной, лживой пропаганде и репрессиях, и еще на беспрецедентном культе лидера, часто граничащем со смешным. Сталин как самый великий гений, когда-либо родившийся, самый великий святой, да еще и как самый великий герой.

Одним примером из миллионов является статья о Сталине, комментирующая картину Федора Шурпина «Утро нашей Родины», за которую художник был награжден государственной Сталинской премией в конце 1940-х. Картина изображает Сталина ранним сияющим утром. Он идет по широким колхозным полям, а вдали видны мачты высоковольтных электропередач. На нем белый китель, а через руку переброшен плащ. Его возвышенное лицо и вся фигура освещены золотыми лучами весенней поры, и вся его фигура залита золотыми лучами солнца. Каждый вспоминает стихи, которые написал о Сталине казахский народный поэт Джамбул:

«О, Сталин, ты свет весны. Он уверенно идет к новому рассвету. Образ товарища Сталина – это торжествующий марш коммунизма, символ храбрости, символ коммунизма, символ славы советского народа, призыв к новым героическим свержениям во благо нашей великой родины, в этом изображении увековечены черты мудрого, величественного, и в то же время удивительно скромного и непритязательного человека, который является нашим любимым вождем...»

Из документов известно, что Сталин посетил деревню лишь один раз за всю свою жизнь, и это было еще до коллективизации.

Затем был еще дух и стиль времени. Именно этот стиль заставил Михаила Пришвина записать в своем дневнике, что ««Правда» – наихудший лжец, которого когда-либо знал мир». Пришвин не был политологом и даже не особо интересовался политикой. Он был автором популярных книг для детей, но он знал различие между правдой и ложью. И он знал, что «Правда» была голосом его хозяйина.

В конечном счете, дом, который построил Сталин, простоял недолго; он начал рушиться после его смерти. В его защиту иногда говорят, что это, мол, было не его провалом, а виной его неспособных и изменнических преемников. Однако эти преемники были выбраны и обучены именно им. С какой бы точки зрения ни смотреть на это, Сталин не может избежать ответственности.

После распада Советского Союза возобновление культа Сталина началось всерьез со статей и книг Юрия Жукова в «Комсомольской правде» и Вадима Кожинова в «Нашем современнике» и «Молодой гвардии», журналах «русской пар-

тии», которая пользовалась определенной свободой даже в 1980-х годах, хотя Юрий Андропов на посту главы КГБ неодобрительно смотрел на их взгляды.

Согласно Кожинуву, Сталин в действительности был русским националистом, даже при том, что сам он считал себя преданным марксистом-ленинцем. Однако в то же самое время сталинизм не был специфически русским феноменом, «влиятельные глобальные силы превратили Сталина во всемогущего лидера». Другими словами, иностранцы были ответственны за культ. Часть русских правых пошла дальше: цель Сталина, по их мнению, состояла в том, чтобы очистить партию от «интернационалистов», и это было всем на пользу. И, наконец, были сторонники антисемитского объяснения. Согласно им, Сталин был просто марионеткой в руках Троцких и Кагановичей.

На протяжении 1990-х защита Сталина продолжалась, хотя и в более сдержанных тонах, но с начала двадцать первого века она набрала обороты. Новый хозяин в Кремле считал, что «демонизация Сталина» зашла слишком далеко. Статуи Сталина снова были установлены в различных городах. С некоторыми исключениями книги о периоде репрессий перестали переиздавать. Главным исключением был Солженицын, добросовестность которого как русского националиста едва ли могла быть подвергнута сомнению. Во время одного интервью Путин спросил: «Чем особенно так отличается Кромвель от Сталина? Можете мне сказать? Да ничем...» Но Путин должен был бы знать, что определенные различия были. Правда, то, что Кромвель сделал в Ирландии, некоторые историки определяли как геноцид.

Но это, все же, произошло на несколько веков раньше, в эпоху, когда гуманитарные стандарты отличались от стандартов двадцатого столетия. И даже если игнорировать жизни и права людей, оставался маленький вопрос лояльности, тот самый, главным сторонником которого Путин, как сообщается, всегда был, например, лояльности по отношению к коллегам. Было общественное обсуждение, нужно ли вернуть строки из старого советского гимна с восхвалением Сталина на станции метро «Курская» в Москве. В то же самое время опросы общественного мнения показывали, что почти половина населения положительно отзывалась о Сталине и его политике.

Правда, в одном или двух случаях Путин говорил, что Сталин (и вся его эра) был спорным, что не все его дела были замечательны. В конце концов, ведь это Сталин отдавал приказы, приведшие к казни двадцати тысяч коллег Путина из НКВД/КГБ, знаменитого щита и меча. Неужели это не имело никакого значения? И Медведев продолжал упоминать тоталитаризм и закрытое общество, подразумевая, что, по крайней мере, часть политики того времени больше не была же-

лательна. Но, в общем и целом, возникало впечатление, что с каждым годом «анти-антисталинизм» становился все громче, все более явным, и все более официальным. На конференции учителей истории в июне 2007 года Путин объявил о подготовке учебника, который, согласно сообщениям, должен был представить Сталина как жестокого, но успешного лидера, действовавшего рационально; террор был инструментом развития, и цель состояла в том, чтобы привить молодым людям чувство гордости за их родину.

Немного позже, в июле 2009 года, министерство образования объявило, что «Архипелаг Гулаг» Солженицына станет обязательным чтением для российских учеников средней школы. Однако учителям предоставили свободу самим выбирать из списка приблизительно сорока книг, касающихся периода Сталина.

Согласно множеству опросов, усиливалось мнение, что дебаты о Сталине и его исторической роли представляли интерес, главным образом, для интеллектуалов и историков, не для общественности в целом. Но если говорить о публикациях, то имело место ясное преобладание анти-антисталинской школы мышления. Что касалось правительства, то его главным намерением было способствовать чувству гордости за страну, и по этой причине односторонняя антисталинская линия была неподходящей.

Создалось впечатление, что во время периода Путина имел место устойчивый процесс ресталинизации. Целый поток книг утверждал, что сталинские чистки и многие из его так называемых эксцессов были оправданы, что большинство политических фигур того времени предали Сталина, и что если бы не энергичные, решительные действия Сталина прямо перед Второй мировой войной и во время войны, Советский Союз потерпел бы поражение.

Некоторые утверждали, что так называемые чистки (массовые аресты и казни) на самом деле были спровоцированы и проведены не Сталиным, а его врагами. Антисемиты среди этих авторов утверждали, что это была работа евреев. Как только евреи были удалены из НКВД/КГБ, чистки прекратились.

Сталин был параноиком, его паранойя была заразной, и цель этой новой литературы состояла в том, чтобы показать, что его фантазии были оправданы. Он был убежден, что окружавшие его люди в Политбюро и в аппарате госбезопасности были, в лучшем случае, бесхитростными, доверчивыми, и наивными, не сознававшими того, что мир был полон врагов, и что без такого лидера как он, страна будет потеряна. Он был незаменим. Эта паранойя достигла своего предела в один или два последних года его жизни с «Делом врачей», когда он утверждал, что врачи, лечившие ведущих политических деятелей и генералов,

систематически пытались убивать своих пациентов; якобы никто в Кремле, начиная с Андрея Жданова и Александра Щербакова, не умер от естественных причин. Большинство врачей, как оказалось, были евреями, и Сталин, очевидно, планировал арестовать всех или большинство евреев в России и выслать их в какие-то отдаленные места в Советском Союзе.

Общая тенденция этой новой волны в апологетической литературе состояла в том, чтобы оправдывать все, что делал Сталин. Некоторые из авторов были профессиональными спорщиками, которые всегда и на все говорили «нет», кто сомневался или выступал против чего-либо, что было заявлено другими. Другие, профессиональные или полупрофессиональные историки, пытались представить более сложные теории для оправдания сталинских массовых убийств.

Была большая разница в том, были ли эти книги частными фантазиями сенсационных авторов, намеревающихся шокировать своих читателей, были ли эти писатели фальсификаторами или выдумщиками, или теми, кто был действительно убежден, что их фантазии были правильными, или они были истинными сторонниками Сталина, стремившимися сделать свои фантазии официальной линией партии на будущие годы.

Все эти различные мотивы можно было найти среди апологетов Сталина. Неудивительно, что такие апологеты должны были существовать; на протяжении всей истории самые неправдоподобные, самые маловероятные заявления и теории находили своих сторонников. И чем более эмоциональными или политическими были мотивы, тем больше было искушение плыть против течения.

Решающая проблема была в том, примут ли власти эти «открытия» как основу для новой линии партии, но никакого ясного ответа не было – власти дали понять, чему они симпатизируют, но они все еще не могли заставить себя санкционировать сталинистскую версию.

Со временем важность проблемы Сталина должна будет уменьшиться. Даже теперь эта тема не имеет большого значения для молодого поколения. Однако она остается поводом для беспокойства, поскольку Сталин – действительно часть истории России, и если ее правители считают, что правду об этой части истории их страны не следует показывать, потому что это окажет неблагоприятное воздействие на патриотическое воспитание – если, другими словами, гордость отвергает правду – это вызывает тревожные вопросы о характере такого общества. История всех стран, особенно их истоков, покрыта мифами, но есть различие между вопросом о том, существовали ли когда-то на самом деле Ромул и Рем, и сознательным решением покрывать преступления очень злого диктатора

и общества, которое он создал. Что можно сделать из людей, которые считают невозможным увидеть различие между правдой и неправдой, между монстром и святым?

Падение империи

Сталинизм – лишь один из вопросов, мучительно досаждающих появлению новой доктрины российского общества. Он поднимает вопрос о правдивости в истории вообще, и о том, на какой вид наследия новая Россия хотела бы делать акцент и опираться. Другой широко обсуждаемой темой была Византия, в особенности, причины падения этой империи.

Не сразу можно понять, почему этот вопрос должен иметь такое значение. Согласно евразийской националистической школе, византийское наследие оказало на Россию намного меньшее воздействие, чем монголы и татары. Однако империи не существуют вечно, поэтому интересным становится анализ как того, почему Византия продержалась так долго, так и того, что привело к ее крушению.

В январе 2008 года главный российский телеканал показал документальный фильм под названием «Гибель Империи», автором которого был архимандрит Тихон (Шевкунов). Родившийся в Москве в 1958 году, Тихон служит в качестве настоятеля Сретенского монастыря, православной религиозной семинарии в Москве. Он, как поговаривали, являлся также духовным советником Путина, но когда в интервью ему задавали вопросы относительно этого, он всегда отказывался на них отвечать.

Отец Тихон первоначально учился на режиссера и окончил ВГИК – главный советский институт в области кинематографии. Что касается обстоятельств того, как и почему он пришел к православной вере и стал монахом, то он рассказывает в автобиографии, что входил в группу студентов, которые были недовольны интеллектуальной бедностью и недостаточной привлекательностью коммунистической идеологии и участвовали в спиритуалистических экспериментах с доской для спиритических сеансов. Группа, к которой он принадлежал, попыталась на одном из сеансов пообщаться с Николаем Гоголем, знаменитым русским писателем. Гоголь (или его призрак) должным образом появился, сердито выбранил студентов, и сказал, чтобы они приняли яд, как только это будет возможно. Напуганные студенты на следующий день пошли посоветоваться со священником, который сказал им, что они, очевидно, стали жертвами каких-то

обманщиков – а если они действительно интересуются религией, то они должны изучать ее серьезно. Тихон так и сделал, с похвальными результатами.

Документальный фильм начинается с оды Византии. Она простиралась от Гибралтара до Евфрата и просуществовала дольше, чем любая другая империя. Ее законодательство было монументально; ее техника и архитектура были непревзойденными; ее финансовая система была превосходна. Богатство ее столицы было бесчисленным, и ее красота и элегантность поражали европейских варваров, которым случалось посетить ее. Все это происходило в то время, когда грубые, невежественные и примитивные скандинавы, англичане, французы и немцы занимались только одним – разбоями и кражами. На базе расхищения и грабежа сокровищ Константинополя начали возникать европейские банки, и была создана чудовищная современная система ростовщичества – знаменитая капиталистическая система с ее неизбежной жаждой к прибыли. Первый существенный еврейский капитал был результатом спекуляций византийскими реликвиями. Варварский Запад стал цивилизованным Западом только после того, как захватил, разграбил, уничтожил и поглотил Византийскую империю.

Но это было только началом. Византия отдала контроль над своей торговлей и финансами своим иностранным «друзьям» с Запада. Запад после этого соблазнил Византию, чтобы та присоединилась ко всем видам западных объединенных торговых организаций. Византийский капитал утекал на Запад, и византийские купцы стали банкротами или зависимыми от Запада. К тому времени, когда империя поняла, что происходило, было уже слишком поздно что-либо делать.

Шестьдесят лет спустя Византия попыталась вернуть свою потерянную славу, но тщетно. Император, который стремился восстановить державу (Андроник), был жестоко убит, и Византия стала «империей зла». С ходом времени это понятие непрерывно вытаскивалось для использования из западных идеологических арсеналов. Злые контакты с Западом принесли Византии олигархов и коррупцию. Культурные контакты породили западную «пятую колонну». Молодые люди уезжали учиться за границу, с предсказуемыми последствиями.

Все это разворачивалось в начале эпохи, которую историки называют Ренессансом, и которую автор фильма расценивает как абсолютное зло. Первой, кто поддался этим иностранным влияниям, была интеллигенция, «всемирное создание националистического, эллинского, греческого, языческого идеала». Так история продолжается до самого горького конца: «Элита пожертвовала более высокими идеалами ради практических преимуществ. Душа в великой нации погибла. Она дала миру грандиозные примеры полета духа, но теперь в этой стране царили необузданный цинизм и раздоры».

Описывая заключительную предсмертную агонию Византии, рассказчик делает такой вывод: «Мстительная ненависть Запада к Византии и ее наследникам продолжается по сей день. Не понимая этот шокирующий, но несомненный факт, мы рискуем не понять не только историю тех давно прошедших дней, но также и историю двадцатого и даже двадцать первого века».

Этот документальный фильм неоднократно показывали на Первом канале российского телевидения, и его широко обсуждали на протяжении около трех месяцев. Оценка большинства, но отнюдь не всех, историков была отрицательной; обе стороны согласились с тем, что на самом деле этот документальный фильм был о современной России, а не о Византии. Мнения политических и литературных критиков также разделились; большинство не согласилось с выводами отца Тихона.

Показ документального фильма этого рода на главном телеканале России показывает, что значительная часть российского общественного мнения действительно верила не только в то, что Запад был глубоко враждебен России и всему, за что она выступает, но и в то, что такая враждебность была укоренена настолько глубоко, что, что бы Россия ни делала, это никак не смогло бы повлиять на эту позицию Запада. Поэтому целью Запада обязательно должно быть разрушение России, и он только и ждет возможности, чтобы покончить с вечным врагом. А если это так, то разве обязанностью лидеров России не было заботиться о том, чтобы такая ситуация никогда не могла возникнуть?

Создание документального фильма об истории режиссером-монахом, какими бы хорошими связями он ни располагал, не было единственным признаком преобладающего настроения. Подобные усилия были на различных уровнях утонченности. Другим достойным упоминания произведением стал роман-бестселлер Михаила Юрьева «Третья империя».

Это большая книга в жанре фэнтези (620 страниц), написанная ведущим бизнесменом, который был также членом Думы. В ней рассказывается о посещении России неким молодым бразильским социологом когда-то в не очень далеком будущем. К тому времени Россия поглотила Европу, Китай, и почти всю остальную часть мира. После того, как было выяснено, что американские войска спецназначения были виновны во всех террористических актах в России, Кремль принял ответные меры в Чикаго и Огайо; было две тысячи пятьсот жертв в Чикаго, еще больше в Огайо.

Но и это еще не все. После нескольких предупреждений Россия направила несколько ядерных ракет на Неваду, Юту, и пустыни Нью-Мексико; по причинам

гуманности были выбраны эти малонаселенные районы. Америка должна была заплатить один триллион долларов компенсации за то, чтобы удержать Аляску. Еще раньше, в 2014 году, Россия вышла из всех международных организаций и отказалась от всех обязательств по международным соглашениям. В составе России прекратила существование Украина, поскольку украинцы все стали русскими. Парламент был отменен, потому что он больше не был нужен. Страной управлял император.

Можно было бы утверждать, что фантазии такого рода не стоят серьезного обсуждения. Документальный фильм отца Тихона, например, не был одобрен Московским патриархом, и другие высокопоставленные церковные деятели объявили, что взгляды Тихона не выражали мнения православной церкви. В последние годы в среде высших церковных сановников все время происходили какие-то странные события. Один из них, Вячеслав Полосин, который был главой комитета Думы, отвечающего за религиозные вопросы, перешел в ислам и с тех пор посвятил большую часть своей энергии доказательству того, что Ротшильды и Джордж Сорос спровоцировали Арабскую весну, которая на его взгляд была весьма отрицательным явлением. Другой видный церковник публично утверждал, что в церковном руководстве есть очень сильное лобби, пытающееся предотвратить принятие направленных против геев законов. (Если это правда, то это лобби было весьма неэффективно.)

Учитывая тревожные сценарии, вызванные в воображении в «Третьей империи», можно было бы ожидать, что ее автор построит глубокое подземное убежище в своем доме, далеко от центра Москвы или удалится на какой-то из островов Южных морей. Вместо этого Юрьев переехал в Соединенные Штаты, утверждая, что деловые возможности там лучше. Конечно, это могло быть и так, но это вызывает вопросы относительно здравомыслия авторов и издателей в российской столице, так же, как и относительно искренности и глубины их патриотизма. Зачем же тогда воспринимать всерьез телевизионный документальный фильм, снятый простым архимандритом – не очень высшее звание в церковной иерархии? В конце концов, господин Путин известен своим прагматизмом; ни на его, ни на его коллег в их политических решениях не повлияли бы какие-то утопические или антиутопические фантазии.

Такие аргументы, возможно, казались убедительными в 2008 и 2007 года, когда две рассматриваемые работы были впервые предложены общественности. К сожалению, со временем приходится чувствовать себя несколько менее уверенным в этом отношении.

6. ДЕМОГРАФИЯ

Любая дискуссия, любое предположение о будущем России должны начинаться с акцентирования внимания на демографии. И пока неизвестно, пусть даже очень приблизительно, сколько людей будет жить на данной территории через десять, тридцать, или пятьдесят лет, такая дискуссия будет бессмысленной, или же она приведет не к одному выводу, а к нескольким.

Считается, что в восемнадцатом столетии, после смерти Петра I, приблизительно пять – шесть миллионов человек жили в том, что тогда было Россией. В 1897 году была проведена первая и единственная перепись (официальное название – «Первая всеобщая перепись населения Российской империи»); она потребовала годы подготовки, была, бесспорно, тщательной и полной, и пришла к заключению, что количество людей, живущих тогда в Российской империи, составляло 125 миллионов (16 миллионов в городах, остальные в сельской местности).

Согласно российским националистам самых разнообразных направлений, в сегодняшней России жило бы шестьсот миллионов человек, если бы после 1897 года Россию не постиг ряд огромных бедствий – Первая и Вторая мировые войны, Гражданская война 1918-1920 годов, и коммунистическое правление (включая голод, последовавший за политикой принудительной коллективизации, сталинские массовые убийства и Гулаг), оказавших большое негативное влияние на прирост населения. Фактическая численность населения сегодня, как они утверждают, составляет лишь 142 миллиона.

Но одни только бедствия не могут быть виновны в этом снижении. Подумайте, например, о падении рождаемости и уменьшении численности населения в 1990-х, период, который не испытал войн, гражданских войн, массовых чисток или сильных социальных переворотов.

Так как наша задача в рамках данной книги состоит в том, чтобы сосредоточиться на будущем страны, не на ее прошлом, следует спросить, не угрожает ли в дополнение к общему снижению населения также и низкая плотность населения страны – в России она составляет лишь жалкие 8,6 человек на квадратный километр – поразительный контраст по отношению к 112 в Европейском союзе, и 246 в Соединенном Королевстве – способности России удержать ее нынешнюю территорию, уже не говоря о том, чтобы вернуть территории, которые были потеряны после распада Советского Союза. Можно было бы утверждать, что климатические условия в северной России, Сибири и на Дальнем Востоке таковы, что ее плотность населения никогда не будет подобна плотности насе-

ления в Европе. С другой стороны, глобальное потепление и технологическое развитие могут вызвать совершенно непредвиденные изменения в приросте населения.

Современные прогнозы, сделанные иностранными комментаторами, значительно варьируются; в то время как все соглашаются с тем, что после 1990-х последовало улучшение, ни один из них не выражает особенного оптимизма относительно будущего. Согласно последним российским расчетам, население страны, без учета иммиграции, будет снижаться почти на 20 процентов с каждым поколением. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России сейчас составляет для мужчин шестьдесят пять лет; для женщин семьдесят шесть лет. Сравните это с семьюдесятью семью годами для мужчин и восьмьюдесятью двумя годами для женщин в Германии. Существует консенсус, что алкоголизм является единственным наиболее важным фактором, виновным в этой намного более короткой продолжительности жизни у мужчин. При Горбачеве прилагались большие усилия для борьбы с алкоголизмом, но это не имело никакого длительного эффекта. Комментаторы отмечали, что у Швеции была подобная проблема с алкоголизмом, но она справилась с ней с помощью действий гражданского общества. Почему? Потому что у шведов было социальное государство, служащее населению, национальное государство, которое определяло самого себя с точки зрения отдельного человека и его прав, и правовое государство, которое было в состоянии регулировать жизнь с помощью законов. Россия была несовершенной во всех этих трех отношениях.

Прогнозы Отдела народонаселения ООН предполагают, что сокращение численности населения в России продолжится. Количество российских женщин, достигающих возраста двадцати лет, резко уменьшится за следующее десятилетие, это результат катастрофического падения рождаемости в 1990-х годах. И коэффициент воспроизводства сегодня в России, всего 1,7 процента, чрезвычайно низок.

У этих отрицательных чисел будут непосредственные политические последствия. Российские вооруженные силы столкнутся с нехваткой новобранцев, особенно этнических русских. И Россия может испытать серьезное снижение числа выпускников высших учебных заведений. В 1990-х Россия по этому показателю все еще составляла приблизительно 9 процентов от всего мира, но это число, согласно прогнозам, упадет до 3 процентов к 2030 году. То, что финансирование, выделяемое из бюджета на образование, тоже уменьшилось за последние годы, вероятно, способствует этой тенденции.

Другое умеренно пессимистическое представление пришло к выводу, что политика Путина по стимулированию рождаемости (поощряющая российских женщин детородного возраста рожать больше детей) частично могла привести к не большому увеличению коэффициента рождаемости и населения в России. Однако остается верным то, что к 2040 году число россиян в возрасте от двадцати до двадцати девяти лет будет составлять лишь половину от их нынешней численности. И если упадок России и кажется в долгосрочной перспективе неизбежным, он может занять больше времени, чем часто предполагается.

Вопрос, который обсуждался в течение некоторого времени, состоит в том, может ли политика стимулирования рождаемости кардинальным образом переломить тенденцию к уменьшению численности населения, в особенности в России. Исторические свидетельства неясны: политику поощрения рождаемости пробовали проводить в России в 1930-х годах (когда было внезапное и существенное падение рождаемости), и снова при Сталине после войны, ее пробовали осуществлять в нацистской Германии, но также и позже во многих европейских странах особенно в Скандинавии, после исследований и инициативы Гуннара и Альвы Мюрдаль.

Такая политика может принять различные формы, такие, как затруднение абортов. В нацистской Германии в 1944 году аборт стал считаться серьезным преступлением. Раньше в 1941 году было остановлено производство презервативов. Положительные меры были более частыми, такие как продление отпуска по уходу за ребенком и материальные стимулы. Нацистский пример снова был самым радикальным, но больше в теории, чем на практике. Гитлер и другие нацистские вожди считали, что место женщины было дома, что она должна рожать детей и ухаживать за ними. Но нацистская экономическая политика, особенно перевооружение и острые военные потребности, забрала миллионы женщин из дома, чтобы они работали – главным образом, в промышленности. Тот факт, что женщины получали почетные знаки отличия («Материнский крест», начиная с рождения третьего ребенка), если и оказывал какое-то воздействие, то очень маленькое, а финансовые вознаграждения были крохотными.

Изучая российский опыт посредством исследований в 2013 году, Серафима Чиркова сделала вывод, что в краткосрочной перспективе изменения в российской семейной политике оказали существенное положительное влияние на рождение второго ребенка: вероятность того, что семья заведет второго ребенка, возросла в среднем на 2,2 процента. В соответствии с семейными стратегическими реформами 2007 года было введено понятие «материнского капитала». Было минимальное пособие в размере 40 евро за первого ребенка и 85 евро за второго ребенка. Опыт Скандинавии был похожим; в скандинавских странах

также были созданы условия для того, чтобы сохранять для женщины место работы после беременности в течение определенного продолжительного времени – до трех лет. В России декретный отпуск состоит из двадцати недель, обычно десяти недель во время беременности и рождения и десяти недель после рождения.

Однако эти выводы применимы в настоящее время только для краткосрочной перспективы – и к вероятности наличия второго ребенка. Тогда как в России необходим более высокий коэффициент рождаемости, чтобы предотвратить уменьшение населения. Другими словами, политика поощрения рождаемости может замедлить процесс депопуляции, но не может решительно изменить нынешнюю тенденцию на обратную.

Если сокращение населения России не было более широкомасштабным, то это – результат иммиграции, и это, вероятно, будет верно и в будущем. Большая часть истории иммиграции в Россию относится к восемнадцатому веку, когда императрица Екатерина II (сама немецкая принцесса, родившаяся в Штеттине) пригласила немецких поселенцев, главным образом, из юго-западной Германии, переселяться в Россию; большинство из них стали потом известны как немцы Поволжья. Первое учреждение, занимавшееся мигрантами из Центральной Европы, было создано в 1763 году, вероятно, оно было первым в своем роде в мире.

Иммигранты последних лет приезжают из среднеазиатских республик, когда-то являвшихся частью Советского Союза, и с Кавказа. Их точное число неизвестно, хотя они обеспечивают около 8 процентов российского ВВП. Согласно Всемирному банку, приблизительно двенадцать миллионов иностранных рабочих заняты в России, и только приблизительно один миллион из них работает законно. Если бы Россия решила выслать многих из них, и, по крайней мере, частично закрыла для них свои ворота в будущем, то это стало бы сокрушительным ударом по российской экономике и принесло бы значительный вред демографической структуре. **[Прим. ред. ВС: Очень сомнительное утверждение! Скорее наоборот: избавление от миллионов иностранных рабочих из Средней Азии без профессионального образования, к тому же не платящих налоги, может стимулировать российскую экономику. А переселение мигрантов со своими семьями в будущем может создать дополнительные трудности в сфере образования и здравоохранения, а также в других сферах.]** Поэтому Путин выступил против шагов, нацеленных на радикальное сокращение их количества.

Однако присутствие столь многих миллионов таких мигрантов вызвало трения в стране, которой, как и многим другим, не свойственно принимать иностранцев с

распростертыми объятьями. «Россия для русских» – это лозунг, который скандируют тысячи москвичей, и это, несмотря на экономические потребности, тоже является политикой правительства.

Путин касался темы «законопослушных мигрантов с желательными характеристиками» во многих статьях и речах – и все они были в поддержку их ассимиляции в России. Как он видит это, мультикультурный проект, отвергающий идею интеграции через ассимиляцию, потерпел неудачу. Мультикультурализм привел к формированию закрытых национальных и религиозных общин, которые не только отказываются ассимилировать, но и даже не пытаются приспособливаться. Он выражал удивление тем, что районы и целые города в западном мире, где поколения иммигрантов живут за счет социальной помощи от государства, даже не говорят на языке страны, где они живут: «Может быть только один результат у такой общественной модели – ксенофобия со стороны местного населения, которое по понятным причинам стремится защитить свои интересы, рабочие места и социальные пособия от иностранных конкурентов».

Путин говорил, что историческая Россия не была ни этническим государством, ни американским плавильным тиглем, где все, в той или иной степени, были иммигрантами. Россия веками развивалась как многоэтническое государство, в котором было взаимное приспособление, взаимопонимание и объединение людей через семью, дружбу и работу, с сотнями этносов, сосуществующих на одной и той же земле. Ядром, соединяющей тканью для российского будущего, был русский народ, и русская культура, которая объединяла его. Существовало русское культурное доминирование, исходившее не только от этнических русских, но и от всех носителей этой идентичности, независимо от национальности. Это был культурный кодекс, который нужно питать, усиливать и защищать – главным образом, через образование. Путин также упомянул американский (западный) культурный канон, сотню книг, которые должны быть прочитаны каждым обладающим чувством собственного достоинства студентом, и предложил подобный проект для России:

«Мы нуждаемся в стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме. Каждый человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере, о своей этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином великой страны – России. Единство в многообразии – залог силы и успеха, мощи нашего государства, его авторитета на международной арене. Никто не имеет права ставить этнические и религиозные соображения выше законов государства».

Такова была в самом голом виде схема видения Путиным интеграции, на которой должно базироваться будущее России; сильные государственные институты являются предпосылкой для достижения этой цели. Это, как отметили комментаторы, призыв не только к господству русской культуры, но и к патриотизму и сильному государству. В то же самое время были предостережения против шовинизма и других перегибов.

Наблюдения Путина о недостатках и трудностях мультикультурализма едва ли можно отрицать; успехи антииммигрантских движений в Соединенном Королевстве, Франции и других европейских странах в последние годы дают явные доказательства его слов. И при этом не может быть никаких сомнений относительно величия русской культуры. Трудности возникают, как только вы переместитесь из сферы того, что могло бы быть желательным, к реальности. При всем уважении и симпатии к русской культуре этнические и религиозные группы могут предпочесть свои собственные традиции, обычаи, культуру и образ жизни. Другими словами, они могут принять ассимиляцию только до определенного момента. Они могут предпочесть некое содружество, свободный союз государств, существованию одного сильного государства, которое представляет себе Путин. Путин взывает к гордости, но не все, что произошло в российской истории, может в одинаковой степени внушить гордость этническим русским и россиянам другого этнического происхождения. Более чем семидесятилетний опыт Советского Союза не был положительным. В тот самый момент, когда сильное государство исчезло, Советский Союз распался. Можно бесконечно обсуждать, было ли это хорошо или плохо, жизнеспособны ли все независимые государства, которые появились после распада СССР, или нет. Короче говоря, определенные интересы и амбиции должны будут быть отвергнуты другими; одни должны доминировать над другими, должно будет быть принуждение. И вопрос состоит в том, насколько это совместимо с демократическими нормами. Это проявляется, возможно, наиболее ясно, если рассмотреть статус и амбиции мусульманских меньшинств в России, чем мы сейчас и займемся.

Российский ислам

Ислам – «судьба России» – так предсказывал Алексей Малашенко, один из ведущих российских экспертов в этой области. Его заявление привлекло к себе внимание в то время, когда продолжалась вооруженная борьба на Кавказе. Борьба там все еще продолжается в некоторых местах, и она, вероятно, не прекратится полностью в обозримом будущем. Но российский ислам остается проблемой огромной важности.

Встреча русских с исламом произошла много веков назад; в определенных частях страны она даже предшествует встрече с христианством. В течение долгого времени большая часть России была под татарской властью. Но, несмотря на такое сосуществование, мусульмане в значительной степени расценивались в России как иностранцы. Татары за эти годы стали знакомыми. Они, в конце концов, в качестве дворников и управдомов заботились о многих зданиях в Москве. И кто не был бы очарован Аидой Гарифулиной (уроженкой Казани), как ее внешностью, так и ее голосом. Поколением ранее азербайджанец Муслим Магомаев (1942-2008) был одним из самых популярных теноров в Советском Союзе и России.

Мусульмане на Среднем Поволжье, в Казани и ее окрестностях были ярким примером мирного сосуществования. И при этом это вовсе не был депрессивный регион. Средний доход, особенно от отраслей промышленности, связанных с нефтью и газом, давал уровень жизни выше, чем во многих других частях России, кроме самой Москвы. Однако отношение русских к мусульманам из других частей страны, особенно с Кавказа, оставалось отрицательным.

Что касается международных отношений, то мусульманские страны перестали быть очень интересными для России после распада Османской империи. Мусульманские страны (Турция, Иран, арабский мир) не считались большой угрозой, но также и не очень высоко ценились как потенциальные союзники против Запада. Опыт прошлого после Второй мировой войны с точки зрения Москвы не был воодушевляющим. Существовал пантюркизм, и иранцы тоже попытались укрепиться в Средней Азии, но они не достигли успехов – и поэтому не считались особенно опасными. Это несколько изменилось, когда службы госбезопасности России узнали об активной деятельности радикальных проповедников (обычно называемых в России ваххабитами) из арабского мира. Они были активны, прежде всего, в Средней Азии и были причиной роста экстремистской (и террористической) активности в мусульманских сообществах. Но такая информация вряд ли доходила до широкой общественности. Несколько большее воздействие оказала определенная литература, подчеркивающая растущую важность ислама в Европе и в России в результате демографического роста общин мусульман-иммигрантов. Один популярный роман Елены Чудиновой, «Мечеть Парижской богородицы», описывает Францию после ее захвата мусульманами; он начинается с публичного побивания камнями у Триумфальной арки. В области научной литературы должно быть упомянуто такое исследование как «Исламизация России», авторы Голубчиков и Мнацаканян, 2005 год. Оно заканчивается четырьмя возможными сценариями, и ни один из них не внушает особого оптимизма.

В России есть приблизительно двадцать миллионов мусульман. Точного числа нет из-за присутствия в России миллионов «иностраных рабочих», большинство из которых нелегальные мигранты, из среднеазиатских республик. Мусульманские сообщества в России сконцентрированы в трех регионах – Кавказ, Москва, и Среднее Поволжье. Среднеазиатские республики были всецело мусульманскими, но они отошли от России, когда Советский Союз распался.

Завоевание Кавказа заняло много лет и вдохновило два поколения русских писателей, от Александра Пушкина и Михаила Лермонтова до Льва Толстого. Лермонтов однажды назвал своего коллегу-офицера горцем, в чем тот увидел оскорбление. Это привело к дуэли, на которой Лермонтов был убит. Александра Грибоедова, одного из ведущих российских писателей того времени и дипломата, отправили в миссию в Персию; он был убит толпой фанатиков в Тегеране. Славянофилы, такие как Алексей Хомяков, иногда писали об исламе, но на самом деле они мало о нем знали, и большая часть их работ основывалась лишь на предположениях. Академические учреждения для исследования ислама, сосредоточенные в Казани, возникли в конце девятнадцатого века.

Сопrotивление против российского правления продолжалось в местном масштабе, но оно было подавлено центральными властями без больших трудностей. Примеры включают Среднеазиатское восстание 1916 года, когда примерно треть киргизов сбежали в Китай, и борьбу с басмачами после прихода большевиков к власти, продолжавшуюся почти семь лет. У западных наблюдателей в 1930-х годах было широко распространено впечатление, что советскому правительству, безотносительно его других недостатков, удалось решить то, что тогда было известно как «национальный вопрос». Это, как оказалось, было ошибкой; среднеазиатские и кавказские республики выбрали независимость, когда Советский Союз распался. Они все отделились, даже при том, что некоторые из них оставались в различных отношениях зависимыми от России. Что касается меньших автономных республик в пределах самой России, то они также предпочли бы независимость, но были слишком маленькими и бедными, чтобы существовать как жизнеспособные государства. Чечня была покорена во время двух длительных войн, и ненадежный «модус вивенди» (временное соглашение) был достигнут в Дагестане.

В Чечне клан Кадырова остался у власти, но шариат заменял российские законы, и эта небольшая страна стала одним из самых репрессивных регионов в мире. Российское правительство было готово принять это, так же, как и массовое бегство большей части русского населения и широкомасштабную исламизацию, лишь бы только Чечня признала российское господство. Ситуация в Дагестане была похожей, за исключением того, что там она не переросла в полномас-

штабную войну. Насилие стало постоянной местной чертой, хотя и на более низком уровне. Несмотря на исламизацию, правящие кланы в обеих республиках оставались «предателями» в глазах оппозиции. Однако воинственная оппозиция была побеждена и больше не имела возможности осуществлять большие военные или террористические операции. В 2009 году Кремль объявил, что контртеррористические операции крупного масштаба в Чечне закончились; пять лет спустя Москва создала новое министерство по делам Северного Кавказа.

Еще неизвестно, можно ли доверять тем, кто представляет интересы Москвы в Чечне и Дагестане. Их желание большей свободы действия, если не полной независимости, не уменьшилось. Как бы то ни было, пока центральное правительство сильно, их возможности добиться больших уступок от Москвы невелики. Но если хватка центрального правительства ослабнет, то их лояльность не может считаться гарантированной. Даже в настоящее время есть сообщения о контактах между местными пророссийскими властями в Дагестане (и в меньшей степени в Чечне) и более радикальной оппозицией. Человек Москвы в Дагестане – Рамазан Абдулатипов, который следовал очень твердой агрессивной линии с некоторым успехом. Но даже при этом от пятидесяти до шестидесяти человек ежемесячно гибнут в террористических инцидентах.

Невозможно сказать, будет ли он успешен в долгосрочной перспективе. Как обычно в таких условиях, многое зависит от наличия или отсутствия нескольких способных и лояльных лидеров и от готовности Кремля оказать Дагестану существенную финансовую поддержку. Но во время экономического застоя существует значительное сопротивление выделению такой помощи, поскольку это будет означать сокращения других частей российского бюджета.

Насколько сильно влияние исламистов – радикальных мусульман, выступающих за отделение, и, если потребуется, готовых к борьбе с применением насилия? Согласно определенной информации, на Кавказе оно намного сильнее, чем в других местах концентрации мусульман. Но даже там имеющиеся данные различаются настолько сильно, что кажутся бессмысленными. Диапазон их простирается от утверждений, что никаких радикалов вообще нет, до заявлений, что все там являются радикалами. Согласно некоторым выборам в Дагестане, коммунисты оказались лидирующей партией. Если это правильно, то это, вероятно, в меньшей степени связано с политическими/идеологическими вопросами, чем с личностью конкретного кандидата, баллотирующегося на выборах (который, вероятно, принадлежал к влиятельному клану и выбрал эту партию как платформу, которая даст ему больше свободы действия).

Самой сильной мусульманской тенденцией на Кавказе в течение долгого времени был суфизм, и во многих регионах это все еще сохраняется. Радикальные миссии выполнялись движением салафитов, а не какой-нибудь политической или религиозной партией и Хизб-ут-Тахрир (больше в Средней Азии, чем на Кавказе). Это организация, основанная в арабском Иерусалиме в 1953 году, активно действует в некоторых частях мира, таких как Соединенное Королевство, но едва существует в других. Они требуют отмены современных границ между мусульманскими государствами и создания единого государства – халифата. Однако, в общем, значительная часть радикальной деятельности, кажется, зависит от характера и действий местных кланов.

Религиозно-политическое пробуждение ислама (и радикального ислама) совпало с ростом радикальных националистических настроений среди русского населения. Это, само собой разумеется, обязательно должно было вызвать напряженность. Эта напряженность была связана с большим притоком мусульманских рабочих, главным образом, из Средней Азии и Кавказа в российские города.

Им не предоставляется нормальное жилье, и они не получают никакой социальной помощи. В их распоряжении лишь несколько мечетей; недовольство против них таково, что нынешний мэр Москвы объявил, что в его городе не будет больше мечетей. Однако, когда они молятся на улицах, их обвиняют в нарушении общественного порядка и создании помех для общественного транспорта. Одновременно это влияет на безопасность на улицах, и удивительно, что не было больших беспорядков. Сложилась парадоксальная ситуация, чрезвычайно нежелательная в глазах правительства.

В то время как службы безопасности беспокоились из-за подрывных сепаратистских действий среди мигрантов, а местная полиция из-за поддержания законности и правопорядка, министерство иностранных дел было озабочено отрицательным впечатлением, сложившемся в мусульманском мире из-за антимусульманских настроений (и действий) в российских городах. По инициативе тогдашнего российского министра иностранных дел Евгения Примакова (ученого-арабиста по специальности) состоялось совещание на высоком уровне с целью минимизации ущерба. Репутация России в мусульманском мире и так уже была низкой после Афганской войны и двух чеченских войн. Министерство иностранных дел утверждало, что, если исламофобия усилится в России, это будет фатальным ударом по российской репутации терпимости и честности. Больше всего их, конечно, беспокоило то, что Россия могла бы утратить политические возможности в мусульманском мире. Однако Россия была спасена американским вмешательством в Афганистан. Как только Россия ушла из Афганистана, она прекратила быть непосредственной целью в мусульманском мире.

После аннексии Крыма обращение с крымскими татарами стало поводом для беспокойства у мусульман в других частях страны. При Сталине крымских татар преследовали и ссылали во время и после Второй мировой войны.

Судьба и действия российских мусульман были малоинтересны для мусульманского мира, главным образом из-за их ограниченного присутствия вне России. Хотя хадж (ежегодное паломничество в Мекку) поощрялось различными способами, только относительно немногие российские мусульмане воспользовались тем, что является, по существу, религиозной заповедью. Российские мусульмане утверждают, что еще много из них хотело бы отправиться в Мекку, но они не могут, потому что саудовские власти ограничили число паломников из России примерно двадцатью тысячами. (Но были также и жалобы среди тех, кто ехали в Мекку, что среди паломников присутствует слишком много сотрудников служб безопасности, следящих за воинственными исламистами.) Организация исламского сотрудничества (прежде Организация Исламская конференция) воздерживалась в различных случаях от обвинения или критики России, и она всегда отказывалась согласиться с членством в ней Ичкерии, политической организации чеченских мятежников. Российская благосклонность была более важной, чем солидарность с единоверцами в России.

В 1990-х годах развивалось что-то близкое к правительственной стратегии по отношению к российскому исламу. В целом преобладал прагматизм, а не идеология. Российские правые и особенно правые радикалы обычно напоминали своим соотечественникам, что мусульманские страны и особенно арабские государства были их естественными союзниками в борьбе против Запада. Дмитрий Рогозин, тогда глава крайне правой партии «Родина», даже некоторое время защищал идею, первоначально предложенную организацией мусульман с Нижнего Поволжья, о том, что у президента России должен быть постоянный заместитель – мусульманин. Но политика стратегии успокоения (иногда укрепляемая «антисионистскими» аргументами) неизбежно сталкивалась с антимусульманским негодованием российской улицы и была поэтому отброшена. Эти лидеры крайне правых не были также готовы бросить Кавказ или пойти на подобные далеко идущие уступки в обмен на политическую поддержку со стороны мусульманских стран. По этим и другим причинам в мусульманском мире существовала многолетняя подозрительность по отношению к России, так же, как в России всегда было убеждение, что у России не было никаких союзников, которым можно было бы доверять, кроме ее собственных вооруженных сил. Представители ХАМАС и других палестинских организаций посещали Москву по различным поводам без каких-либо осязаемых результатов. Единственной выгодой, полученной от этих действий, было то, что мусульманские страны воздержались от открытой поддержки единоверцев-мусульман в России, к большому разоча-

рованию мусульман в России. Одним типичным примером была относительная нехватка политической поддержки, когда крымские татары попали под давление после российского вторжения в Крым в 2014 году.

Следует упомянуть специфические проблемы мусульманских анклавов на Северном Кавказе, которые, помимо уже упомянутых, включают Ингушетию с населением в полмиллиона жителей. Если крупный кризис там был предотвращен и террористические атаки не имели большого эффекта, то опасность для нефтепроводов и газопроводов, идущих от Каспийского моря до Европы, продолжала существовать.

Российские эксперты и политики, похоже, хорошо осведомлены об опасностях, с которыми они сталкиваются на Кавказе и, возможно, также в других частях страны. То, что исламский сепаратизм расценивается как большая угроза, видно из учебников, используемых в университете службы безопасности, у авторов которых нет никакого сочувствия к регионам, которые приняли шариат и исламистскую ориентацию. Но в то же самое время, они не предложили идей, как можно противостоять этой проблеме, кроме предложения, чтобы Россия повернулась на Восток, а не на Запад для вдохновения и лидерства.

Другим примером путаницы, преобладающей в этой области, является феномен Гейдара Джемалю. Джемаль, московский публичный деятель, которому около семидесяти лет, является поэтом, много писавшим на тему психиатрии, но он также служит председателем Исламского Комитета России. Джемаль наполовину русский и наполовину азербайджанец. На различных стадиях своей жизни он защищал марксизм-ленинизм, антисемитизм («Память») и несколько других идеологий. Согласно его учению, мировая политика («глобализация») может быть понята только на фоне конфликта между двумя ведущими суперэлитами (элитой, возглавляемой британской аристократией, и американской элитой в Вашингтоне). События 11 сентября были, по его мнению, грандиозной провокацией одной суперэлиты против Соединенных Штатов и исламского мира. Согласно Джемалю, Усама бен Ладен и «Талибан» были креатурами ЦРУ и сионизма вместе с КГБ, инструментами, с помощью которых суперэлита стала бы править миром. Знатоки теорий заговора распознают, откуда происходят эти теории: это влияние раннего Александра Дугина.

И на самом деле Джемаль тесно сотрудничал с Дугиным, когда они оба были членами «Памяти». Дугин впоследствии перешел к более респектабельным областям геополитики и неоевразийства, тогда как Джемаль оставался вовлеченным в различные исламские комитеты. Невозможно знать, верит ли действительно кто-нибудь в эту мешанину бессмысленных гипотез, сколько развлече-

ния или преднамеренной путаницы включено туда, или сколько предназначено больше для экспорта, чем для местного потребления. В любом случае, его теории типичны для настроений, преобладающих в этих кругах.

Так как Россия недостаточно сильна, чтобы противодействовать американскому и европейскому влиянию (это было написано несколько лет назад), авторы одного из учебников разведки предлагают союз России, Индии, Китая и Ирана (названный РИКИ). Авторы, которых во всем прочем не отличает чувство юмора, упоминают, что они знают о Рикки-Тикки-Тави, героическом мангусте из «Книги джунглей» Киплинга. Упомянутые страны очень хорошо вели себя в прошлом и не воспользовались состоянием слабости России (в 1990-х) после распада Советского Союза. (Уолтер Лакёр, «Урожай десятилетия: Дизраэлия и другие эссе», 2011.)

Татарстан

В то время как напряженность на Кавказе продолжалась, большим утешением был тот факт, что в Татарстане и Башкортостане было спокойно. СМИ сообщали, что местное население извлекало пользу от нефтяного и газового бума, и что власть традиционного исламского истеблишмента, официальной религиозной структуры, там была сильна. Правда, некоторые радикальные проповедники прибыли туда из Саудовской Аравии, а также из Кувейта и Катара. Но у значительного большинства населения не было никакого желания жить «в средневековых условиях», которые проповедовали некоторые горячие головы среди новых мусульманских священников, приехавших из-за границы и ничего не знавших о местных условиях.

Ситуация казалась под контролем, пока внезапно 19 июля 2012 года не произошло покушение на Ильдуса Файзова, верховного муфтия региона. Его автомобиль взорвали, он был ранен, но выжил, а один из его помощников был убит. Это привело к подробным исследованиям и дебатам, и картина, которая вырисовывалась, оказалась куда менее утешительной, чем предыдущие доклады. Когда члены местного парламента встретились несколько недель спустя, Артем Хохолин, глава местного министерства Внутренних дел, сообщил, что за прошедшие тринадцать лет в регионе было что-то вроде состояния необъявленной войны. За этот период в Татарстан систематически проникали проповедники из определенных арабских стран. Некоторые были иностранцами, другие были местными жителями, которые учились в Мекке и Медине – другими словами, им внушили учение салафитов. Больше того, состав верующих, собирающихся в мечетях по пятницам и в религиозные праздники, изменился: половину или больше состав-

ляли новоприбывшие из Средней Азии, которым салафиты промыли мозги. То же самое произошло в других частях России, таких как Ставропольский край (где мусульмане теперь представляют больше четверти населения), даже Южный Урал и Западная Сибирь, которая согласно некоторым сообщениям стала одной из главных целей салафитов. Президент Башкортостана (ранее называвшегося Башкирией), который был относительно свободен от этих проблем, теперь сообщил, что религиозный фанатизм становился политической угрозой. Проблемой было не то, что традиционное религиозное руководство не признавало эти тенденции; они потворствовали радикалам. Ситуация была такова, что если бы попытка убить Файзова удалась, то его преемником стал бы один из ведущих проповедников салафизма в стране.

Спустя короткое время после этой попытки убийства Рамиль Юнусов, глава самой большой мечети Казани (и самой большой мечети в Восточной Европе), поспешно уехал в Лондон, чтобы улучшить свои знания английского языка (согласно его представителю). Он с тех пор так и не возвратился. Хотя никто не обвинял его в непосредственном участии в нападении, он был ведущим религиозным/идеологическим противником муфтия. Далее, он учился в течение нескольких лет в Медине, считался харизматическим проповедником, но в то же самое время был в хороших отношениях с официальным религиозным истеблишментом. Если говорить более обобщенно, то молодые обученные в Саудовской Аравии проповедники стали более популярны, чем официальное духовенство, у которого была поддержка светских властей и российских служб безопасности.

Если бы казанские события были исключением и носили просто местный характер, то они не привлекли бы более широкое политическое внимание. Но они не были нетипичными. Снова процитирую Алексея Малашенко: «В некоторых прежде послушных частях России мусульманское население становится радикальным, даже экстремистским. Даже перед попыткой убить муфтия были нападения, некоторые из них успешные, против проповедников, считавшихся умеренными, включая аль-Чиркави, духовного лидера тарикатов (суфийской секты): Некоторые наблюдатели расценивают текущую ситуацию как начало кавказизации Поволжья».

Это верно, что иногда есть тенденция преувеличивать салафитское влияние; проповедники религиозного истеблишмента склонны всех своих противников, безотносительно их взглядов, осуждать как салафитов. Но нет сомнения, что проблема радикального ислама распространялась и становилась все более острой. И она больше не ограничена несколькими областями, а распространилась на большинство мест, где мусульмане живут в России.

Что могли бы сделать российские власти, чтобы ограничить влияние экстремистов? Они могли бы переключить свою поддержку от традиционалистов к более популярным (особенно среди тех, кто имеет влияние на молодое поколение). Но сомнительно, пошли ли бы эти проповедники на сотрудничество в то время, когда среди русского населения усиливалась националистическая радикализация.

Кроме того, выросла опасность инфекции из соседних стран, таких как Казахстан. Казахстан был в экономическом отношении более развитым и богатым, чем соседние мусульманские республики, но это не предотвратило распространения там исламского экстремизма и терроризма. В декабре 2012 года правительство Казахстана впервые объявило, что армия халифата представляет угрозу национальной безопасности. Это заявление последовало за несколькими атаками смертников в республике.

Некоторые из террористов были родом с Кавказа, другие обучались в Афганистане. Однако казахская полиция также установила, что были и местные террористические учебные центры для нападений внутри страны. Так как Казахстан как член Шанхайской организации сотрудничества может рассчитывать на китайскую и российскую помощь в таких чрезвычайных ситуациях, размер непосредственной опасности, возможно, не стоит переоценивать. С другой стороны, сотни тысяч казахских «иностранных рабочих» и даже больше их из соседних республик теперь живут в России. Радикальные влияния среди них будут оказывать непосредственное воздействие.

Паникерские прогнозы о том, что Россия станет мусульманской страной через одно или два поколения, скорее всего, преувеличены. Но не нужно обладать большой политической проницательностью, чтобы понять, что серьёзные проблемы, вероятно, возникнут задолго до того, как мусульманское сообщество достигнет 51 процента населения. Стратегия народонаселения Путина и «Россия для русских» являются методами, которые никак нельзя сочетать, и остается сомнительным, сможет ли Россия осуществлять политику, ведущую к интеграции многих миллионов новоприбывших. Законодательство за прошедшие годы не дало автономным республикам больше автономии; наоборот, она теперь более ограничена, чем в прошлом.

Кроме того, не только толпа, кричащая «Россия для русских!», осложняет жизнь Путину. Русская православная церковь аналогично выступает против того, что она расценивает как официальное умиротворение ислама; она хочет сохранить свой старый/новый статус государственной религии. Вдобавок ко всему этому общественное мнение в своем большинстве настроено против официальной политики.

Российская внешняя политика по отношению к исламу и исламизму была нерешительной, стараясь не торопиться с решением и оставляя за собой право выбора. Пока Америка все еще представляется большой угрозой, антиамериканские действия исламистов должны были бы безоговорочно приветствоваться, и очень часто они действительно приветствовались. Но с выводом войск США и НАТО из Афганистана эта страна обязательно снова станет российской проблемой как база для действий джихада в Средней Азии, поскольку Россия рядом, а Америка далеко. Однако российская правительственная стратегия все еще находится во власти американской тени и убежденности в том, что все, что помогает Соединенным Штатам, должно быть плохо для России. России может потребоваться много времени, чтобы отучиться от ее навязчивой идеи западной опасности. Это была судьба России – видеть опасности и врагов в неправильных местах и не замечать настоящих. Такие склонности имеют глубокие корни и вряд ли скоро исчезнут.

Оппозиция

Постсоветским правительствам пришлось столкнуться с внутренним сопротивлением с самого начала. В первые годы это, главным образом, касалось изменений в конституции, особенно с ведущей ролью коммунистической партии в политической жизни страны. Позже это специфическое препятствие было устранено, и страна была демократизирована, по крайней мере, в том, что касается законов.

С приходом Путина к власти укрепилась противоположная тенденция: народ России хотел стабильности и порядка больше, чем свободы и демократии. Постепенно свободы, которые были достигнуты, были снова урезаны или игнорировались на практике. Очень многие утверждали, что западные формы демократии не подходят для России, особенно в нынешних условиях – после распада старой системы и общих беспорядков 1990-х годов. Это произошло частично из-за трудностей периода перехода от коммунизма и из-за ошибок, которые были сделаны в эти годы. Остался открытым вопрос, удовлетворит ли Россию какая-либо другая форма демократии. Сами термины «демократия» и «демократический» приобрели отрицательный подтекст.

С сокращением политических свобод последовали демонстрации – и это привело к дальнейшим ограничениям. Оппозиция проявилась в протестах против выборов, которые (как она предполагала) были сфальсифицированы. Были также марши мира и подобные акции. Вначале эти события возглавлялись диссидентами поздней советской эры, но постепенно выдвинулось новое поколение про-

тестующих, более молодые люди, такие как Алексей Навальный и Сергей Удальцов. Первый из них тяготел больше вправо, второй склонялся влево. Но понятия «левый» и «правый» тоже сменили свое значение и уже больше не были столь важны, как прежде. Требования левых имели мало общего с марксизмом-ленинизмом, и их патриотизм был, по крайней мере, столь же громок, как у других. Главными вопросами теперь были коррупция и отсутствие политической свободы. Владимир Рыжков, который когда-то был заместителем премьер-министра, отметил, что в течение многих лет ни одна новая политическая партия не была признана правительством, и что это было типично в отсутствие политической свободы. Тогда как государственная партия «Единая Россия» с ее молодежной организацией «Наши» получала от властей все преимущества, они были на самом деле «жуликами и ворами», согласно известной формуле Навального.

Харизматический молодой адвокат Алексей Навальный определял себя как национальный демократ (или демократический националист). Он также выступал на митингах некоторых праворадикальных организаций. Вообще предполагалось, что у него было лишь несколько тысяч преданных последователей, поэтому стало неожиданностью, что сотни тысяч проголосовали за него на выборах московского мэра в сентябре 2013 года, где он выступил конкурентом Сергея Собянина, кандидата Путина. У Навального не было ни финансового покровителя, ни влиятельной организации, но у него все еще был свой успех как у блоггера. Как же тогда объяснить то, что Навальный и другие такие протестующие не смогли победить официальных кандидатов?

Как обычно, тому есть несколько причин. Практически все, кто играет активную роль в российской политике в настоящее время, соглашаются с тем, что изменения будут происходить не в результате выборов. Если бы какому-то оппозиционному кандидату удалось выиграть на выборах, то, как они полагают, он мог бы быть арестован за что-то: за растрату, изнасилование, массовое убийство, нарушение правил дорожного движения или за неуплату налогов. Его могут даже убить.

Вторая причина: из-за множества расколов среди оппозиции существуют бесчисленные маленькие партии, которые, кажется, неспособны объединить свои силы для общего действия. Сергей Удальцов идеологически близок к коммунистам и одно время был начальником штаба их лидера. Но в недавнем интервью он сказал, что не хотел бы видеть Зюганова, лидера коммунистов, следующим президентом. Его опасения могут быть вполне оправданными.

Кроме того, у Путина есть твердая поддержка определенных частей населения, включая пенсионеров, государственных чиновников, церковь и рабочий класс. Поддержка оппозиции исходит, главным образом, от интеллигенции и частей среднего класса. Сторонники Навального и Удальцова могут верить в личную честность их фаворитов. Однако сильный национализм Навального и близость Удальцова к коммунистам не вселяют уверенность.

У правительства Путина практически есть монополия на средства массовой информации. Цензура была официально отменена при Горбачеве в 1990 году, но самоцензура сохранилась, и она очень сильна. Все главные телевизионные каналы принадлежат владельцам, на которых власти могут положиться в том, что те не станут транслировать передачи, негативные или критические по отношению к правительству; только некоторые телекомпании и радиостанции, такие как «Эхо Москвы» и «Дождь», все еще независимы. Неудобным журналистам угрожали, на них физически нападали, и в некоторых случаях их даже убивали.

Свободнее ли в какой-то мере российские СМИ в настоящее время, чем в царские времена? Есть определенные интересные параллели: работы Карла Маркса в России до 1917 года можно было заказать и купить на английском и немецком языках, но не на русском. Сегодня в англоязычной российской газете «Moscow Times» могут быть опубликованы такие новости, которые никогда не появятся в русскоязычных СМИ. Книги в России, как и на Западе, уже читают мало, тогда как большинство людей получает свою информацию из более современных СМИ.

Однако существует одна большая (и нежелательная, с точки зрения властей) брешь – Интернет, из которого много россиян черпают информацию о событиях в России и за границей. Поэтому правительство в течение некоторого времени пыталось протолкнуть законы, которые сделали бы это невозможным, введя «национальный Интернет», вроде того, который существует в других авторитарных режимах. Можно было бы утверждать, что такое действие неизбежно будет интерпретироваться как движение режима от авторитарного к тоталитарному. Поэтому некоторые неавторитарные страны отказались принимать такие меры, взвесив возможные последствия. Но даже без цензурного законодательства российские власти могли закрывать незаконные сайты, и Павел Дуров, глава VKontakte, самой большой социальной сети России, был вынужден в 2014 году покинуть страну. В этих условиях, при отсутствии свободы информации, у правительства и государственной партии фактически есть монополия на информацию.

Если «Единая Россия», путинская государственная партия, не была успехом, то личная популярность Путина постоянно оставалась высокой. После Зимних олимпийских игр в Сочи и вторжения в Крым в 2014 году, его рейтинг приблизился к рекордным 90 процентам. Патриотическая/националистическая политика стала победителем: даже часть демократической оппозиции, которая не одобряла политику Путина в Украинском кризисе, соглашается с ним в том, что Крым был частью России и должен принадлежать ей снова. Пока Путин может разыгрывать патриотическую/националистическую карту, не подвергая мир опасности мировой войны или не приводя к резкому ухудшению в экономике, перспективы оппозиции на существенный успех остаются минимальными.

Может ли Россия эволюционировать до полноценного фашизма? Некоторые наблюдатели утверждали, что Россия уже достигла этой стадии. Но такие утверждения, хотя они иногда и понятны с эмоционально-психологической точки зрения, едва ли могут выдержать строгий анализ, и при этом они не полезны для понимания динамики современной российской политики. Борис Немцов, один из лидеров демократического движения «Солидарность» и бывший заместитель премьер-министра, заявлял, что весной 2014 года Россия превратилась в диктатуру. [**Прим. ред. ВС: О Борисе Немцове читайте книгу Владислава Тихомирова «ООН против криминального Ельцина. Глава «Немцов – «карточный шулер» в кремле?»**] Хотя и можно было бы найти некоторые веские доводы в пользу этого утверждения, но в целом таким категорическим заявлением удовлетвориться нельзя. Ибо Россия и раньше тоже не была свободной страной, и она не стала полной диктатурой после этого, несмотря на тот факт, что тенденция к диктатуре была несомненной.

Трудно подобрать общий знаменатель для политических режимов, которые обычно называют «фашистскими» в Европе двадцатого века. Нацистская Германия не была «фашистской», а фашистская Италия не была нацистской. Поиск этого общего знаменателя становится даже еще труднее, если вы станете рассматривать также меньшие европейские страны, которые тоже иногда причисляют к фашистским. Это частично связано с фактором времени – фашистская эра не длилась долго – Вторая мировая война вспыхнула всего через шесть лет после прихода нацистов к власти. Сам термин «фашистский» лишь ограниченно пригоден для анализа и понимания.

Маловероятно, что все фашистские или «парафашистские» или «квазифашистские» страны и движения развивались одинаково. Были очевидные различия между большими и меньшими фашистскими странами – большие склонялись к экспансионизму и военной агрессии, меньшие нет, даже при том, что они, возможно, были милитаристскими по духу. У всех фашистских режимов есть опре-

деленные общие черты, например, наличие лидера, вождя, и культ этого вождя. Режимы, которые не навязывали доминирование единственной государственной партии или допускали существование нескольких партий и нескольких идеологий, более вероятно, являлись военными или правыми популистскими диктатурами, которые не были фашистскими по своему характеру.

В России в последние годы, конечно, начался культ личности (см. антологию, составленную Еленой Гоцило, «Путин как знаменитость и культурный символ», Helena Goscilo, «Putin as Celebrity and Cultural Icon»), хотя по сравнению с культом Сталина это было довольно скромно. Вероятно, из-за интенсивности культа Сталина и его часто смехотворного характера, который не оставил хорошее впечатление даже среди коммунистов, культ Путина должен был быть нерешительным, вялым. Время от времени, предпринимались попытки представить его как «отца нации». Но он не был человеком, подходящим на роль отца, и такие попытки почти наверняка должны были окончиться неудачей. Его публичный образ был образом патриота и выходца из силовиков, но ему не доставало других признаков, которые, как думали, были необходимы для великого лидера. Присутствовал и сильный элемент «мачо», что объединяло Путина с Муссолини. Но если Муссолини редко показывал верхнюю часть своего тела обнаженной – его любимым видом спорта был конный спорт, то Путин довольно часто, тренируясь или занимаясь дзюдо или другими видами спорта, демонстрировал свой хорошо развитый торс. В Германии среди нацистских лидеров это не посчитали бы благопристойным, к тому же у Гитлера, Геринга или у Геббельса фигуры были не такими, что их стоило бы с гордостью демонстрировать людям. Фридриха Эберта, социал-демократического президента, когда-то сфотографировали в купальном костюме: это причинило ему значительный политический вред в 1920-х. Вальтер Ульбрихт, восточногерманский лидер, был помешан на гимнастике, но всегда появлялся на публике полностью одетым.

История политических партий в России очень коротка. И хотя и правда, что после распада Советского Союза политические партии представлены в Думе, но неясно, действительно ли они являются настоящими организациями, кто стоит за ними, кто их направляет и финансирует, и чьи интересы они представляют. Однако разве не может случиться так, что в период кризиса эти псевдопартии внезапно превратятся в независимые структуры с собственными целями, волей и политикой? И разве не возможно, что однажды такая ситуация могла бы возникнуть?

Государственная партия

Современные лидеры России еще в их юности узнали, что сильная политическая партия была необходима как приводной ремень для управления страной. Пока были выборы и другие приправы демократического режима, партия была необходима, чтобы мобилизовать массы и вести пропаганду, чтобы передавать послание правящей страты народу. Горбачев в последние годы своего правления и Ельцин управляли без партии, но это создавало множество проблем для лидера и тех, кто его окружал. Потому что им нужна была поддержка – деньги и активисты для всех целей. Они не хотели слишком зависеть от олигархов и местных губернаторов, даже при том, что губернаторы первоначально избирались местным населением, тогда как теперь они назначаются Кремлем.

В последние дни режима Ельцина различные небольшие прокремлевские группы объединились, и возникла нынешняя государственная партия в целях подготовки к выборам в Думу в 1999 году. Они объявили, что выступали как против левого, так и против правого экстремизма, что являлись центристской, антифашистской партией. Путин когда-то был ее лидером, но позже ушел в отставку с этого поста, так же, как и Дмитрий Медведев, и как Сергей Шойгу, который был формальным лидером партии.

Эта партия всегда была самой сильной в Думе, получая на выборах от 49 до 72 процентов голосов; ее поддержка была самой высокой в 2007-2008 годах, когда процветание было на пике. Конечно, были частые обвинения во вбрасывании заполненных избирательных бюллетеней, в голосовании несколькими бюллетенями и в других видах мошенничества, но расследования всегда оказывались безрезультатными.

В любом случае создание единственной государственной партии как ведущей силы страны не очень хорошо принималось в последние годы. Организация общенациональной молодежной организации оказалась даже еще труднее. Для ее создания потребовалось много времени, и в результате организация так и не развилась в динамичную силу. Она появилась в 2005 году для соперничества с «оранжевыми революциями», произошедшими в некоторых бывших советских республиках. Она привлекла немного участников; согласно слухам, членов организации находили среди футбольных фанатов, и они появлялись только тогда, когда им платили за участие в демонстрациях. Согласно их официальной программе они были против крайне правых и крайне левых, против фашизма, но также и против крайностей со стороны антипатриотических олигархов. Это было, очевидно, творение Суркова, начальника штаба Путина и главного идео-

лога до 2011 года. Он не демонстрировал большой заинтересованности и способностей организатора на этом посту, и «Наши» почти никогда не были очень заметны. Все существенные компоненты для динамичного, эффективного молодежного движения – прежде всего, энтузиазм – отсутствовали. Вероятно, не все они были жуликами и ворами, как утверждал Алексей Навальный, но они, казалось, с политической точки зрения были довольно бесполезны.

Не имея ни политической партии, которая согласно старой конституции должна быть тем, что в настоящее время служит двигателем и приводным ремнем в стране, ни официальной идеологии перед лицом авторитарного режима, Россия не может существовать просто как общество поклонников Путина. Даже для этой цели необходима эффективная организация – наряду с группой единомышленников с общими интересами. До некоторой степени они были членами КГБ (теперь известного как ФСБ). Согласно известной «вертикальной системе» правительства, они уполномочены отдавать приказы полиции и судебной власти. Они могут угрожать СМИ или покупать их. Они могут заключать союзы с некоторыми, кто имеет ключевые должности в правительстве – или даже ставить некоторых из своих людей на такие должности.

Исследователи политических движений и фашизма в особенности пытались найти характерные особенности для них – «фашистский минимум» – и выделили десять, двенадцать, или четырнадцать компонентов. При фашизме во власти всегда был один лидер; фашистским государством никогда не управлял комитет. Всегда была единственная государственная партия, и отсутствие такой партии немедленно вызывает вопросы относительно истинного характера такого режима. У фашистского режима была монополия (или близкое к монополии состояние), что касается распространения идей, и у него также была монополия (или почти монополия) на политическое насилие. При фашизме не было независимой судебной власти.

В то же время, каждый из этих режимов отличался в некоторых аспектах. Российский режим был совершенно уникален, поскольку он был первым, который видоизменялся от коммунизма до совсем другого порядка – будь то крайне правый порядок или полуфашистский, или какой-то другой. И если указывать на эти различия между ними интересно, то, возможно, не стоит тратить слишком много умственной энергии на классификацию, потому что чаще всего эти режимы (или движения) находятся в переходном состоянии.

Отсутствие официальной идеологии после периода перенасыщения идеологией является, конечно, захватывающим, но совсем не ясно, продлится ли этот период и как долго. В истории бывают периоды в истории, когда отсутствие доктрин-

ны или системы взглядов может быть допущено, по крайней мере, временно, тогда как в другие периоды это будет невероятно. Подобным образом есть периоды даже в истории диктатур, во время которых правителям достаточно минимума репрессий, чтобы оставаться у власти, тогда как в другие периоды необходимы большие репрессии (или считается, что они необходимы). Если страх перед хаосом велик, то тем, кто у власти, не требуется постоянно доказывать, что нужна сильная рука. То же самое верно, если диктатура появилась сравнительно недавно или доказала свою эффективность в недалеком прошлом.

Действительно ли возможно сохранить такой режим при этих обстоятельствах?

И что можно сказать относительно оппозиции? Каковы перспективы ее успеха в той политической системе, которая в настоящее время у власти в России?

Когда режим или правитель пробыли у власти очень долго, начинается процесс рутинизации, когда требование изменений становится сильным и частым – если, конечно, этот режим не был феноменально успешным во всем, за что он брался. И даже тогда власть правящей партии может быть подвергнута опасности, если ее собственная политическая поддержка глубоко расколота.

Оппозиция режиму Путина в настоящее время исходит в определенной мере от сторонников крайне правых, которые утверждают, что нынешние правители не являются достаточно агрессивными и антидемократическими. Однако все более и более репрессивные меры, принятые правительством, популярность аннексии Крыма и мощная поддержка украинских сепаратистов приглушили их голоса в настоящий момент. Что касается демократической оппозиции, то ее поддержка народом представляется маловероятной в нынешней обстановке, когда большинство россиян, как представляется, вполне довольны авторитарным правлением.

Режим Путина в значительной степени базируется на власти, опирающейся на центр, с игнорированием региональных интересов. Вполне может случиться так, что оппозиция, представляющая региональные интересы, получит намного лучший шанс, но таких попыток еще не было.

7. НОВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

Возвращение к корням

Советский Союз рухнул в начале 1990-х годов, но идеология, на которой он основывался, страдала от чрезвычайной дистрофии еще задолго до того. Правда, классиков марксизма-ленинизма все еще ритуально цитировали, когда это считалось необходимым, но динамичный, революционный дух, который был настолько примечателен в 1920-х годах, исчез. Что могло бы заменить его? О каком-то другом революционном импульсе, казалось, не могло быть и речи; новых левых можно было найти в американских и европейских университетах, но не в Советском Союзе.

Национализм и религия казались очевидным ответом, как это уже было перед революцией 1917 года. Но царская Россия, особенно в ее последней фазе, не была привлекательной моделью, кроме как для самых твердолобых монархистов (и даже они жаловались на слабость Николая II). Ищущие новую идеологию должны были пойти еще дальше в прошлое, возможно, к Николаю Карамзину, который около двух веков назад писал о любви к родине и о национальной гордости. В своей «Истории государства Российского» он прославлял его достижения. Правда, Россия была в цепях в течение длительных периодов, но то же самое происходило и с другими странами в Европе. «И какой народ так славно разорвал свои цепи?» Он продолжал: «Петр Великий, соединив нас с Европой и показав нам выгоды просвещения, ненадолго унизил народную гордость русских. Мы взглянули, так сказать, на Европу и одним взором присвоили себе плоды долговременных трудов ее». Армия России победила самую сильную армию в Европе. Вкратце: «какой народ в Европе может похвалиться лучшей судьбою?»

Но Карамзин как советчик казался несколько отдаленным в 2000-х годах. Он признавал, что основные достижения той России были в военной области – в значительной степени потому, что она должна была бороться за свое существование. Полководцы, такие как Александр Суворов, высказали много глубоких мыслей («Пуля дура, штык молодец»), а Михаил Кутузов был прав, что отказывался дать бой Наполеону до последнего дня. Но российское дворянство все еще разговаривало между собой на французском языке. И интеллигенция по-прежнему не была счастлива. В своем часто цитируемом «Философическом письме» (1836) Петр Чаадаев писал:

«Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия».

И дальше:

«Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды: мы не дали себе труда ничего создать в области воображения, и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну обманчивую внешность и бесполезную роскошь».

Это «Философическое письмо», разумеется, было написано по-французски.

Славянофилы возражали с горькой обидой. Русские люди (писал Иван Аксаков) не интересуются политикой. Поэтому правительство было неправо в том, что непрерывно принимало меры для предотвращения революции в своем страхе перед политическим восстанием, событием, которое совершенно противоположно сущности русского народа. Русские искали нравственную свободу, свободу духа. Оставляя земное царство государству, русские направляют свои стопы на путь внутренней свободы, путь духовной жизни: царство Христово.

Федор Тютчев был одним из самых великих и наиболее недооцененных русских авторов. Толстой ставил его выше Пушкина; Пушкин более широк, писал он, но Тютчев более глубок. Прожив за границей много лет, Тютчев следил за событиями в Европе с большим интересом и сделал вывод, что в Европе было только две партии, революционная партия Запада и консервативная партия России. Хотя он был назначен старшим цензором, он не был настоящим консерватором. Он приветствовал реформы того времени, прежде всего, отмену крепостного права. В «Русской географии» он писал:

*«Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...»*

*Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек».*

Любовь Тютчева к России пылала рядом с его манией преследования. Он писал своей сестре, что европейские страны не упустят возможности навредить России. Но его женами и любовницами были главным образом немки, а друзья рассказывали, что по-французски он говорил лучше, чем по-русски.

Что старые славянофилы могли бы предложить патриотам к 2000 году? Даже братьям-славянам нельзя было доверять; поляки были предателями. Один из ведущих поздних славянофилов презирал европейский дух потребления и воспевал византийские ценности. Таковы были взгляды Константина Леонтьева, консула в Албании. Николай Данилевский, которого часто упоминают вместе с Леонтьевым, был натуралистом (но он отвергал Дарвина) и прославился своей книгой «Россия и Европа», мощным залпом критики в адрес Запада. Европа, по его мнению, была русским не только чужой (чуждой), но и враждебной, ее интересы были диаметрально противоположны интересам России.

Сомнительно, нужно ли считать Леонтьева и Данилевского славянофилами. Они думали, что время того движения прошло. Они были антилибералами и антизападниками, и это вызвало любовь к ним Александра Дугина и других, которые приняли их как своих наставников. Историческая основа, на которой была построена эта идеология, была, по меньшей мере, слаба. Поскольку, когда Россия имела дело с Европой девятнадцатого века, главной страной обычно была Германия, которую тогда вряд ли можно было считать «либеральной».

Данилевский и Леонтьев были также среди открывателей (или изобретателей) русофобии. У Леонтьева не было времени на идеализирование русского крестьянина или других славянских народов. Он был обскурантом – и в такой сильной степени, что почти стал современным и пророческим реалистом. К концу своей жизни он сделал вывод, что у западного капитализма и либерализма нет никакого будущего в России – и так как Восточная православная (византийская)

традиция не могла быть восстановлена, то единственным будущим для России могла быть некая форма государственного социализма, которая обеспечила бы необходимую меру дисциплины (и репрессий), без которых вся структура общества распалась бы. Это чрезвычайно современный способ для описания сегодняшней российской ситуации.

Леонтьев был очень пессимистическим мыслителем и также очень честным. Он считал систематическое прославление прошлого России заблуждением, мечты о будущем России простой химерой. Лучшим, на что можно было бы надеяться, было сохранение статус-кво со всеми его недостатками. Другими словами, он предвосхитил мыслителей крайне правых нашего времени. Как консерватор он презирал славянофильство, которое он считал вульгарным, демократическим и потенциально опасным. Он выступал против агрессивной внешней политики славянофилов на Балканах и внутренней русификации в прибалтийских губерниях и других нерусских областях России. Его литературные взгляды очень отличались от взглядов его консервативных современников. Он предпочитал Толстого Достоевскому, и как писателя, и как патриота.

Леонтьев при жизни оказывал небольшое общественное влияние, в отличие от Данилевского, которого читали массово. Главный труд Данилевского был напечатан на основных европейских языках. Его политические взгляды были первоначально либеральными, и до некоторой степени он всегда оставался радикалом – он был самым красноречивым выразителем русской имперской миссии. Его часто сравнивают с Освальдом Шпенглером и Иосифом Сталиным, но такие ассоциации не следует преувеличивать. Как и Шпенглер, он верил в подъемы и падения цивилизаций. Как Сталин, он предусматривал тоталитарную систему своего рода. Но его перспективы, естественно, были очень далеки от варварства двадцатого века. Он верил в распад Запада и ожидал долгой и кровавой борьбы с Европой, из которой Россия должна была выйти победительницей. Как ученый, он без колебаний выступал за скорейшее внедрение в России современных технологий и наук. Он отвергал только копирование иностранных культурных и политических моделей: парламентской демократии, классовой борьбы и западного плутократического империализма. Некоторые из убеждений Данилевского были настолько смехотворны, что они вызывают сомнения в его здравомыслии, например, когда он писал, что западная государственность была основана на сильном притеснении, крепостничестве и вражде, тогда как русское правление было основано на доброжелательности, свободе и мире. В других случаях его комментарии кажутся совершенно нормальными, хотя и несколько экстравагантными.

Его защита российской экспансии не была мотивирована негеополитикой и другими новомодными теориями, которые он посчитал бы полнейшей чепухой; он был вдохновлен верой в духовные ценности и мировую историческую миссию. Как и Достоевский, он полагал, что русские были единственным богобоязненным народом, и что они спасут мир: они были телом Бога. Только православие сохранило божественный образ Христа во всей его чистоте, и поэтому они могли стать проводником для других народов, которые сбились с истинного пути. Это то, что объединяет Леонтьева и Достоевского.

Трудно поверить, что те, кто в настоящее время постоянно упоминает Леонтьева и Данилевского, прочитали их на самом деле. Если бы они это сделали, то были бы очень обеспокоены.

Согласно этим антизападным мыслителям, позиция европейцев по отношению к России являлась русофобской. Это было неточно, хотя и не совсем притянута за уши. Не только европейские левые видели в России главного врага свободы и прогресса, рассадника реакции дома и за границей.

Традиция видеть в России варварскую (или, по крайней мере, полуварварскую) страну, несмотря на все то, что попытался сделать Петр I, исходит с начала девятнадцатого века и публикации так называемого «Завещания Петра Великого» – которое было подделкой, сочиненной польским автором во Франции. Классической работой в этой области была «Россия в 1839 году» маркиза Астольфа де Кюстина. Кюстин был убежденным французским монархистом и консерватором; его сексуальная ориентация поставила бы его в неприятное положение в современной России. (Но то же самое можно сказать и о Сергее Уварове, российском министре просвещения, придумавшем известную фразу «православие, самодержавие, народность».) Однако то, что увидел Кюстин во время своей поездки в Россию, превзошло его худшие страхи. Он стал автором известной фразы о России, назвав ее систему правления «самовластием, ограниченной удавкой» (цареубийством). Больше всего его раздражал постоянный и проникающий повсюду правительственный шпионаж. Он писал: «Россия — нация немых; какой-то чародей превратил шестьдесят миллионов человек в механических кукол» (роботов, на современном языке); менталитет русских был менталитетом рабов. И если во Франции этот вид деспотизма был преходящим злом, то в России он был укоренившимся. У Кюстина было несколько бесед с царем. Было ли у императора желание и власть изменить систему правления? В этом Кюстин сомневался. Книга Кюстина (два тома, всего около тысячи восьмисот страниц) была запрещена в России, но некоторые экземпляры попадали в страну. Она была впервые полностью издана на русском языке в России в 1996 году.

Была ли она на самом деле поверхностной работой злорадного французского денди, несправедливой и неточной? Это была книга со значительными недостатками, хотя бы только потому, что Кюстин провел большую часть своего времени в двух самых больших городах страны. Но он приехал в Россию отнюдь не с предвзятым настроением; он был внимательным наблюдателем, и свои истории он не выдумывал. Как много позже писал Джордж Кеннан, «если мы даже согласимся, что «Россия в 1839 году» не очень хорошая книга о России в 1839 году, мы окажемся перед тревожным фактом, что это великолепная книга, несомненно, самая лучшая из книг о России Иосифа Сталина».

То, что писал о России в то время Карл Маркс, могло бы расцениваться как превосходный пример русофобии. Но Маркс не был экспертом по России, не был посвященным человеком, и не жил в России. Для этого нужно обратиться к дневнику балтийского немца по имени Виктор Ген (Хен), образованного человека, работавшего библиотекарем в Императорской публичной библиотеке в Петербурге. Его дневники «De Moribus Ruthenorum» (вышли посмертно в 1892 году) были разрушительным перечислением всех плохих сторон жизни в России, прежде всего, поверхностности даже образованных русских, их неумений, лжи, претензий, коррупции. Он не нашел в России ничего, что бы ему понравилось, не говоря уже о том, что вызвало бы восхищение. Его книга тоже далеко не справедлива (назову только один пример: Пушкин и Лермонтов не упомянуты в ней ни разу, а Гоголь представлен как незначительный писатель с большими недостатками).

Если учесть, что Ген писал это в 1860-х годах (когда было уже опубликовано более половины произведений Достоевского, и уже начала выходить «Война и мир», не говоря уже о Тютчеве, Тургеневе и других); что «Мертвые души» и «Ревизор» по любым стандартам являются выдающимися произведениями; и что середина того столетия была бедным временем в летописи немецкой литературы, то это демонстрация то ли глубокого невежества, то ли колоссальной дерзости. В любом случае русофобия подразумевает «страх перед Россией», а ни Кюстин, ни другие упомянутые России не боялись. Они смотрели на нее сверху вниз, и это, возможно, вызвало еще большую обиду.

Был ли русофобом Отто фон Бисмарк? Он служил в это время прусским послом в России. Он вращался в других кругах, и его основной интерес относился не к русской культуре. Он точно не боялся России, но предупреждение, которое он оставил немецким творцам внешней политики, было: «Не воюйте с Россией». Неудивительно, что Бисмарк стал фаворитом русских националистов, тогда и теперь. На такие чувства отвечали взаимностью: когда Александр II был убит,

консервативная берлинская газета «Kreuzzeitung» поместила новость об этом под заголовком «НАШ ИМПЕРАТОР УМЕР».

В этот период в России еще не было никаких политических партий; они появились только пятьдесят лет спустя, как раз перед первой русской революцией, во время нее и после. Именно в это время родились организации радикальных националистов, и именно из этого периода некоторые из современных ультрапатриотов черпают свое вдохновение.

Эта тенденция – растущей воинственности и чувства, что необходимо организовываться – ни в коем случае не была изолированным российским явлением; ее можно было наблюдать во всех основных европейских странах. Она основывалась на страхе того, что левые постоянно добивались успехов, что страны Европы, возможно, даже стояли перед опасностью революции. Во Франции, например, это настроение привело к появлению «Action française» («Французского действия») и других подобных групп. Дело Дрейфуса раскололо страну и создало для крайне правых большой источник благосклонности и поддержки. В Германии ультранационалистическая тенденция не привела к созданию большой политической партии. Скорее реакция была культурной: консерваторам, ведущей правой партии, удалось адсорбировать это настроение и интегрировать его в свои собственные ряды. Так консерваторы стали более антисемитскими, более антилиберальными и воинственными.

В России растущее террористическое движение и революционный фермент привели к созданию различных групп с такими названиями, как Союз русского народа (СРН), который привлек людей из различных слоев общества. Поддержка пришла от духовенства и полиции, из рядов высшего сословия, но еще сильнее – от мелкой буржуазии и Охотного Ряда. Это было названием улицы и небольшого квартала в центре исторической Москвы, где располагался мясной рынок. Люди, живущие там, часто совсем недавно приехавшие из деревни, были грубыми и малообразованными, сбитыми с толку городской жизнью и быстрым темпом социальных изменений. Довольно сильный криминальный элемент в этом районе дал начало Черной сотне, движению, которое играло видную роль в погромах (или было главным подстрекателем к ним) в России в 1905-1906 годах.

Согласно различным официальным заявлениям, опубликованным черносотенцами, они никогда не призывали к убийству кого-либо, уже не говоря об участии в таких действиях. Они просто хотели мобилизовать массы, на что традиционные консерваторы были неспособны. Их руководители считали, что без их действий царский режим рухнет после проигранной войны с Японией.

Черносотенцы были чем-то средним между традиционными консервативными/реакционными силами в России, которые были собраниями видных людей, и современным фашизмом, способным к мобилизации масс. Это было только зарождающееся, несовершенно движение; его характер и действия изменялись от места к месту. Большинство его участников верило в насилие, и произошло много погромов, преимущественно на юге, где проживало большинство евреев.

Согласно политике «черты оседлости», немногим евреям разрешалось жить в Москве и в городах самой России.

У черносотенцев не было ни харизматического лидера, ни сильной, эффективной организации. Их заявленная цель состояла в том, чтобы остановить революционеров, которые хотели разрушить Россию. Но самыми видными их жертвами были не революционеры, а Михаил Герценштейн и Григорий Иоллос, два парламентария от центристской Кадетской партии. Неофициальным лозунгом черносотенцев был «Бей жидов, спасай Россию». Возможно, Россию нужно было спасать, но вовсе не было ясно, что избиение евреев приведет к этой цели. Потому что не евреи были главной угрозой.

Некоторые государственные министры поддерживали черносотенцев, но большинство презирало их и считало, что такая шушера приносила больше вреда, чем пользы. Даже среди духовенства поддержка отнюдь не была полной. Из приблизительно семидесяти представителей духовенства, избранных в Думу, одна четверть, возможно, даже одна треть, была своего рода либералами. Даже Иоанн Кронштадтский, святой заступник движения, осудил Кишиневский погром (1903), в котором были убиты сорок девять евреев. Он впоследствии отрекся от этого своего заявления и возложил вину на самих евреев. Позже он был причислен к лику святых.

Царь верил в черносотенцев, называя их «ярким примером правосудия и порядка для всех людей». Но царь с политической точки зрения не был важен. Черносотенцы теряли ту силу и энергию, которая у них была; СРН все еще пользовался поддержкой приблизительно 10 процентов общественности, имел несколько сочувствующих в Думе и несколько сторонников в прессе. Публикации СРН частично финансировались правительством, которое таким путем осуществляло определенный контроль над ними.

Короче говоря, СРН и Черной сотне разрешили быть большими популистами, чем представителям правого крыла основной линии, но только до определенного момента. Например, они потребовали, чтобы царь был ближе к народу, стал менее отдаленным от него – старое требование славянофилов. Иногда они кри-

тиковали местных бюрократов. Но им не разрешали заходить слишком далеко с их расистскими лозунгами – это было бы неблагоразумно в многонациональной империи.

После того как революционная лихорадка спала, СРН перестал быть важным, и черносотенцы стали интересной темой для историков и политологов. Некоторые из их вождей еще вызывали незначительные скандалы в Думе, но это считалось развлечением и не оказывало никакого политического воздействия. Несколько оставшихся в живых возвратились в старости в Советский Союз уже после смерти Сталина. И некоторые эмигранты предвидели упадок интернационализма и усиление нового национализма в СССР. Главной фигурой этого лагеря, «сменовеховцев», был Николай Устрялов, прежде член Кадетской партии и славянофил. Он возвратился в Россию и обратился к своим политическим друзьям с призывом сделать то же самое. Но его выбор времени был неправильным. Ему следовало бы подождать еще пятнадцать или двадцать лет, чтобы быть в безопасности. Устрялов был арестован и расстрелян в 1937 году. Его судьба сильно отличалась от судьбы генерала Алексея Брусилова, героя Первой мировой войны (командовавшего знаменитым Брусиловским прорывом), который тоже вернулся; когда он умер в 1926 году, ему устроили государственные похороны.

(Автор ошибается. Брусилов не уезжал в эмиграцию и после революции до своей смерти в 1926 году оставался в Советской России. Вероятно, он спутал его с белым генералом Яковом Слащёвым, который действительно в 1920 году ушел в эмиграцию, но в 1921 году вернулся. Но последующая судьба Слащёва была не такой радостной. Ему позволили преподавать тактику в школе комсостава «Вымпел», но в 1929 году его убил некий Лазарь Коленберг, якобы мстивший за еврейские погромы. Убийца был признан невменяемым и не понес наказания. Есть версия, что на самом деле убийство было преднамеренной ликвидацией, спланированной и организованной ГПУ. – прим. перев.)

Именно в этот период, в последние годы перед первой русской революцией и первые годы после нее, на сцене появились «Протоколы сионских мудрецов» и антимасонская литература. Идея международного заговора франкмасонов исходила еще от таких противников Французской революции как аббат Огюстен Баррюэль. Вначале евреев вообще не упоминали, потому что евреи не были частью политической жизни Франции. Такая связь была установлена только позже в девятнадцатом веке, когда заговор стал жидомасонским. Но среди общественности большого резонанса это не вызвало. О масонах в России знали очень мало; в 1822 году ложи были объявлены вне закона. Необходима была большая готовность верить в вездесущность и коварные действия этих тайных сил, но

этой готовности не было, и потребовалось почти столетие, пока представления такого рода получили более широкое распространение.

Понадобилось еще больше времени, чтобы нынешняя истерия вокруг скрытых зловещих сил в России материализовалась. Ренессанс подобного вида пропаганды был в нацистской Германии, но было одно важное различие: нацисты в действительности не боялись тайных сил, которые они использовали просто в качестве пропагандистской хитрости. Нацисты чувствовали себя бесконечно сильнее, чем их враги, тогда как в России, кажется, существовал подлинный страх перед жидомасонством.

В большинстве дискуссий о появлении новой российской антизападной доктрины обычно недооценивается или вообще игнорируется одно важное действующее лицо – православная церковь. Ранее мы уже упоминали об Иоанне, митрополите Санкт-Петербургском и Ладожском, спонсоре переиздания «Протоколов сионских мудрецов» в постсоветский период. Но Иоанн был центральной фигурой не в начале, но к концу этой особой школы православного богословия, истоки которой находятся далеко в прошлом и связаны с такими видными фигурами в истории православной церкви как Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский и некоторые другие. Они стали не только церковными мыслителями с большим влиянием, но и объектами истинного культа. Их эсхатологические проповеди о пришествии Антихриста, появлении ложного Мессии, конце дней, заключительной битве между силами Христа и Сатаны, в которой Святая Русь, выбранная Богом, сыграла бы центральную, решающую роль. Эти и другие элементы паранойи играли заметную роль и в центре, и на периферии православной церкви в течение долгого времени.

Согласно более ранним версиям, Антихрист (родившийся в России) был сыном дьявола и проститутки (блудницы), принадлежавшей к израильскому колену Данову, но постепенно произошли секуляризация и политизация, и Антихрист стал означать всех врагов Святой Руси: масонов, просвещение, еретическую католическую церковь, российских агентов модернизма и многое другое. Таким образом, метафизический «зверь Апокалипсиса», символизирующий Антихриста, стал неметафизической Америкой, концентрирующей в себе все силы зла. Чтобы выполнить свою победную миссию, Святая Русь должна была создать сильную империю, и это как раз и стало точкой соприкосновения сил православной церкви и русского национализма.

Идея Катехона («Удерживающего») и парусии (второго пришествия Христа), последней битвы и конца дней, появлялась и все еще появляется в России в бесчисленных вариациях и на всех уровнях искушенности. Она должна иметь

отношение ко второму пришествию Христа, которому предшествовало бы появление Антихриста. Интересно, как определенные концепции богословия Нового Завета, некоторые из них довольно неясные, нашли свой путь в этот вид современной политической мифологии.

Иронично, что этот мотив появлялся также при коммунизме в «Интернационале», как «наш последний и решительный бой». В настоящее время его пропагандируют такие писатели как Аркадий Малер и Михаил Назаров, практически неизвестные за пределами России, но довольно много читаемые в этой стране. Это направление мысли заслуживает намного более широкого внимания, чем оно получало до сих пор, потому что оно весьма важно для понимания современной политики России. Оно очень помогает понять параноидальные страхи и надежды, которые стали такими выразительными за последние годы – страхи перед грядущей катастрофой и надежды на избавление и окончательную победу.

Русская партия при Советах

Когда гласность после прихода Горбачева к власти стала официальной политикой, среди тех, кто извлек пользу из намного большей свободы слова, были либералы, те, кого преследовали при старом режиме. Но вскоре оказалось, что националисты и особенно «ультра» (радикалы) также получили намного большую свободу передвижения и самовыражения. Сначала это проявилось в действиях «Памяти», группы, активно действующей преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге, корни которой лежали в движении за сохранение национальных памятников истории и культуры. «Память» (она взяла свое название из романа Владимира Чивилихина) в 1982 году попросила разрешение проводить встречи и демонстрации, и получила его. Возглавляемая фотографом Дмитрием Васильевым, она была очень шумной и получила большой общественный резонанс. Но не было ясно, за что именно она выступала, кроме антисемитизма. Она оставляла открытыми большинство вопросов. Каковы, например, были ее суждения относительно сталинизма и старого режима вообще? Эта нехватка ясности, которая скоро проявилась, не была случайной, поскольку она примиряла людей самых разных политических убеждений. Васильев идентифицировал себя как беспартийный большевик, но не было ясно, было ли это искренне и, если да, то что это означало практически. Как отметил один автор в то время, атмосфера напоминала первые годы нацистского движения в Мюнхене.

У щеголяния антисемитизмом были определенные преимущества. Прежде всего, это было почти законным; это проповедовалось официальными органами ком-

мунистической партии в течение долгого времени, только пока это называли антисиионизмом. Была целая волна антисиионистской литературы, но даже людям, которые не были политически грамотны, было ясно, что те, кто проповедует это, имели в виду не Теодора Герцля или Израиль, а евреев.

«Память» скоро начала раскалываться на различные части, и она прекратила свое существование задолго до смерти ее лидера в 2004 году, прекрасный пример всего, что было не так в русском радикальном национализме. Но полезно помнить, что самая острая критика исходила не от иностранцев или евреев и масонов, а от русских, возможно, потому что они знали это лучше, чем люди за границей. Никто не описал это более беспощадно, чем Николай Бердяев, который так писал о националистической доктрине и практике русских правых радикалов: ««Союз русского народа» не имеет отношения к политике в строгом смысле слова. «Союз» этот есть лишь беспорядочный сброд элементов дикости, варварства, языческой тьмы и нравственной распущенности, веками сохранявшейся в русском народе. Это — разгул старорусской анархической распущенности инстинктов, не ведающий никакой нормы, это — последняя вспышка того нравственного идиотизма, который воспитывался силой слишком застаревшего деспотизма. В «союзе русского народа» чувствуется восточная дикость и темнота, а временами показывается морда зверя и обнаруживаются атавистические переживания людоедских инстинктов».

Но до гласности не было известно (разве что, возможно, немногим избранным в Москве), что у «русской партии» были намного более глубокие корни, тянущиеся в отдаленное прошлое, особенно на среднем уровне коммунистического партийного аппарата. В общем и целом, было известно, что в 1930-х годах по инициативе Сталина произошел поворот от пролетарского интернационализма к советскому патриотизму. В 1936 году было дело Покровского. Михаил Покровский, старый большевик, профессиональный историк и некоторое время заместитель наркома (министра) просвещения, написал несколько работ по истории России в старом духе ленинизма, который разоблачал все старые националистические стереотипы. Его чрезвычайный антипатриотизм был, вероятно, решающим фактором в повороте в советской историографии; в результате его высмеивания, Александр Невский и Дмитрий Донской, даже другие традиционные герои, такие как Иван Грозный, все возвратились на их законное место в российской истории.

У поворота к патриотизму были, однако, свои ограничения, и только при преемниках Сталина русская партия приобрела сторонников даже на высшем уровне. Одним из ее главных сторонников был Александр Шелепин (1918 – 1994), который сделал свою карьеру в руководстве комсомола, коммунистической моло-

дежной организации, и был главой КГБ между 1958 и 1961 годами. Он был протеже Хрущева, но позже был вовлечен в успешный путч против него, надеясь (согласно некоторым доказательствам) занять его место. Это было просчетом. Шелепин сохранил свое место в Политбюро на некоторое время, но постепенно его оттуда вытеснили. Под его руководством русский националистический элемент в партийном аппарате стал более сильным и получил большую свободу маневра – но все в определенных рамках.

Нарушение правил, например, непризнание, по крайней мере, на словах партийной идеологии или открытые возражения против нее могли быть опасны. Некоторые националисты, проигнорировавшие правила, оказались в Гулаге. Но их число было очень невелико по сравнению с теми, кто требовал больше демократических прав. Другими ведущими защитниками националистов были Юрий Мелентьев, также из комсомольского руководства, позднее министр культуры РСФСР, и в первую очередь нескольких высокопоставленных чиновников в центральном аппарате коммунистической партии Российской Федерации.

(Коммунистической партии Российской Федерации в советское время не существовало. – прим. перев.)

Если при Леониде Брежневе у русской партии была (почти) полная свобода действий, потому что у генерального секретаря не было никакого интереса к идеологии, то эта свобода маневра была более ограничена при Юрии Андропове, которому не нравились эти ультра националистические уклонисты. Но пребывание Андропова у власти оказалось кратковременным, и их неудача тоже была только временной. Были различные признаки усиления национализма на протяжении последнего советского периода, с появлением «почвенников», группы писателей-«деревенщиков» с 1960-х годов, возможно, даже еще раньше. Можно было бы упомянуть в этом контексте Михаила Шолохова (1905-1984), но он всегда отстранялся от деятельности московской группы и с возрастом стал примадонной. Его роман «Тихий Дон» был работой выдающегося качества и имел мало общего с официальной партийной линией социалистического реализма. Это произведение действительно настолько превосходило все, что Шолохов написал в последующие годы, что возникли сомнения (вероятно, необоснованные) относительно того, было ли оно действительно его работой или же написано, по крайней мере, частично другими авторами. Он был истинным консерватором, который презирал городских писателей и демонстративно держался как можно дальше от городской жизни и всего, что символизировал город.

Случай Леонида Леонова (1899-1994) был в некотором отношении подобен случаю Шолохова. Значительный автор в 1920-х и 1930-х годах, он наполнял свои последние романы (такие как «Пирамида», над которым он работал больше сорока лет) мистическим национализмом и религиозностью в ущерб их литературным достоинствам. Их едва ли кто читал. В эпоху гласности он присоединился к лагерю авторов крайне правых, выступая против демократизации страны и других подобных новшеств и реформ, которые противоречили его взглядам. Это был печальный пример упадка выдающегося писателя, но он представляет интерес, чтобы продемонстрировать, что русская партия не была изолированной фракцией, но имела поддержку некоторых авторов, которых раньше считали полностью солидаризировавшимися с коммунистической системой.

«Почвенники» по-настоящему начали свою работу в 1960-х. В эту группу входило несколько авторов подлинного таланта, таких как Василий Шукшин, Василий Белов и Валентин Распутин. Шукшин, возможно, самый талантливый из всех, умер молодым; он не только писал книги, но и был актером и кинорежиссером. Белов совсем не был политическим диссидентом, но так как его темой была деревенская жизнь, он не мог делать секрета из своего убеждения, что коллективизация сельского хозяйства была большой ошибкой, даже настоящей трагедией. Это привело к урбанизации; Белов считал жизнь в городе аморальной (и частично обвинял Запад в этом). Истинные ценности России были в деревнях – но деревенская жизнь в советский период ухудшалась. Белов был склонен идеализировать предреволюционную деревню; он никогда ее не знал, и это было, вероятно, неизбежным результатом его отрицания городской жизни. Как ни странно, Белов должен был провести большую часть своей более поздней жизни в Москве, став политической фигурой в Союзе писателей и других организациях.

Корни Белова были на Алтае, и он умер в 2012 году; Шукшин родился под Вологодой на русском Севере. (Так у автора, на самом деле наоборот – Шукшин был с Алтая, а Белов с Вологодчины. – прим. перев.)

Распутин был уроженцем Сибири, и он все еще был жив, когда писались эти строки и выбрал пребывание в его родной Иркутской области. (Распутин умер в марте 2015 года. – прим. перев.) Как и другие писатели-«деревенщики», он был борцом за защиту окружающей среды, например, выступал против проекта поворота сибирских рек и в защиту озера Байкал. С перестройкой он стал самым политизированным из всех доживших до того времени «деревенщиков», комментируя текущие события в открытых письмах к русскому народу и его руководителям. Он превратился в одного из самых непреклонных борцов против либеральных и демократических новшеств, идентифицируя себя с политикой

царей и командующих «белых» антикоммунистических армий в Гражданской войне. Критики обвиняли Распутина в крайнем антимодернизме и идеализировании дореволюционной деревенской жизни и поэтому считали его безнадежно нереалистичным. Это верно, что политические взгляды Распутина запутывали его во многочисленные противоречия; так он, в конечном счете, пришел к тому, что стал хвалить Сталина, который, в конце концов, как раз и был ответственен за коллективизацию сельского хозяйства. Но обвинения в приукрашивании деревенской жизни кажутся, по крайней мере, преувеличенными. Его сильная повесть «Пожар» никоим образом не находится в традиции романтизма, а описывает сцену в небольшом поселке, в котором начался пожар, и в особенности действия жителей, участвующих в пьяных оргиях и грабежах, вместо того чтобы попытаться бороться с огнем и тушить пожар. Рассказчик, местный милиционер, утратив все надежды на жизнь в своей родной деревне, решает покинуть поселок, где живет.

Наконец, русская партия и движение за сохранение национальных памятников. Такие группы, некоторые из них со временем стали насчитывать много участников, появились сначала в Москве, позже в других местах. Историки разделились во мнении о том, насколько важны были эти группы в контексте националистического возрождения. Они воздерживались от политических деклараций, но нет сомнений, что с самого начала большинство из них находилось под контролем русских националистов. Главная группа, основанная в 1965 году, праздновала шестисотлетие Куликовской битвы. Но была также встреча, посвященная борьбе Ленина против Троцкого, что не имело никакого отношения к сохранению памятников истории, но дало возможность обсудить вымышленные связи Троцкого с сионистским движением. Но так как они на самом деле не проявляли интерес к сионизму, реальным поводом, должно быть, был антисемитизм. В других случаях были организованы посещения группой западных окрестностей Москвы, где в 1941 году шли бои с немцами.

В ретроспективе могло бы показаться, что русская партия не достигла значительных успехов. Ее встречи всегда посещали одни и те же люди, и ее послание не достигало более широкой аудитории. Однако определенные литературные издания твердо находились в их руках, особенно ежемесячные журналы «Молодая гвардия» и «Наш современник». Первый склонялся больше к Сталину и сталинизму; последний просто выражал взгляды русского национализма. Так они могли достигать сотен тысяч читателей. Идеологические контрасты не исчезали, и были серьезные расхождения во мнениях, но казалось, что они не были непреодолимы. Анатолий Иванов, редактор «Молодой гвардии», участвовал в антирелигиозной пропаганде, тогда как «Наш современник», как орган писателей-«деревенщиков», поддерживал сближение с православной церковью и был

по сути антикоммунистическим. Даже такие на вид безобидные события как Куликовская битва, в которой Дмитрий Донской победил татар в четырнадцатом веке, могли вызвать конфликты. Ибо евразийцы хотели сотрудничества, а не борьбы с азиатскими соседями России, о которых они были очень высокого мнения: зачем же тогда праздновать войну, а не мирное сосуществование с самыми близкими партнерами России? До некоторой степени разногласия можно было попытаться скрыть, например, сделав Сталина русским националистом, который в действительности не был марксистом (что, на самом деле, было наполовину верно).

Эта тенденция к единству в рядах русской националистической партии продолжилась и стала еще сильнее при гласности; различия между (бывшими) коммунистами и крайне правыми стали исчезать, и часто было невозможно сказать, принадлежал ли определенный автор к одному лагерю или к другому.

С рассветом гласности русская партия смогла действовать открыто. Правда, обстоятельства не всегда были благоприятны. Советский Союз разваливался, как развалилась Российская империя. То, чего «собрание земель русских» достигло за столетия, исчезло за несколько месяцев. Различные путчи, попытки свергнуть новое правительство, потерпели жалкий провал. Но как раз из-за этих бедствий русская партия получила новый стимул, когда усилилось убеждение, что страну нужно спасти от полного крушения. И был только один способ спасти и восстановить империю, возратить как можно больше. Потому что как небольшая, незначительная страна, Россия не могла выжить. Ее единственная надежда состояла в том, чтобы появиться как великая держава с великой миссией.

Заново открытый Иван Ильин

«Элита без идеологии – угроза», написал Алексей Подберезкин в 2014 году, в первом номере этого года газеты «Завтра», органа русских крайне правых. Правильно ли это заявление, открыто для сомнения. В ее истории Россию постигали многие опасности и даже катастрофы, но большинство их было результатом переизбытка идеологии, а не ее дефицита. Если Подберезкин также не показал хорошего результата на президентских выборах, набрав только 0,1 процента, это было, вероятно, потому, что он предложил слишком много идей одновременно – смесь радикального национализма, православного христианства и постсталинистской доктрины. Более или менее та же самая смесь предлагалась и другими партиями, из-за чего избирателям было трудно решить, кого поддержать. Подберезкин был советником лидера коммунистов, но не членом

его партии, и избиратели, возможно, так и не смогли решить, был ли он консервативным революционером или революционным консерватором.

Но, конечно, верно, что до недавнего времени большинство российских политических партий пыталось не торопиться с решением. И идеологическое «меню» было таким богатым, что каждый мог подобрать в нем что-то привлекательное для себя. Но в последнее время поиск чего-то более определенного и материального перешел к лихорадочной активности. По инициативе президента Путина всем губернаторам и высокопоставленным политическим деятелям на государственной службе к Рождеству 2013 года разослали три книги: «Оправдание добра» Владимира Соловьева, «Философия неравенства» Николая Бердяева и «Наши задачи» Ивана Ильина.

Это тяжелая пища, и сомнительно, чтобы политики в любой другой стране сталкивались с такими требованиями. Все три автора – теологи, но книги, рекомендуемые Путиным, не имели дело с Богом или Сатаной.

Владимир Соловьев был автором конца девятнадцатого века, писавшим на многие темы, и он оказал сильное влияние как на своих современников (включая Достоевского), так и на последующие поколения. С его стихотворением «Панмонголизм» он мог бы считаться предшественником евразийства. Но он отнюдь не был очарован тем, что он называл Востоком Ксеркса. Он был религиозным мыслителем, но его позиция была экуменической – он выступал за примирение между Восточной церковью (православием) и католицизмом. Это не делало его популярным среди официальных православных кругов, отношение которых к другим христианским церквям было враждебным; и при этом им не восхищались и за его оценку православного антисемитизма как позора.

Николай Бердяев происходил из рода дворян, многие из которых были военными. Он принадлежал к поколению после Соловьева и умер в эмиграции в Париже вскоре после Второй мировой войны. Человек большой эрудиции, он был, без сомнения, самым известным на Западе русским религиозным мыслителем. Не имея вообще университетского диплома, он стал профессором в предреволюционной России, беспрецедентное достижение, и у него было мало равных в области российской интеллектуальной истории. Он был пассажиром печально известного «философского парохода», корабля, на котором сто шестьдесят российских интеллектуалов были высланы в Германию в 1922 году по приказу Ленина.

Но книга Бердяева, разосланная политикам, не была ни о христианской этике, ни о правде и откровении; это была защита экономического неравенства, что-то

в духе русского предшественника Айн Рэнд. Это удивительно по ряду причин. В свои молодые годы Бердяев был человеком левых взглядов (его даже отправили в ссылку на несколько лет), и как богослов, он, должно быть, знал Послание к Тимофею, 6:10, о жажде к деньгам как источнике зла, и притчу из Евангелия от Марка, 10:25, о богаче, верблюде и вероятности прохождения через игольное ушко. «Теория справедливости» Джона Ролза еще не была написана во времена Бердяева, но он должен был бы знать, что хотя передозировка равенства была плоха, но слишком большое неравенство тоже никак не могло бы стать решением проблемы. С другой стороны Путин, вероятнее всего, знал, что общая тенденция в мире стремится к чрезмерному неравенству, частично как результат глобализации.

Путин также должен был знать, что экономическое неравенство в России больше, чем во всех других развитых или полуразвитых экономиках. Приблизительно 110 российских граждан, как сообщают, контролируют 35 процентов богатств страны, в значительной степени включая деньги, сделанные в секторе природных ресурсов за последние двадцать пять – тридцать лет. Это стало не только важной политической проблемой, но и очень серьезной экономической проблемой, реальным препятствием для дальнейшего экономического роста. Потому что если богатство сконцентрировано в столь немногих руках, то и спрос будет ограничен. В таких обстоятельствах элементарный политический и экономический здравый смысл, казалось бы, диктовал бы стратегию более широкого распределения богатства. В книге Бердяева большое богатство Америки объяснялось ссылкой на неравенство собственности и дохода.

Третьим и вызывающим наибольшее беспокойство идеологическим авторитетом, рекомендованным Путиным, является Иван Ильин. Путин и его коллеги полагают, что долгий поиск новой доктрины закончился, и что в Ильине они нашли пророка, который мог бы представить их столь необходимую новую идеологию.

Ильин был известен среди российских эмигрантов в 1920-х и 1930-х годах, впоследствии был забыт и открыт вновь лишь только недавно. Широко переиздававшийся в последние годы, он часто цитировался Путиным в речах и статьях и также другими ведущими российскими фигурами, близкими к президенту. Как выразился российский министр регионального развития: «Востребованность его идей в сегодняшней России настолько сильна, что порой возникает ощущение, что Иван Ильин — наш современник».

Родившийся в Москве в 1883 году совсем близко от Кремля, Ильин происходил из дворянской аристократической семьи, многие из его предков служили в российской армии. Он изучал юриспруденцию в России и Германии (его мать была

русской немкой), и писал о Гегеле, Фихте и о философии права. В более поздние годы он занимался религиозными вопросами, и он тоже был пассажиром «философского парохода», на котором 160 нежелательных лиц были высланы из России в 1922 году. Ильин обосновался в Берлине, где работал в Русском научном институте, преимущественно как политический лектор и автор. Он был полностью предан борьбе против большевизма, в котором он видел самую большую опасность для человечества. Он был редактором-составителем «Мира на краю пропасти», сборника эссе, посвященных преступлениям большевиков; книга была переведена на несколько языков и широко распространена. Однако у Ильина все еще были трудности с Гестапо, его уволили с его должности в июле 1934 года, и для него оказалось почти невозможно найти себе работу как автор или как лектор. Это правда, что нацисты уволили его с работы; менее часто упоминается, что его место работы было частью министерства пропаганды Йозефа Геббельса. С помощью композитора Сергея Рахманинова он переехал в Швейцарию, где прожил до своей смерти в 1954 году. Путин лично инициировал перенос его праха в Россию, и в 2005 году Ильин с его женой были перезахоронены в Донском монастыре в Москве. За последние два десятилетия почти тридцать его книг были переизданы в России.

Что привлекает Путина и другие ведущие российские фигуры в творчестве Ильина? Каковы были его идеи для восстановления посткоммунистической России? Среди его поколения российских эмигрантов Ильин был одним из двух богословов/философов, посвятивших будущему России больше, чем просто шаблонные мысли. В то время как Георгий Федотов, выдающийся богослов и философ, был гуманистом и демократом, Ильин никогда не делал секрета из того, что он выступал за монархию и автократическую (но не тоталитарную) диктатуру. После Второй мировой войны Федотов опубликовал статью, которая утверждала, что царская Россия никоим образом не могла быть моделью для посткоммунистической России. Во что верила бы Россия, когда большевизм умрет, когда революция и контрреволюция закончатся? – спрашивал Федотов. Это был бы русский национализм, отвечал он, но какую форму он примет? На сегодняшний день, ответом, казалось бы, был бы Иван Ильин, но контрреволюция, возможно, еще не закончена. Ильин был единственным мыслителем, которого Путин цитировал в своих речах в качестве президента: в своих президентских обращениях в 2005 и 2006 годах и в выступлении перед Государственным советом годом после. В 2009 году Путин поехал в Донской монастырь, чтобы возложить цветы на могилу Ильина.

Ильин выступал за сильную центральную власть в посткоммунистической России с немногими правами для нерусских областей, таких как Украина или Кав-

каз, что может помочь объяснить его популярность среди современного российского руководства.

Особая форма солидаризма Ильина дошла до России через его влияние на организацию более молодого поколения русских эмигрантов, Национальный трудовой союз (НТС), который принял его как своего основного идеолога после Второй мировой войны. Когда некоторые из членов НТС возвратились в Россию после падения коммунизма, они принесли его идеи в Москву. Вероятно, что посланником был Александр Солженицын или кинорежиссер Никита Михалков («Утомленные солнцем» и «Сибирский цирюльник»), человек очень правых взглядов и сын поэта, написавшего советский гимн, который заменил «Интернационал».

«Господь наделил Ильина даром провидца», по словам российского министра регионального развития, высказавшего также убеждение, что пророчества Ильина по поводу распада СССР были такими же точными, как и его предсказания относительно враждебных попыток подорвать суверенитет России после конца Советского Союза.

Но не все идеи Ильина были такими же обольстительно влиятельными. В действительности некоторые были настолько неправильны, что вызывали смущение. «Что сделал Гитлер?», писал он. «Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе».

Ильин, другими словами, не предвидел, что вместо того, чтобы преградить путь большевизму, Гитлер открыл его, развязав Вторую мировую войну.

Ильин писал: «Европа не понимает национал-социалистического движения. Не понимает и боится. И от страха не понимает еще больше. И чем больше не понимает, тем больше верит всем отрицательным слухам, всем рассказам «очевидцев», всем пугающим предсказателям. Леворадикальные публицисты чуть ли не всех европейских наций пугают друг друга из-за угла национал-социализмом и создают настоящую перекличку ненависти и злобы. К сожалению, и русская зарубежная печать начинает постепенно втягиваться в эту перекличку; европейские страсти начинают передаваться эмиграции и мутить ее взор. Нам, находящимся в самом котле событий, видящим все своими глазами, подверженным всем новым распоряжениям и законам, но сохраняющим духовное трезвение, становится нравственно невозможным молчать. Надо говорить; и говорить правду. Но к этой правде надо еще расчистить путь...»

Ильин писал, что, хотя он и понимает эмоции немецких евреев, он полностью отказывается судить о национал-социализме и недавних событиях в Германии с их точки зрения: «Прежде всего я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких евреев, урезанных в их публичной правоспособности, в связи с этим пострадавших материально или даже покинувших страну. Я понимаю их душевное состояние; но не могу превратить его в критерий добра и зла, особенно при оценке и изучении таких явлений мирового значения, как германский национал-социализм».

Загипнотизированная либерально-демократическими представлениями, Европа была, по его мнению, ослеплена и не видела большевистской опасности.

По сей день европейское общественное мнение было не в состоянии понять, что национал-социализм это ни в коем случае не радикальный расизм, который не уважает закон, утверждал Ильин: «До сих пор европейское общественное мнение все только твердит о том, что в Германии пришли к власти крайние расисты, антисемиты; что они не уважают права; что они не признают свободы; что они хотят вводить какой-то новый социализм; что все это «опасно» и что, как выразился недавно Георг Бернгард (бывший редактор «Фоссише Цейтунг»), эта глава в истории Германии, «надо надеяться, будет короткой»... Вряд ли нам удастся объяснить европейскому общественному мнению, что все эти суждения или поверхностны, или близоруки и пристрастны. ... Дух национал-социализма не сводится к «расизму». Он не сводится и к отрицанию. Он выдвигает положительные и творческие задачи. И эти творческие задачи стоят перед всеми народами. Искать путей к разрешению этих задач обязательно для всех нас. Заранее освистывать чужие попытки и злорадствовать от их предчувствуемой неудачи – неумно и неблагородно. И разве не клеветали на белое движение? Разве не обвиняли его в «погромах»? Разве не клеветали на Муссолини?»

Подведем итог: Ильин был не нацистом, а сильным сочувствующим, который совершенно неверно оценил сущность нацизма. Его политическое суждение было абсолютно глупым. Он ничего не знал о расизме Гитлера или не заметил его враждебности к России или тот факт, что Гитлер считал русских неполноценными. И он не понимал, что нацизм двигался к войне против России, и что побуждения его вовсе не были преимущественно идеологическими. Ильин хотел и готов был принять всех антикоммунистов. Но для Гитлера коммунизм не был такой большой угрозой; его пропаганда в этом отношении была сознательной дезинформацией. В какой-то степени он восхищался Сталиным. Он хотел захватить Восточную Европу и Россию и доминировать там.

Ильин сурово атаковал «еврейскую буржуазную прессу» Веймарской Германии, которую он обвинял в просоветской позиции и в том, что она никогда не рассказывала правду о России. Это правда, что газеты того периода в Германии были иногда некритическими, но их грехи ошибок и упущений были действительно совсем маленькими по сравнению с фундаментальными ошибками Ильина, на самом деле, с его фанатизмом.

Что можно сказать в защиту Ильина? Не очень много, кроме, возможно, того, что эти строки (и другие в подобном духе) были написаны рано, еще в 1933 году. Но все еще остается верным, что, будучи монархистом, он считал нацизм положительным явлением, который с некоторыми изменениями и корректировками мог бы служить моделью для будущей России.

Изменил ли он свои взгляды после войны? Да, но не сильно. Он предпочитал комментировать фашизм вообще, не нацизм в частности. В статье, опубликованной в 1948 году, он утверждал, что фашизм был неизбежен, ввиду левого хаоса и тоталитаризма в Европе. Здоровые силы должны были восстановить свои позиции, точно так же как диктатура в Древнем Риме в чрезвычайных ситуациях. Это произошло в Европе после Первой мировой войны и может произойти также и в будущем. Фашизм был прав, поскольку он искал справедливых социально-политических реформ, и поскольку он основывался на патриотических чувствах, без которых не может выжить ни один народ. Однако фашизм совершил несколько глубоких, серьезных, фатальных ошибок, которые вызвали его крах. Ильин перечислил шесть из них, но первая была решающей.

Фашизм не был религиозным, в действительности он был враждебен христианству. Это породило правый тоталитаризм, в то время как монополия политической партии создала деморализацию и коррупцию. Он также стал шовинистическим и впал в «идолопоклоннический цезаризм».

Так как Ильин был очень религиозным человеком, безрелигиозность фашизма была для него решающей. Но не все фашизмы были антирелигиозными: только в нацистской Германии было вмешательство в церковные дела и иногда преследование. Ничего подобного не происходило в Италии или других фашистских странах и движениях. В некоторых случаях было довольно тесное сотрудничество между (фашистским) государством и церковью.

Приводит ли создание единственной партии к деморализации? Подобные вопросы возникали и относительно других перечисленных пунктов. Ильин полагал, что все отклонения, извращения, преувеличения и ошибки были ненужными. Бенито Муссолини понимал, что нуждался в церкви, но Гитлер с его вульгарным

атеизмом не понимал, что двигался по стопам Антихриста. И при этом не было необходимо устанавливать партийную монополию. [Прим. ред. ВС: Об отношении национал-социалистов к христианству читайте: Томас Д. Шварц. Как национал-социалисты относились к христианству. Статья в The Barnes Review, ноябрь/декабрь 1999 года, стр. 55-57. Русский перевод этой статьи будет вскоре опубликован на сайте «Велесова Слобода».]

Обожествление цезаризма (Ильин, вероятно, имел в виду «Führerprinzip», низкопоклонство перед вождем) [Прим. ред. ВС: Дословно «Принцип вождизма». Читайте на эту тему [Хрестоматию по вождеведению под ред. В.Б. Авдеева.](#)] было самой большой ошибкой. Это полностью противоречило монархизму и неизбежно привело к деспотизму, отрицанию свободы и терроризму. Цезаризм является безнравственным, жестоким и демагогическим, он презирает людей и демонстрирует пренебрежение законами и индивидуальными правами. Франсиско Франко и Антонио де Оливейра Салазар поняли это и не называли себя фашистами, предполагал Ильин. Фашизм не должен вести к мании величия и к чрезмерной гордости и чувству превосходства, что вызвало бы его изоляцию и, в конечном счете, его крушение.

Ильин выражал надежду на то, что русские фашисты вынесут урок из ошибок своих предшественников и не повторят их, что фатальным образом дискредитировало бы патриотическое дело. Даже после Второй мировой войны Ильину было трудно увидеть различие между ошибкой и преступлением, различие, которое он должен был знать.

В некоторых моментах взгляды Ильина к 1948 году изменились. Монархизм, который он проповедовал перед Второй мировой войной, был не конституционной монархией, скажем, Соединенного Королевства, Швеции или Нидерландов, но эквивалентом авторитарной диктатуры. Ильин никогда не был фашистом, но в период между войнами он двигался в этом направлении. Его взгляды на монархию после 1945 года стали более неопределенными. Термин «авторитарный» все еще использовался, но диктатура приобрела плохую репутацию и была отброшена. Но так как он все еще был настроен против демократического порядка, какова могла бы быть политическая система будущей России?

Представления Ильина о социальной и экономической политике никогда не были понятными: это действительно была не его область. Он был солидарист своего рода, но что такое солидаризм? Это означало разные вещи в разных странах в разное время. Это слово впервые появилось во Франции, нашло своего самого видного выразителя в австрийском ученом [Отмаре Шпанне](#), и также имело под-

держку во многих других странах, возможно, наиболее значительно среди левых католиков.

Солидаризм был против аномии и разрыва общественной сплоченности и связей. Он не соглашался с социализмом, но также и с теоретиками свободного рынка; какая-то высшая власть была необходима, чтобы контролировать рынок и тех, кто получил самую большую прибыль из него. Рынку нельзя было доверять решение всех проблем, и уж точно – не решение самых важных.

Фашизм играл с солидаризмом, но никогда не принимал его полностью. Шпанн надеялся, что его идеи будут приняты новыми правителями в Германии, но у нацистов не было такого намерения. Они вместо этого арестовали Шпанна и уволили его с его кафедры в Венском университете. Солидаристы были против традиционного социализма, но также и против неконтролируемого государством капитализма свободной конкуренции. Существующей (капиталистической) системе нужно было, по их мнению, позволить работать, пока она поставляла товары, но только под контролем и наблюдением. Солидаристы предпочитали (и продолжают предпочитать) оставаться неопределенными: государство должно быть главным, не рынок.

Неопределенность в этой важной области, однако, не препятствовала росту репутации Ильина в России. Он стал великим авторитетом, к которому прибегают чаще, чем к любому другому, какова бы ни была тема. Само собой разумеется, иногда была и критика, и возражения. Богословам не нравилось то, что Ильин всегда говорил и писал о Боге – но очень редко о церкви. Бердяев и другие критиковали его еще в 1920-х и 1930-х годах; на их взгляд мировоззрение Ильина в действительности не было христианским, не говоря уже о православном. Он использовал христианство, чтобы подкреплять свои политические аргументы, убежденный в том, что его взгляды правильны, и никакие другие представления не заслуживали доверия.

Самые сильные нападки на Ильина, однако, исходили от самых радикальных голосов в среде русской эмиграции. Одним из них был Виктор Острецов, русский эмигрант и специалист по жидомасонству (коварному заговору евреев и «вольных каменщиков», который был ведущей силой за мировой политикой и всем злом во вселенной). Согласно Острецову, Ильин был вовсе не монархистом или христианином, но агентом евреев и масонов. Доказательства найти было легко: если бы он был настоящим врагом большевиков, то его место не было бы на пароходе с высланными философами, его сослали бы в Сибирь или расстреляли. Когда он приехал в Берлин, он принадлежал к обществу российских философов, вместе с Бердяевым, который для последователей русских ультрапра-

вых был даже более подозрительным, чем Ильин, и Семеном Франком, крещеным евреем. Нужно сказать что-то еще? Штаб этого общества был в здании, которое принадлежало еврейской масонской ложе «B'nai B'rith» («Бнай Брит»), которая предоставила это помещение интеллектуалам-эмигрантам в начале их пребывания. Мы не знаем, посещал ли Ильин когда-либо это здание в Берлине. Но стоит задуматься над тем, что такая последовательность обстоятельств, возможно, не была случайна.

Атаки Острецова и аналогично мыслящих психов не поколебали авторитет Ильина в современной России. Зачем же тогда об этом упоминать? Потому что это показывает, что безумие и мания преследования, упомянутые ранее среди современных авторов в России, не появились внезапно, как гром среди ясного неба. У них были свои предшественники. Невозможно сказать, как далеко этот недуг распространится или уже распространился.

8. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И НЕФТЕГОСУДАРСТВО

В течение долгого времени главной заботой российских политиков, как и остальной части страны, были вопросы внутренней политики. Пока не было минимальной стабильности дома, не было ясно, кто управлял страной, пока экономика не функционировала, по крайней мере, в некоторой степени, Россия была объектом политики, а не нормальной державой, преследующей свои собственные интересы. Горбачев и Ельцин также вели переговоры с иностранными государствами, но их главной целью, как они это видели, должно было быть ограничение понесенного ущерба; российская экономика рухнула, и страна срочно нуждалась в иностранной помощи. Изменения происходили лишь постепенно, уже после нескольких лет правления Путина как президента. Путин обеспечил минимум стабильности, которая была необходима, но одного этого не было бы достаточно. Это стало не результатом духовного пробуждения или того, что Россия внезапно возвратила свою уверенность в себе и понимание своей цели. Это произошло по более прозаичным причинам – из-за растущего спроса на мировом рынке на нефть и газ и сильно увеличившихся цен, которые платили за это сырье. За несколько лет Россия оказалась поразительно более богатой. Если бы вместо Горбачева и Ельцина (или другого члена партии реформ) к власти пришел, например, Егор Лигачев, когда-то главный соперник Горбачева, то и он извлек бы пользу из этого изменения к лучшему. Коммунистическую партию и ее вождей в 2005 году хвалили бы за достижение этого резкого улучшения благосостояния страны. Советский Союз все равно распался бы, потому что система была полностью гнилой, и падение режима, возможно, произошло бы с еще более разрушительными последствиями. Но это, возможно, произошло

бы только два или три десятилетия спустя, в мировой ситуации, очень отличающейся от ситуации 1991 года.

Поразительные ошибки преобладали как на Западе, так и на Востоке относительно событий, имевших место в Советском Союзе, частично потому, что все произошло так неожиданно.

В Вашингтоне и европейских столицах было огромное облегчение из-за того, что Холодная война закончилась. Если это и не интерпретировалось как конец истории, то, конечно, рассматривалось как рассвет новой мирной эры. С Россией на пути к демократии опасность войны была устранена, военные бюджеты можно было радикально уменьшить, и страны Запада могли, в конце концов, посвятить свои усилия и ресурсы вопросам внутренней политики, которыми так долго пренебрегали. Большинство наблюдателей следило за событиями в бывшем Советском Союзе со смесью доброжелательности и постоянного падения интереса. Некоторые западные наблюдатели думали, что путь России к свободе и демократии будет долгим и трудным, но это отнюдь не было мнением большинства. Даже с помощью ретроспективного взгляда трудно объяснить этот неоправданный оптимизм; учитывая прошлое и настоящее положение России, это крылось в принятии желаемого за действительное. Очень немногие рассматривали вероятность того, что потеря империи, возможно, не была концом истории и что, как довольно часто происходит в истории, будет предпринята попытка вернуть потерянное.

Нужно было вспомнить немецкий прецедент: полностью побежденная в 1918 году и бессильная Германия смогла возвратиться как великая держава всего за пятнадцать лет. Нужно было понять, что, когда возникли новые напряженные отношения, они не были вызваны Путиным и КГБ. Как и немцы в начале 1930-х, так и большинство русских хотело не только хорошей жизни, но и быть частью великой державы, если возможно – сверхдержавы. Было бы неправильно обвинять российских лидеров в том, что они держали свои истинные намерения в секрете. Были жалобы даже со стороны Горбачева и Ельцина, что от Запада ожидалось так много, и что на советские уступки не ответили взаимностью в 1990-х годах. Запад предпринял такие шаги (например, расширение НАТО на Восток), которые в Кремле рассматривались как провокация.

Некоторые из этих жалоб было трудно понять, например, относительно чисто оборонительных мер Соединенными Штатами (таких, как установка радаров и некоторых других компонентов противоракетной обороны в Восточной Европе, чтобы иметь возможность справиться с иранской угрозой). Но Запад оказался не в состоянии принять во внимание традиционные российские страхи и подо-

зрения. Как бы то ни было, это неправда, что российские лидеры не смогли ясно дать понять свою позицию. Это было сделано, возможно, наиболее четко в некоторых речах Путина. Но примерно до 2003 года ключевыми словами, что касалось американо-российских отношений, были дружба, сотрудничество, взаимные обязательства, свободная повестка дня, равновесие, двустороннее, прагматичное и так далее.

Люди в Москве ожидали помощь от Запада, но не было ясно, как Запад мог бы помочь, кроме поддержки Всемирного банка. Но также было подозрение, что Запад, мол, воспользовался в своих интересах слабостью России. Некоторые пошли дальше и выражали убеждение, что и падение Советского Союза было спланировано западным империализмом. Западофобия (страх перед Западом) стремительно возросла в России. Существовала укоренившаяся убежденность, что любая инициатива, которая была хороша для Запада, обязательно должна была быть вредной для России и поэтому должна была быть отклонена. Крайне правые, возникшие как сила, с которой надо было считаться в Москве, молились о возобновлении Холодной войны. Россия не раз стояла перед банкротством в 1990-х годах, и экономика рухнула бы, если бы не западная финансовая помощь. Но этот факт редко упоминался, если вообще когда-либо упоминался российскими лидерами.

Во время этого периода Соединенные Штаты все еще иногда упоминались как «стратегический партнер». Руководители России чаще упоминали страны BRIC (БРИК: Бразилия, Россия, Индия, Китай) как своих новых любимых партнеров. К этому на Западе отнеслись не слишком серьезно, потому что страны БРИК имели между собой мало общего как с политической точки зрения, так и в экономике, и при этом у них не было и большого интереса к тесному сотрудничеству с Россией. Кроме того, некоторые из них столкнулись с серьезными внутренними и/или экономическими проблемами.

Эта российская позиция нашла свою сжатую формулировку в полемической речи Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года. Это была сильная атака на однополярный мир – под которым имелись в виду Соединенные Штаты, оставшиеся единственной сверхдержавой в мире. Под прикрытием распространения демократии, Соединенные Штаты использовали свои войска во всем мире, подвергая тем самым мир опасности.

Некоторые западные лидеры были потрясены жестким тоном; они должны были быть благодарны Путину за прояснение ситуации. Они должны были знать, что, как выразилась Ангела Меркель в разговоре с президентом Бараком Обамой во время Украинского кризиса, Путин живет в другом мире. Это было верно. Одна-

ко они ошиблись в предположении, что их вселенная была нормой, а вселенная Путина – устаревшим исключением. Они также ошиблись в своей вере в то, что с учетом ее демографической и других слабостей Россия больше не была важна; это было, вероятно, верно с долгосрочной точки зрения, но это было неправильно относительно следующего одного или двух десятилетий, с учетом слабости Европы и очевидного желания Америки сократить свою активность в международных делах после Афганистана и Ирака. Что касается Вашингтона, то Россия все еще имела возможность причинить немало вреда.

Путин сделал соответствующее предупреждение. Почему европейцы не вкладывали больше капитала в российскую экономику? Он, возможно, обвинил бы китайцев даже больше, когда они бросили трезвый взгляд на российскую экономику и решили не вкладывать в нее свои деньги, но этого он не мог сделать. Он бранил Запад за его «колонизаторскую позицию». Он выражал свой гнев и по различным другим поводам. И это не было настроением только одного человека: у него была поддержка общественного мнения, большинства людей. Это нашло свое выражение во множестве политических документов, таких как «Новая концепция внешней политики России» (2013) и «План обороны» (новая военная доктрина 2010 года). Эти документы были едва замечены на Западе на том основании, что, мол, если бы в российских взглядах и произошли важные изменения, то они едва ли обсуждались бы в подробностях в официальных документах такого рода.

Но в данном случае Кремль был довольно откровенен. Он подчеркивал смещение центра глобальной силы с Запада на Восток, из Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион. Если предыдущие такие документы (2005-2006) обсуждали потребность устранения остатков отношений Холодной войны, то теперь это было проигнорировано. В более ранних документах рассматривалась возможность взаимодействия с НАТО, но и это тоже больше не было частью повестки дня. Вместо этого больший приоритет приобрела необходимость установления более тесных отношений с Китаем и Индией. В отличие от изоляционистских тенденций в американской и европейской внешней политике, российская внешняя политика становилась более экспансионистской, нечто, что многие на Западе оказались не в состоянии увидеть. Неожиданно появились новые проблемы и новые возможности, включая интерес к Арктике и Антарктике. Так как Россия стала сильнее, она могла брать на себя инициативу в различных направлениях.

Российские творцы внешней политики, само собой разумеется, не стали бы открыто обсуждать все свои проблемы внешней политики; у гласности были свои границы. По крайней мере, некоторые из них должны были знать, что вся

евразийская концепция была сомнительной и несерьезной (как выразился один видный британский дипломат). Россия была частью Азии, но не очень важной и желанной, и страны Азии не ждали, затаив дыхание, ее появления там. Россию в Азии вовсе не приветствовали с большим энтузиазмом; азиаты считали ее, по существу, европейской страной.

Кроме того, сдвиг с Запада на Восток в мировой политике вызывал, с российской точки зрения, смешанные чувства. Если Россия не будет действовать с большой осторожностью, то она в результате превратится в младшего партнера, заняв подчиненное положение относительно Китая. В своем гневе в адрес Запада Россия испытывала сильное желание проигнорировать это обстоятельство, учитывая свою традиционную подозрительность к западной политике. Российские эмоции легко могли победить трезвые критические суждения. Это была старая история российских политиков, обнаруживающих угрозы там, где их не было, или там, где они не были очень важны. Возможно, это было неизбежно, вероятно, Россия нуждалась в уроке того, как быть младшим партнером, чтобы освободить себя от концепций и предубеждений прошедшей эпохи?

Если у евразийской концепции была, по крайней мере, слабая основа в геополитических терминах, то что можно сказать об ориентации на страны BRIC (БРИК, позднее, с присоединением Южной Африки – БРИКС)? В российском концептуальном документе об участии Российской Федерации в БРИК было много страниц о большой выгоде стратегических целей такого союза, о мощной поддержке общепризнанных принципов и норм международного права, о том, что Российская Федерация выступает за позиционирование БРИК в мировой системе как новой модели международных отношений, перекрывающих старые разделительные линии между Западом и Востоком, и Севером и Югом. Декларации такого рода свидетельствовали о том, что российские дипломаты хорошо выучили политическую напыщенную белиберду ООН. Но какое отношение все это имело к реалиям мировой политики? Какую стратегическую выгоду могла бы получить Россия от тесного сотрудничества с Бразилией и Южной Африкой?

Реальностью мировой политики было ухудшение отношений с Соединенными Штатами. Украина была постоянным яблоком раздора еще задолго до Крымского кризиса 2014 года. Еще были Грузия, Сирия, убийство Александра Литвиненко в Соединенном Королевстве, судьба некоторых усыновленных российских детей в Соединенных Штатах, иранская ядерная бомба, и статус невозвращенца, предоставленный в Москве [Эдварду Сноудену](#) (американский разоблачитель тайн, которому Путин лично сказал, что в России такие методы не применялись). Эти и другие раздражители запутывали отношения между этими двумя странами.

Президент Барак Обама был все еще умеренно оптимистичен, говоря о перезагрузке в отношениях и обещая президенту Дмитрию Медведеву, что, если и когда он будет переизбран на второй срок, он сможет посвятить намного больше энергии этой перезагрузке, чтобы улучшить отношения. Но все это окончилось ничем. Русские попытались объяснить американцам, что их концепция (суверенной) демократии – с акцентом на суверенность, а не на демократию – отличалась от западных и особенно американской концепций. «Суверенная демократия» была изобретением Владислава Суркова, ведущего генератора идей в Кремле и также лучшего пиарщика (эксперта по связям с общественностью) России; не просто так он был раньше президентом всероссийского рекламного агентства.

Что касалось русских, то для многих из них демократия означала беспорядок, если не хаос. Российская система должна была быть авторитарной, по крайней мере, до некоторой степени, и занудливо твердить о демократических ценностях и правах человека при этих обстоятельствах было бессмысленно и контрпродуктивно. Но в Вашингтоне и столицах других западных государств в течение долгого времени это не учитывали. Возможно, это и не могло бы быть принято, хотя бы только потому, что это было необходимо как противовес против постоянной антиамериканской пропаганды в российских СМИ.

Россия и европейские ультраправые

Почему российские отношения с Западом разладились? Российская версия, опубликованная Максимом Братерским в «Global Affairs» (2014), интересна и на первый взгляд, по крайней мере, частично вероятна. Она определенно представляет отличительные признаки идей, лежащих в основе проведения российской внешней политики в настоящее время и в будущие годы.

Рассуждения в этой статье вкратце выглядят так: президентские выборы в России в 2012 году были водоразделом в отношениях между Россией и остальной частью мира. Интеграцию в западные структуры как идеологию заменили сохранением независимости России и поворотом к партнерам на Востоке и Юге. Цель растворения российской национальной экономике в мировом рынке была заменена на обеспечение реиндустриализации страны, что должно было заложить основу ее экономической независимости, и создание собственной экономической ассоциации.

Стратегия поиска компромиссов с западными лидерами уступила место реструктурированию мировой системы в сотрудничестве с незападными странами, где

Россия стала бы одним из лидеров. В философии внешней политики России ценности наивного либерализма 1990-х были заменены идеями реализма и этатизма (государственничества). Вакуум в идеологии внешней политики России был заполнен идеей собирания Русского мира и приоритета защиты традиционных христианских ценностей. Это развитие было более или менее неизбежным, потому что Запад считал, что Россия проиграла Холодную войну, и с самого начала проводил антироссийскую политику. Он хотел превратить Россию в полуколонию, технологически и финансово зависимую от Запада.

Запад был решительно настроен против сохранения в России политического режима, который мог сконцентрировать ресурсы в политически приоритетных областях. В 2000-х годах такая форма интеграции перестала удовлетворять Россию, и она подняла вопрос о «большой сделке», включая (среди прочего) безвизовый режим между Россией и ЕС. В середине 2000-х ЕС начал ограничивать российскому капиталу возможности для инвестиций в производство в Европе.

Противоречия между Западом, прежде всего Соединенными Штатами, и Россией достигли кульминации в 2008 году после грузино-российского конфликта, спровоцированного Атлантическими инициативами и тупиком на переговорах относительно соглашения о стратегическом сотрудничестве между Россией и ЕС. В 2009 году, после встречи на высшем уровне G20 в Лондоне, Россия пришла к выводу, что существующая финансовая и денежная система, контролируемая Западом, противоречит ее интересам. Идея интеграции с Западом была окончательно отодвинута на второй план из-за информационной войны, начатой Западом против Олимпийских игр в Сочи, Сирийского кризиса, и острого конфликта, вспыхнувшего в Украине.

Эта самая краткая схема российской версии событий. Она вызывает много вопросов. Например, беспристрастным читателям было бы интересно знать, каким образом эти две войны, в которые Россия ввязалась на протяжении последнего десятилетия – против Грузии и Украины/Крыма, защищали христианские ценности, как утверждал Кремль. Они могли бы захотеть больше узнать об «информационной войне» в связи с Зимними олимпийскими играми и о том, могло ли «собирание» быть синонимом для империализма. Но такие споры по мелочам, однако, не сильно помогут нам продвинуться в понимании доктрины, лежащей в основе российской внешней политики.

Действительно интересный аспект – хронология, или скорее хронологическая последовательность, событий. Если статья Братерского утверждает, что фундаментальное изменение в российской политике произошло в 2009 или самое позднее в 2014 году, то статья Юрия Афанасьева, опубликованная в

«Perspective» в феврале 1994 года и названная «Новый российский империализм», предлагает другой хронометраж и объяснение, основанное на официальной «Военной доктрине России» 1993 года. Среди основных принципов эта доктрина упоминает сильную Россию как самого эффективного гаранта для всей территории бывшего Советского Союза; предположение об ее роли миротворца на всех территориях; обязательство защищать русских в ближнем зарубежье; противостояние расширению НАТО; и защиту российских интересов дома и за границей. Это, как говорит автор, могло быть обоснованно, но это вызвало беспокойство, потому что статья указывает, что российские интересы распространяются не только на всю территорию бывшего Советского Союза, но также и на страны бывшего «социалистического лагеря», даже если те считают, что они освободились от контроля Москвы и не имеют никакого желания возвращаться к нему.

В 1990-х Россия была не раз близка к банкротству, и ее положение не было достаточно сильным, чтобы преследовать свои цели. Она зависела от финансовой помощи Запада через Всемирный банк. Но в последующие годы, после резко увеличившегося спроса на нефть и газ, изменение в ситуации позволило Кремлю проводить более агрессивную политику. Автор также упоминает предположение, что этот план действий определялся, по крайней мере, в некоторой степени, со стороны властей чувством «потери бывшего величия» и страданием от комплекса неполноценности. Это голос страны, которая «чувствует себя теперь обиженной и оскорбленной, когда к ней больше не прислушиваются, как в старые времена». Короче говоря, никакой разительной перемены в 2008 или 2010 годах не было, было лишь изменение обстоятельств, позволившее России преследовать свои внешнеполитические цели.

Эти комментарии представляют интерес, частично потому, что они были пророческими, а также потому, что они важны для решения вопроса о том, не могла ли бы другая политика Запада предотвратить настоящие и будущие напряженные отношения с Россией. Это возможно, что Запад мог бы помочь России вернуть свою бывшую позицию сверхдержавы, даже если бы это означало действовать против пожеланий регионов и республик, которые не хотели быть частью Советского Союза; но не ясно, почему он должен был так поступать. Больше того, учитывая глубокую подозрительность России по отношению к Западу, российские «ультра», вероятно, посчитали бы, что такая западная помощь была каким-то скрытым, непостижимым способом направлена на причинение вреда России. Любая поддержка, предлагаемая Западом, была априори подозрительной.

Если отношения между Россией и Соединенными Штатами ухудшились после 2006 года, чтобы достичь низшей точки в 2014 году с Крымским/Украинским кризисом, то подобный процесс был и в отношениях с Европейским союзом. Европа, в отличие от Америки, в большой степени зависела от российских энергоресурсов и от российского импорта из Европы, особенно предметов роскоши. Русские могли угрожать Европе всеми видами контрмер, но не слишком резко. Ведь прерывание поставок газа и нефти немедленно уменьшило бы российский доход и побудило бы Запад в долгосрочной перспективе уменьшить свою зависимость от российской нефти и газа.

Европейские инвестиции в Россию также оставались значительно ниже российских ожиданий, частично из-за сомнений относительно здоровья российской экономики, но также и из-за политической неуверенности. Были частые раздражения. Русские были недовольны ситуацией с Косово, британцы жаловались, что Москва отказалась выдать человека, который, как предполагалось, был связан с убийством Александра Литвиненко, перебежчика из КГБ. У России были большие надежды на отношения с Германией, ее историческим партнером во многих предприятиях. Произошедшее между 1941 и 1945 было прощено; у Путина были хорошие воспоминания о годах, проведенных им в Саксонии. Герхард Шрёдер, бывший федеральный канцлер Германии стал служащим «Газпрома», ведущей российской нефтегазовой компании. Шредер заявил, что Путин был 100-процентным демократом, заявление, которое, вероятно, немного смутило самого Путина, потому что он очень старался дать понять, что он был суверенным демократом, а не демократом в западном смысле. Нет причины сомневаться в заявлении Шрёдера о том, что он и Путин являются близкими друзьями. Но не мог ли тот факт, что он был устроен на работу русскими, тоже иметь некоторое значение?

Европейские интересы, касательно отношений с Россией, не были идентичны с американскими. Даже помимо зависимости Европы от российских энергоресурсов (приблизительно одна треть от полного спроса), у европейских стран традиционно были более близкие торговые отношения с Россией. Поэтому неудивительно, что некоторые европейские страны дистанцировались от определенных американских инициатив относительно России, посчитав их слишком резкими и агрессивными. Введение санкций после Крымского/Украинского кризиса было одним примером, но были и другие. С другой стороны, в Европе не было никакого единодушия; страны, находящиеся ближе к России, такие как Польша и государства Балтии, чувствуют себя под более непосредственным российским давлением и поэтому хотят большей защиты. В то же самое время ни одна евро-

пейская страна не хотела полностью порвать с американской внешней политикой. Россия попыталась максимально использовать разногласия между Европейским союзом и Соединенными Штатами, но с ограниченным успехом. Потому что если в России были укоренившиеся подозрения в отношении внешнего мира, то и в Европе тоже не было никакой большой веры в российские намерения. Подозрения усиливались всякий раз, когда Россия действовала вызывающе даже в сравнительно незначительных проблемах, таких как российская кибератака на Эстонию. Россия рассматривала Европу как континент, находящийся в состоянии упадка, но полностью списывать Европу было нельзя ввиду ее экономической важности. У России были очевидные плохие предчувствия относительно европейских планов достигнуть большей интеграции, будь то посредством создания европейской армии или введения общеевропейской внешней политики или одобрения общей энергетической политики. Объединенная Европа означала бы более сильную Европу, а это было тем, чего меньше всего хотела Россия. Разделенная Европа означала более слабую Европу и больше возможностей для России настраивать одну европейскую страну против другой.

До кризиса 2014 года было несколько попыток со стороны ЕС привлечь Россию ближе к Европе. Самым честолюбивым был проект медиамагната Сильвио Берлускони сделать Россию полноправным членом Европейского союза. Берлускони, который три срока был премьер-министром Италии, установил близкие личные отношения (как он верил) с Путиным, но его постоянные проблемы с законом в Италии лишили его возможности реализовать свой проект. Более скромными были проекты, нацеленные на ENP (Европейская политика соседства) и общие экономические и другие пространства. Но Россия не одобряла проекты такого вида; она предпочитала, чтобы Европа присоединилась к ее собственной любимой схеме – Евразийскому союзу. Но к этому у Европы был очень небольшой интерес.

Кроме того, Россия выращивала несколько потенциальных «троянских коней» внутри самого Европейского союза. Это касается в первую очередь Венгрии, где антидемократическая политика стала новой официальной государственной доктриной, и Греции, которая идеологически не является особенно близкой к новой России, но пребывает в почти отчаянном поиске друзей и сочувствующих ввиду ее слабой экономики и больших внутренних трудностей. Это относится в особенности к Болгарии, где пророссийское правительство Пламена Орешарского – состоящее из коалиции бывших левых и праворадикальных партий, чрезвычайно коррумпированное по любым стандартам – умудрилось удержаться у власти больше года в 2013-2014 годах. Поиск Россией союзников понятен, как и тот факт, что она не может позволить себе быть при этом особо разборчивой.

Но все равно примечательно, что результатом этого поиска стала кучка наименее привлекательных сил во всей Европе.

Путь от классовой борьбы до солидаризма, от исторического материализма до философии идеализма, от воинственного атеизма до православной церкви, от пролетарского интернационализма до непоколебимого национализма и шовинизма кажется долгим. Но, как показала Россия, переход отнюдь не невозможен, и он достижим даже за короткий промежуток времени.

Когда-то давно существовал Коммунистический интернационал, и Москва могла рассчитывать на сочувствие и поддержку левых радикалов в Европе. Но те дни прошли, вероятно, навсегда, и если Россия хочет найти союзников в Европе, то она должна смотреть в другом направлении. Как высказал это Сергей Бабурин, вице-председатель российской Думы и один из лидеров крайне правых, сжато и точно, если и несколько резко, в интервью с Сергеем Рязановым в «Свободной прессе», названном «Наша пятая колонна в Европе», у России есть сильные потенциальные союзники в Европе, а именно, силы правых радикалов. Старый лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», был заменен на «Националисты всех стран, соединяйтесь». Они настроены против США, против Европы (ЕС) и против НАТО, и можно рассчитывать на их поддержку России различными способами.

Эта идея приходила на ум российским лидерам в течение многих лет, по мере того как российская внутренняя и внешняя политика становилась все более правой и националистической, как идеологически, так и в политической практике. До левых европейцев, особенно коммунистов и бывших коммунистов, понимание этого доходило очень медленно. Некоторые из них все еще думали о Москве как об оплоте прогрессивного человечества, социалистической по ориентации. Почему это произошло, объяснить нелегко. Вероятно, частичной причиной было подлинное неведение об изменениях в России; но частично такое нежелание принять эти события, возможно, объяснялась психологическими мотивами, будучи простым принятием желаемого за действительное.

Лидеров европейских правых радикалов приглашали в российскую столицу задолго до интервью Бабурина. Французскому Национальному фронту даже дали российскую ссуду, чтобы финансировать его кампанию. По мере того, как поддержка этих политических деятелей и идеологов (некоторые из них были весьма близки к неонацизму) стала более сильной, в значительной степени как результат растущего отвращения по отношению к Брюсселю, европейские ультра-националисты приобрели политическую важность. Европейских поклонников Путина привлекали его религиозная склонность и его имидж критика таких де-

кадентских западных особенностей как гомосексуализм, и, конечно, ведущего противника Америки.

У России и европейских правых экстремистов, конечно, есть общие враги, но до какой степени у них есть общие ценности и взгляды? Было бы слишком поверхностно выбросить из головы этот новый перспективный союз как чистый «брак по расчету». Россия действительно сместилась вправо и в значительной степени даже очень далеко вправо. Как далеко она туда, в конце концов, сместится, покажет только будущее. Но так как в современном мире консерватизм в старом духе больше не очень привлекателен (или эффективен), он нуждается в хорошей порции популизма, и это обязательно приведет его достаточно близко к фашизму. Мог ли бы он справиться в долгосрочной перспективе без единственной государственной партии, без вождя и культа лидерства, без мощной пропагандистской машины и репрессий? Только если он окажется очень успешным и популярным. Но в долгосрочной перспективе это вовсе не является бесспорным.

Союз между Россией и европейскими правыми никоим образом не беспрецедентен. Он был частью европейской политики в течение столетия – от Венского конгресса (1814-1815) до русской революции. Советская связь с европейскими ультралевыми была более кратковременной.

Россия всегда искала друзей и агентов влияния в Европе, главным образом, чтобы украсить свой имидж в Европе, который не была настолько хорош, как она хотела. В начале девятнадцатого века перспектива, по мнению Москвы, была многообещающей: Россия победила Наполеона, антинаполеоновские силы, националисты и патриоты – особенно немцы, такие как барон Генрих фон унд цум Штейн; Карл Август фон Гарденберг; граф Иоганн Людвиг Иорк; граф Август Нейдхардт фон Гнейзенау; и Эрнст Мориц Арндт, которые собирались в России или сотрудничали с русскими. Но вскоре после этого началось обратное движение. Россия означала угнетение. На многих конференциях (Ольмюц, Карлсбад) она координировала запрет на свободу выражения. Российские агенты влияния, такие как Август фон Коцебу и Леопольд фон Герлах, действовали в Германии, но Коцебу был убит, и для общественного мнения, особенно демократического мнения, Россия была врагом в полном смысле этого слова. Александр Горчаков, российский министр иностранных дел, следовал, в общем и целом, прогерманской линии, так же, как и Бисмарк был пророссийским.

Но общественное мнение было чрезвычайно сильно настроено против царизма; единственными друзьями России были правые. Адмирал Пауль фон Хинце, доверенное лицо немецкого императора, в докладе Вильгельму II за несколько лет до начала Первой мировой войны писал о том, что имелись общие интересы

в подавлении поляков и евреев. Эта тенденция стала особенно явной к концу века с появлением Антанты, антигерманского союза трех государств. Главная задача российских дипломатов и агентов Охраны (российской тайной полиции, действовавшей в России и за границей) состояла в том, чтобы попытаться создать климат, по крайней мере, сочувствующий России.

Россия нашла много талантливых агентов, таких как Ольга Новикова в Лондоне и несколько дам в Париже, некоторые из них действовали из своих убеждений, другие – потому что им хорошо платили. Французские газеты и периодические издания от ведущих ежедневных газет до «Revue diplomatique» и «Revue des deux Mondes» получали существенные субсидии. Александр Бенкендорф, российский дипломат в Лондоне, отправил в свое министерство список газет, с которыми он установил контакт. Это был очень внушительный список, и газеты по любым мотивам преуменьшали важность революции 1905 года и погромов, так же как других неприятных происшествий. Сегодняшняя ситуация похожа. Русские не только покупают «Independent» и «Evening Standard» в Лондоне, но также и газеты в Париже. В Германии мнения консерваторов по вопросу отношения к России разделялись. Архиконсервативная «Kreuzzeitung» выступала за Россию, но после отставки Бисмарка голоса, призывавшие к превентивной войне, стали громче. Поговаривают, что в настоящее время ситуация не особо отличается, за исключением того, что финансовую поддержку теперь оказывают не посольства или секретные агенты, а корпорации и иные коммерческие структуры.

Россия и Китай

Российско-китайские отношения сейчас относятся к числу самых важных аспектов российских иностранных дел, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Они значительно улучшились за последние двадцать лет. Большинство источников непосредственного конфликта, таких как пограничные споры, было устранено. Тем не менее, есть зияющая пропасть между экстравагантной риторикой о партнерстве и ограниченными реалиями сотрудничества. Общие интересы существуют, особенно в области энергоснабжения с Россией как поставщиком нефти и газа, но эти интересы редко координируются. Это не было бы ни в российской, ни в китайской традиции проведения внешней политики, которая диктуется больше подозрительностью, чем доброжелательностью. В более широкой перспективе Китай нуждается в России меньше, чем Россия в нем. Равновесие сил между этими двумя странами фундаментально изменилось и продолжит изменяться. Пятьдесят лет назад не могло быть сомнений относительно того, какая из этих двух стран сильнее. Сегодня население Китая при-

близительно в десять раз больше населения России, и эта тенденция будет продолжаться, так как китайцы практически отказались от своей прежней политики «одна семья – один ребенок». Неравенство в ВВП становится все более поразительным, и изменения происходят куда быстрее, чем это осознает большинство. В 1993 года экономика этих двух стран была примерно равной. Сегодня китайская экономика в четыре раза сильнее российской.

Десять лет назад Россия была важна для Китая как поставщик современных систем обычных видов вооружения и для некоторого ограниченного сотрудничества в области противоракетной обороны. Сегодня большую часть того, что нужно Китаю, он производит дома. Российские опасения того, что Китай становится слишком сильным в военном отношении, могли быть одной из причин существенного увеличения Россией экспорта оружия в Индию, но ввиду китайско-индийских напряженных отношений, это может вызвать политические проблемы.

После десяти лет переговоров в мае 2014 года было достигнуто соглашение о поставках российской нефти и газа в Китай. Это было важным шагом для обеих стран, для России из-за потребности уменьшить ее зависимость от европейского рынка, для Китая из-за его огромных и постоянно растущих потребностей в энергоносителях. Но ввиду недавних и будущих прорывов в этой области, таких как производство сланцевого газа (Китай, возможно, имеет самые большие запасы в мире), важность соглашения такого рода не следует переоценивать. Как это ни парадоксально, с расширением сотрудничества и появлением новых совместных проектов (таких, как три проекта о разработке нефтяных месторождений на Сахалине), чем больше увеличивается и так уже огромное и вызывающее опасения китайское присутствие на российском Дальнем Востоке и Сибири, тем больше становятся и политические последствия. Это происходит как раз в то время, когда вопрос о том, сможет ли Россия в будущем удержать свои территории в Азии, становится более актуальным. Когда США выведут свои войска из Центральной Азии, а позиция Европы в международных делах станет еще более слабой, потенциальные конфликты между Россией и Китаем будут вырисовываться сильнее, чем в прошлом, когда сотрудничество между Россией и Китаем в значительной степени основывалось на восприятии общей опасности, исходящей от Запада (США). Поскольку эта опасность начинает идти на убыль, база для сотрудничества уменьшается.

Главный акцент российской политики в Азии (и особенно относительно Китая) делается на экономических отношениях – российский экспорт в Китай, Японию и Южную Корею составляет 150 миллиардов долларов, и было предсказано его дальнейшее расширение. Но для того, чтобы это произошло, России нужны зна-

чительные инвестиции, чтобы она могла усилить свою инфраструктуру, главным образом, в области транспорта. Китай поможет в этом отношении, но он усиленно торгуется, чтобы заключать выгодные для себя сделки, как это произошло с его переговорами о цене нефти и газа в соглашении 2014 года, и это положение и в будущем не изменится.

В 2014 году китайские комментаторы выразили удивление недостаточным интересом России к китайским инвестициям в экономические инициативы в пограничных районах. Хотя китайцы проявляли небольшой интерес к капиталовложениям в главные предприятия в центральной России, они были готовы вкладывать капитал в азиатские пограничные районы, но всегда сталкивались с трудностями и сопротивлением со стороны российской бюрократии – и это вопреки тому, что такие китайские инвестиции были необходимы. Для китайцев это не было вопросом чрезвычайной важности, но они, казалось, были раздражены сопротивлением России.

С 1990-х действовала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), охватывающая Россию, Кита, и несколько других стран, и служащая основой для сотрудничества в различных областях. Последовали ежегодные собрания и различные меры по укреплению доверия. Позднее, в 2001 году, был создан более постоянный механизм, который должен был заниматься, прежде всего, проблемами безопасности (включая антитеррористические учения). Они обеспечивали защиту среднеазиатских республик от «цветных революций», вроде той, которая произошла в Украине, или от протестов против местных властей, таких как на площади Тяньаньмэнь. В других отношениях ШОС не подвергалась испытаниям. Было много разговоров о всестороннем стратегическом партнерстве, но мало конкретных дел. У России и Китая есть общие интересы в Средней Азии, например, если там возникнет серьезная террористическая угроза. Но, хотя они и двигаются с осторожностью, они остаются в этом регионе конкурентами и с экономической, и с политической точки зрения.

У китайцев, вероятнее всего, нет никакого желания оказаться непосредственно вовлеченными в управление территориями в Азии, находящимися в настоящее время под российским контролем. Но ситуация в будущем будет несколько сложнее. Если русские действительно думают, что на отношения между этими двумя державами не повлияет тот факт, что население одной из них приблизительно в десять раз больше населения другой, и что диспропорция в ВВП и выпуске промышленной продукции почти такая же внушительная, то они могут очень сильно удивиться. Одной из главных российских жалоб на Европу и Соединенные Штаты за все годы после распада Советского Союза была та, что Россию не рассматривали как равную. Было бы очень увлекательно понаблю-

дать, насколько равными в будущем будут отношения между двумя такими столь неравными в большинстве аспектов странами, как Россия и Китай.

Отношения между Китаем и Россией больше похожи на отношения между старшим и младшим братом. Во время одной недавней международной конференции один азиатский ученый назвал Россию самой новой, но также и самой слабой державой на континенте. Россия, разумеется, хочет быть партнером, а не братом, особенно не младшим братом. И возникает вопрос, сможет ли она избежать такого рода отношений. Вероятно, нет, пока Кремль считает главной угрозой для себя Соединенные Штаты. Это та цена, которую Москва должна будет заплатить, если только она не пойдет на фундаментальную политическую и психологическую переориентацию.

Ближнее зарубежье

Отношения России с республиками, которые отделились, когда Советский Союз распался, являются темой, занимавшей заметное место в СМИ, и поэтому ее не требуется обсуждать во всех подробностях. Вера среди российских националистических идеологов в то, что их страна не может существовать иначе, как великая империя, глубока и уходит корнями в далекое прошлое. Многие русские считают, что целый ряд территорий, которые были потеряны (такие, как Украина), все еще являются частями собственно России. Кроме того, миллионы этнических русских теперь оказываются вне России.

В действительности Российская империя вовсе не существовала на протяжении тысячелетия, вопреки тому, во что верят многочисленные россияне. Многие территориальные приобретения были относительно недавними. Крым был присоединен к России при Екатерине Великой в 1783 году, Грузия в 1813, Азербайджан в 1813 году. Завоевание Северного Кавказа заняло больше времени; коренные жители нашли в Шамиле талантливого партизанского военачальника, и борьба длилась около двух десятилетий.

Молдова множество раз была разделена и переходила из рук в руки, и стала частью России только в девятнадцатом веке. Большинство жителей прибалтийских государств веками говорили по-немецки. Литва, Латвия и Эстония были независимы в течение короткого промежутка времени только между двумя мировыми войнами. Сегодня там живут сотни тысяч этнических русских, но они (или их родители или бабушки и дедушки) приехали туда только при советском правлении после Второй мировой войны. Сибирь была исследована, начиная с шестнадцатого века, но она была заселена, да и то негусто, только в девятна-

дцатом веке. Владивосток был основан лейтенантом и двадцатью восемью моряками в 1860-х. Даже в те дни половина его жителей не была русскими. Новосибирску, самому большому городу к востоку от Урала, только немногим более ста лет; Иркутск, следующий за ним, был основан раньше, в восемнадцатом веке.

Средняя Азия стала частью России в восемнадцатом и девятнадцатом веках. В это время туда начали прибывать русские поселенцы, но преимущественно только в северный Казахстан и в большие города. Главных героев российского завоевания звали фон Кауфман, Георг Штеллер, Пржевальский, Мартенс, Маннергейм, что указывает на то, что они не были потомками Рюрика. Их послание российской общественности состояло в том, что местные жители Туркестана (как это тогда называли), мол, страстно желали стать частью России, но не все с этим соглашались. Александр Блок в своем известном стихотворении о скифах писал:

«Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы».

Однако, пусть даже если и недавно, к девятнадцатому веку Россия стала империей, и ее потеря в конце двадцатого века была болезненным ударом. Должно было быть ясно, что будут предприняты попытки, чтобы восстановить как можно больше былой славы, если такая возможность возникнет. Но многие задавались вопросом: если Соединенное Королевство и Франция смогли принять потерю своих империй, почему этого не может Россия? Возможно, из-за убежденности России в том, что она не могла бы выжить кроме как великая держава.

Когда российская экономика восстановилась после нефтяного и газового бума, произошло вторжение в Грузию (2008), Крым и восточная Украина были возвращены, и были предприняты попытки возвратит инициативу в других направлениях.

Со своей стороны, среднеазиатские республики демонстрировали готовность установить нормальные, даже близкие отношения с Россией, при условии, что Москва не будет вмешиваться в их внутренние дела, если только они сами ее об этом не попросят. И такая договоренность может удовлетворить Москву: они бедные страны, и за исключением Казахстана имеют небольшие перспективы существенного улучшения в обозримом будущем. Прямое правление Москвы породило бы конфликт с Китаем, вызвало бы внутреннее сопротивление, и, прежде всего, заставило бы Россию вкладывать в эти страны большие деньги, без какой-либо надежды на их быстрое возвращение.

Соединенное Королевство и Франция в двадцатом веке поняли, что с экономической точки зрения владение империей приносит мало выгод, но много расходов. У Советского Союза был похожий опыт в 1970-х и 1980-х годах. Даже при Брежневле были постоянные жалобы, что среднеазиатские республики не обеспечивали сами себя, но постоянно нуждались в финансовой помощи. Новая Россия должна нести большие расходы на Чечню и Дагестан, и в тот момент, когда Крым был возвращен, последовали срочные настойчивые просьбы о немедленной финансовой поддержке. Короче говоря, империи больше не были выгодны.

Почему же Кремль должен проводить политику экспансии как раз в то самое время, когда он сталкивается с серьезными проблемами внутри страны? У иностранных наблюдателей возникло впечатление, что российское руководство не осознавало (или, по крайней мере, не осознавало в полной мере) опасность потери Сибири и российского Дальнего Востока ввиду демографических проблем и неравенства экономической мощи между Китаем и Россией на этих территориях. Но такое впечатление было неправильным: русские об этом хорошо знали.

Еще в 2001 году Алексей Кудрин, откровенный российский министр финансов, говорил о необходимости срочных и масштабных российских усилий для улучшения ситуации в этих областях. В противном случае Китай и другие азиатские страны как паровой каток задавят Сибирь и российский Дальний Восток. Когда Дмитрий Медведев был президентом, он в одной своей речи на Камчатке заявил, что, если Россия не добьется значительного прогресса в развитии экономики на Дальнем Востоке, то он превратится в сырьевую базу для более развитых азиатских стран, и если эти усилия не будут ускорены, то Россия может потерять все. Подобные декларации делались и другими российскими лидерами, и Путин тоже обещал столь необходимую помощь. Но на самом деле произошло очень немного: иммиграция китайцев, легальная и нелегальная, продолжается; по политическим причинам российские власти, видимо, сочли невозможным предпринять радикальные меры против этого. Сибирь и российский Дальний Восток становились все более зависящими от китайских услуг, импорта, товаров и рабочей силы.

Развивалось что-то похожее на сибирское сепаратистское движение, и Кремль пошел на две уступки. Первая состояла в том, что жителям Сибири разрешили указывать «сибиряк», а не «русский» как национальность в своих внутренних паспортах. Во-вторых, в мае 2014 года Путин назначил генерала Николая Рогожкина своим полномочным представителем в Сибири. К сожалению, Рогожкин, каким бы лояльным и талантливым он ни был, специализируется в области внутренней безопасности, а не экономического развития, и не имеет ни опыта, ни финансовых ресурсов, чтобы заниматься экономическим развитием. И так

как Путин был озабочен негативными последствиями Украинского/Крымского кризиса, это новое назначение вряд ли решит проблемы России в Азии. Три месяца спустя, митинги граждан, которых посчитали сибирскими сепаратистами, были запрещены, даже при том, что их требования были довольно умеренными.

Анатолий Антонов, националистический ученый-демограф из Московского государственного университета, опубликовал несколько прогнозов в тот самый месяц, в который Путин назначил своего нового представителя по сибирским делам. По мнению Антонова, население России в течение ближайших пятидесяти лет сократится наполовину. Относительно Сибири и российского Дальнего Востока это означало бы снижение с приблизительно сорока миллионов до двадцати миллионов. Учитывая такое предсказание, сможет ли Россия удержать обширные территории между Уралом и Сахалином? Мигранты из Средней Азии после 1990 года прибывали в Россию в большом количестве. Но местное население отнюдь не принимало их тепло, и после 2010 года многие из них возвратились туда, откуда они приехали.

Может развиваться парадоксальная и с российской точки зрения неожиданная ситуация. После ухода американцев из Афганистана и в большой степени из ближневосточных стран, Россия столкнется с конкуренцией со стороны Китая. Кремль хотел бы избежать ситуации такого рода, но трудно увидеть, как это могло бы быть достигнуто. Подозрительность к Америке и враждебное отношение к Западу были неотъемлемой частью не только российских служб безопасности, но и населения в целом. После затишья в антизападной пропаганде в 1990-х, она стала довольно сильной в последующем десятилетии. Возвращение Америки и других западных стран в Среднюю Азию или на Дальний Восток представляется очень маловероятным. Это означает, что повсюду в Азии, где Россия попытается усилить свои позиции, она обязательно будет противостоять Китаю, а не Западу. При этих обстоятельствах любая попытка проводить сильную антизападную линию рассматривалась бы как акт отчаяния. И чтобы не отказываться от своих евразийских фантазий, Россия может быть вынуждена принять свой урезанный статус «младшего брата», заняв подчиненное положение по отношению к Пекину.

Если Россия готова вести себя так, как ожидает от нее Пекин, являясь надежным поставщиком нефти, газа и другого сырья по разумным ценам, Китай вполне может воздержаться от более прямого вмешательства в то, что сегодня является Россией в Азии. Демографический баланс очень в пользу Китая, но на самом деле никто не хочет поселяться в Сибири.

Что могло бы сделать российское правительство, чтобы полностью переломить тенденцию такого рода?

Если этнические русские, в настоящее время живущие вне России, должны будут вернуться туда, что многие считают своей родиной, это, конечно, замедлило бы процесс, но и это не повлияет на ситуацию в Азии. Политика Путина по приему нерусских мигрантов, главным образом, из среднеазиатских республик и их интеграции могла бы стать другим шагом в этом направлении. Но это основывается на условии, что со стороны самих этих мигрантов будет готовность интегрироваться. Антонов полагает, что еще через десять – пятнадцать лет правительство, находящееся у власти, понимая, что судьба государства зависит от демографии, станет стимулировать более многочисленные семьи. Это включало бы увеличение зарплат мужчин до такого уровня, который позволит им содержать такие семьи в комфортабельных домах. Это также подразумевало бы десятикратное увеличение финансирования здравоохранения и рост других семейных стимулов до европейского уровня. никоим образом нельзя быть уверенным, что финансирование такой политики будет доступно. Наконец, исторический опыт не показал, что рост уровня жизни приводит к увеличению коэффициента рождаемости.

Обсуждение демографических проблем, как может показаться, не относится к анализу внешней политики. Но представляется вероятным, что соображения такого рода окажут прямое и решающее влияние на российскую политику относительно ближнего зарубежья.

Российская нефть

Энергетический сектор – ключ к российской внутренней и внешней политике. Это также самый известный, наиболее полно проанализированный и задокументированный аспект российских дел, и по этой причине нам здесь не нужно обсуждать его во всех деталях. Доля экспорта нефти и газа за последние сто лет возросла с приблизительно 7 до приблизительно 50 процентов. Термин «нефтегосударство» был применен к современной России не без причины, потому что попытки диверсифицировать российскую экономику до сих пор были безуспешны, и маловероятно, что они будут успешны в ближайшем будущем. Нефть и газ – единственное главное оружие России во внешней политике. Народная поддержка правительства, стабильность страны, благосостояние населения, расходы на оборону и многие другие вопросы зависят от экспорта (и цены) нефти и газа.

Если это так, тогда как объяснить, что нефтяной и газовый экспорт не предотвратил распад Советского Союза? В значительной степени тем, что глобальный спрос был в то время меньше, и цена на нефть намного ниже. Если российская экономика увеличилась в два раза между 2000 и 2008 годами, это было вследствие экспорта нефти и цены нефти и газа. Если в 2008 году было падение, то причиной было снижение спроса на нефть и газ. Одновременно экспорт нефти и газа был важным политическим оружием. Если Белоруссия должна была платить только малую часть от той цены, которую платила Украина, то причина этого не была экономической. В 1970-х годах сателлиты России в Восточной Европе должны были платить намного меньше, чем страны, которые не входили в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Советский Союз был в удачном положении, имея возможность добывать относительно дешевую нефть, но со временем ее добыча стала более дорогой, и цены для иностранных потребителей, даже для политических союзников, повысились, что вызвало негодование за границей. Центральной политической проблемой была зависимость Европы от российской нефти и газа: Россия поставляла приблизительно треть от потребностей Европы.

В данном контексте мы не будем заниматься историей «Газпрома», одной из самых влиятельных международных компаний, или конкурентной войной за различные трубопроводы, или многими другими захватывающими событиями в этой области, которые имели место в последние десятилетия. Наш интерес ограничен вероятными политическими последствиями нефтяного и газового экспорта из России. К сожалению, события в энергетическом секторе в значительной степени непредсказуемы, хотя они в течение длительного времени будут в равной мере очень важны как для производителей, так и для потребителей.

Европейский союз оказался неспособен договориться об общей энергетической политике. С усилением центробежных сил в ЕС маловероятно, что это скоро изменится. Конечно, есть предел давлению, которым Россия может угрожать или применять его – если цена поставок возрастет выше определенного предела, то потребители будут искать альтернативы в различных других направлениях. Кроме того, у России будет обоснованная сильная заинтересованность в европейском процветании, поскольку спад европейской экономики будет означать и снижение европейского спроса на газ и нефть.

Как же Россия видит свои перспективы? Российские власти всегда подчеркивали, что они готовы иметь деловые отношения со всеми странами, что их главный интерес состоит в том, чтобы поддерживать стабильность, и что политические соображения не должны вмешиваться в эти фундаментальные экономические интересы. Это совершенно благоразумная позиция, но на самом деле по-

литические соображения имели приоритет над экономическими вопросами. Изменится ли это положение в будущем?

Согласно докладу Международного энергетического форума 2014 года, российские эксперты предусматривают растущий спрос со стороны Азиатско-Тихоокеанского региона. Они также ожидают переменчивую ситуацию в результате политики, вмешивающейся в поставки нефти и газа. Значительное воздействие поставок сланцевого газа и сланцевой нефти превратило Соединенные Штаты из импортера энергоносителей в экспортера. По мнению российских экспертов, нетрадиционное топливо окажет также вне Америки значительное воздействие в течение следующих десяти лет, хотя никто не может предсказать, насколько велико будет это воздействие, как оно затронет цены, как оно повлияет на европейскую зависимость от российских поставок, или приведет ли оно к большему использованию возобновляемых источников энергии или к другим методам.

Специфические российские проблемы включают нежелание со стороны международных компаний – и по политическим, и по экономическим причинам – осуществлять крупные инвестиции в нефтедобывающую промышленность России, в которой та отчаянно нуждается. Кроме того, есть широко распространенное мнение, что перспективы экспорта природного газа из России являются более многообещающими, чем перспективы нефти.

Драматическое снижение цены на нефть в 2014 году (и одновременно падение покупательной силы рубля) вполне может быть временным, но оно указывает на большую слабость в структуре российской экономики и политические последствия такой слабости. Цена барреля нефти однажды достигла почти 150 долларов (2008). Когда я пишу эти строки, она составляет 52 доллара.

Путину очень повезло, что он пришел к власти во время возрастающего спроса и растущих цен на нефть и газ, особенно после 2004 года. Понимание огромной важности экспорта нефти и газа для выживания режима принудило его ренационализировать эту отрасль промышленности. Это тоже вряд ли изменится. Даже самые смелые эксперты вряд ли рискнут в своих прогнозах выйти за рамки этих, казалось бы, очевидных предсказаний.

9. ИСТОЧНИКИ БУДУЩИХ КОНФЛИКТОВ

Вопрос этот задавали много раз. Сегодня, как и прежде, дискуссия такого рода должна сделать своей отправной точкой знаменитую сцену Николая Гоголя в его великом произведении «Мертвые души» об уносящейся тройке:

«Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях?»

Это замечательное начало великого романа, тройка, быстрая как птица, и внушающее ужас движение. Но подходит ли это описание к современной России? Действительно ли олигархи и силовики обгоняют целый мир? Действительно ли наша тройка вынуждает все народы, все государства посторониться, уступая ей дорогу? И прежде всего, Русь, куда ж несешься ты? Но ответа все еще нет.

(Собственно, это не начало, а как раз конец «поэмы» Гоголя, точнее ее первого, единственного изданного и полностью дошедшего до нас тома. – прим. перев.)

И при этом нельзя и преувеличивать скорость нашей тройки. Прошлые попытки предсказать будущие тенденции в России указывают на трудности и ограничения таких стараний. Рассмотрим, например, одно исследование, изданное в 1990 году, написанное, когда Горбачев был у власти, и Советский Союз все еще существовал. «Советский Союз 2000: Реформа или революция? (редактор-составитель Уолтер Лакёр, Нью-Йорк, 1990) оценивал перспективы политических перемен следующим образом:

«Стиль российской политики веками был авторитарным, и таким же был в значительной степени менталитет в равной мере как правителей, так и управляемых. Это может измениться, но только как результат культурной революции, оказавшей воздействие на широкие части населения. Такие революции происходили, но им всегда требовалось много времени, чтобы развернуться. Легко заменить одну группу правителей другой. Но бесконечно труднее уничтожить менталитет несвободы, внушить дух гражданской ответственности, инициативы, терпимости и готовности идти на компромисс. Эти качества никогда не занимали видного места ни в царской, ни в большевистской политической программе.

Переход от тоталитарного режима к демократической системе, даже к управляемой демократии, является периодом огромной напряженности и трудностей».

Далее это исследование правильно оценило вероятность авторитарного правления и невероятность внедрения и сохранения демократической системы в России:

«Желание перемен не приведет к принятию западных либеральных идей и ценностей. Либерализм никогда не был глубоко укоренен в русской истории, его влияние было ограничено, вообще говоря, сегментами интеллигенции, и даже среди них его принимало только меньшинство. Сегодня всеобщее убеждение состоит в том, что либерализм западного стиля может хорошо подходить для либерального общества западного стиля, особенно для небольших стран, в которых не свирепствуют социальные и национальные конфликты. Но в таком обществе, как Советский Союз, где ситуация в этом отношении совсем иная, любые институциональные изменения такого рода стали бы катастрофой. Страна еще никогда не достигала такого уровня необходимой зрелости, и она, вероятно, также не достигнет его и в обозримом будущем.

Некоторые ведущие интеллектуалы проповедуют ценности большей терпимости, большей свободы слова и здравого смысла, а не доктринерского фанатизма в политике, и они с завистью смотрят на более высокую политическую культуру некоторых европейских стран. Даже самые великие оптимисты среди них чувствуют потребность в сильной руке, чтобы управлять реформой на долгое время вперед. Они указывают на тот факт, что все реформы в российской истории, начиная от внедрения картофеля, вводились указом сверху, обычно вопреки большому сопротивлению».

С расстояния двадцати пяти лет это кажется довольно точным описанием путинизма с его «вертикальным» стилем управленческой политики. Что не могло быть предсказано в это время, так это распад Советского Союза и последующие попытки восстановить его, хаотические условия эры Ельцина, и то, как далеко зайдет реакция против этого – появление олигархов и силовиков. Ни было в полной мере осознано и растущее влияние православной церкви. Опыт исследования «Россия 2000» показывает, что намного легче было предсказать долгосрочные тенденции, нежели краткосрочные события.

У второго исследования, изданного Центром стратегических и международных исследований (CSIS), было то большое преимущество, что оно появилось после семи лет правления Путина, когда страна успокоилась, и появилось внутреннее равновесие сил. Если исследование 1990 года не пыталось достигнуть согласия

среди авторов статей, включенных в него, просто представляя отдельные мнения, то исследование CSIS более честолюбиво попыталось сделать как раз это, только чтобы понять то, что были широкие расхождения мнений, и консенсус не мог быть достигнут.

Это исследование представило различные сценарии на десятилетний период (2007-2017) и многое предугадало правильно. Но оно недооценило степень ужесточения внутренней и внешней политики и влияния различных идеологов крайне правых на политику режима. Оно переоценивало воздействие некоторых тенденций, включая высокий уровень образования населения; это было верно в прошлом, но уменьшилось ввиду уменьшения финансирования, выделяемого правительством на образование. Диверсификация экономики была переоценена. Все ведущие представители властей соглашались с необходимостью работать в этом направлении, но мало что было достигнуто.

Сколково, которое должно было стать центром инноваций, уже рано столкнулось с серьезными проблемами, главным образом, в результате ссор среди различных бюрократических структур, и были обвинения в коррупции. Это было одной из причин падения Владислава Суркова, многолетнего начальника штаба Путина.

Исследование CSIS заявляло, что «не только вполне возможно, но и вероятно, что Россия будет крупнейшей экономикой в Европе к 2017 году». Судя с перспективы 2014 года, это кажется маловероятным; в настоящее время, российский ВВП отстает не только от немецкого ВВП, но и от ВВП Франции, Соединенного Королевства и даже Италии. Это положение может измениться, но не в ближайшем будущем.

Идентичность России

Любое обсуждение будущего России должно начинаться с ее демографических перспектив. История таких прогнозов переполнена ошибками. В течение трех десятилетий после Франко-прусской войны 1870-1871, которую Франция проиграла Германии, общепринятым было предположение, что французы вымрут. Подобные предсказания были модой в 1920-х, даже при том, что Франция была среди победителей в Первой мировой войне, но кровопролитие, которое произошло, было настолько ужасно, что эта возможность вымирания казалась очевидной перспективой. В 1974 году Римский Клуб, очень уважаемый полуофициальный мозговой центр, предсказал, что мир очень скоро погибнет в результате

перенаселения, потому что «мы размножились слишком много и также, потому что слишком быстро».

С тех пор такие прогнозы стали более осторожными; предсказатели обычно предлагали как оптимистический, так и пессимистический сценарий, и иногда даже еще и третий – где-нибудь посередине. Что касается России, то прогнозы колебались от «медведь вымирает» до «российская ситуация не хуже ситуации в других странах».

Тем не менее, есть определенные цифры, которые не являются спорными; тенденции подобны таковым у других развитых стран. Российский коэффициент рождаемости сто лет назад составлял 6-7 процентов. Он снизился приблизительно до 1,9 процентов в 1960-х годах и в настоящее время составляет 1,6 процента. Это немного больше, чем в других восточноевропейских странах, но меньше, чем коэффициент воспроизводства – 2,1 процента. Это означает, что в будущих десятилетиях население России будет уменьшаться, не немедленно, но весьма существенно в промежутке 20-30 лет. Население России в настоящее время – 143 миллиона; согласно американской статистике, к 2050 году оно упадет до 109 миллионов. Согласно российской статистике, оно уменьшится только приблизительно до 130 миллионов. Есть много промежуточных оценок. Более оптимистические прогнозы основаны на многочисленных предположениях, таких как существенная иммиграция в количестве 400 000 или больше человек в год и улучшенное медицинское обслуживание (которое позволит людям жить дольше). Налоговые льготы и прямые гранты могут быть предоставлены семьям с двумя или более детьми. К этим и другим непредсказуемым факторам можно добавить и возможность, что Россия сможет захватить и присоединить к себе новые территории с русскоязычным населением, такие как Восточная Украина и Приднестровье, и в этом случае перспектива с российской точки зрения улучшится – но, конечно, в краткосрочной перспективе.

С другой стороны, нужно будет заплатить немалую цену за большинство мер, которые можно (или нельзя) будет принять, чтобы повысить коэффициент рождаемости или численность населения. Массовая иммиграция представителей нерусских этносов вызовет ксенофобию. В первые десятилетия после падения Советского Союза большинство иммигрантов было этническими русскими из таких государств как Казахстан. Но большинство из тех, кто хотел иммигрировать в Россию, к настоящему времени уже иммигрировали.

Те, кто теперь, как можно ожидать, иммигрирует в Россию, являются, главным образом, нерусскими. Число нелегальных иммигрантов неизвестно; оценки колеблются от 10 до 20 миллионов. Большинство нелегальных иммигрантов в Рос-

сии теперь, как и те, кто, вероятнее всего, придет в будущем, являются мусульманами, что может породить социальные и политические проблемы. По мнению московского Института национальной стратегии, если сегодняшние демографические тенденции сохранятся, то очень высокий процент населения России (включая мигрантов и меньшинства) будут к середине нынешнего столетия составлять представители нерусских народов.

Официальная российская политика относительно иммиграции основывается на предположении, что нерусские будут интегрированы за относительно короткий период. Но такую готовность мигрантов интегрироваться нельзя считать гарантированной. Исторический опыт во всем мире показывает, что такая интеграция редко происходит быстро, если она вообще происходит, и весьма часто было значительное сопротивление этому. Довольно часто интеграция была лишь поверхностной, например, иммигранты изучили язык страны, куда они переехали. Россия, в отличие от Австралии, Канады и США, не имела традиции приема и интеграции иммигрантов; ксенофобия была известна там в течение долгого времени. Такая перспектива, если она верна или даже только приблизительно верна, предоставила бы российским лидерам дополнительный повод включить в состав России области прежнего Советского Союза, населенные этническими русскими.

Зачем придавать такую большую важность этой проблеме? Практически все развитые страны сталкиваются с уменьшением населения, и есть различные причины, почему это явление необязательно следует считать бедствием вообще. Но Россия не Бельгия или Болгария; это большая страна с сильными стремлениями к статусу великой державы, страна, которая чувствует, что у нее есть миссия, которую она должна выполнить. Каково же явное российское предназначение, и почему оно может быть исполнено, если она насчитывает 150 миллионов граждан, но не половину этого количества или даже меньше?

Это обсуждалось в течение долгого времени, и это будет обсуждаться и в будущем. Но прежде, чем войти в эти глубокие воды, нужно упомянуть, пусть даже кратко, другое соображение: большую слабость России как «Raum ohne Volk» (пространства без народа), или скорее с очень немногочисленным народом. В 1926 году немецкий автор по имени Ганс Гримм издал книгу под названием «Volk ohne Raum» («Народ без пространства»), которая почти немедленно стала бестселлером – и оставалась таковым на протяжении следующих девятнадцати лет. Действие ее происходило в Африке, где автор жил в течение долгого времени. Он не был членом нацистской партии, но был глубоко убежден в том, что его страна была обречена из-за нехватки жизненного пространства. Поэтому существовала насущная потребность в колониях, которые Германия потеряла в

Первой мировой войне. Гитлер, как и большинство других правых радикалов, разделял взгляды Гримма, но не его концентрацию на Африке. Он не думал, что колонии в Африке решат проблемы Германии. Отсюда немецкая экспансия в восточном направлении и вторжение в Советский Союз.

Идея новой империи

Любое обсуждение будущего России должно постараться исследовать психически резонансную концепцию вечной России с ее великой мессианской миссией, которую та должна выполнить. Этот доминирующий тип мышления обладает значительной важностью в нынешнем контексте, поскольку он лежит в основе настоящей и будущей российской политики. Он проявлялся в различных формах и под различными именами и возник еще очень давно. Этот тип мышления служит оправданием российской имперской политики и этатизма, но он также используется в качестве просто теологического понятия. Некоторое время даже отдельные некоммунисты считали, что большевизм был русской идеей, важным даром этой страны человечеству. С падением Советского Союза возникла потребность в новой идеологии. При Борисе Ельцине была конкуренция за формулирование новой национальной идеи. Но это оказалось более трудным усилием, чем достижение консенсуса относительно нового государственного гимна, и от этой попытки отказались, чтобы снова возобновить ее при Путине. Даже ежедневные газеты участвовали в поиске национального самосознания.

С тех пор очень много предложений было сделано в этом направлении, главным образом идеологами на правом крыле политического спектра. Философ Игорь Чубайс, например, предложил христианство, собирание земель, и коммунитаризм. На более утонченном религиозно-философском уровне поиск вел в глубь веков в Византию, которая считала себя единственной законной представительницей истинного христианства. (После падения Византии Россия рассматривала себя как единственную законную наследницу этой традиции.)

Следующий существенный толчок в этом поиске новой идеологии произошел в девятнадцатом веке. Что касается формулировки национальной идеи, то существовало известное определение, так называемая триада, сформулированная Сергеем Уваровым, министром просвещения («православие, самодержавие, народность»), которая сначала появилась в официальном меморандуме, разосланном в 1833 году многим педагогам. Царю понравилась такая формула, и некоторые ведущие интеллектуалы поддержали ее. Она стала официальной формулой до революций 1917 года, даже при том, что «народность» была

слишком размытым понятием, а его английский перевод как «nationality» – совершенно неудовлетворительным.

Позже Владимиром Соловьевым в 1888 году было придумано выражение «русская идея». Но концепция русской идеи Соловьева затрагивала духовные проблемы, а не построение империи. То же самое было справедливо и в отношении Николая Бердяева, самого известного российского философа-богослова следующего столетия. В своей известной книге «Русская идея» он занимался эсхатологическим и пророческим характером русского мышления, русский народ, по его мнению, был «народом конца», а русская философия носила религиозный характер.

Соловьев и Бердяев были патриотами, но никто не был более разгромным в своих комментариях о паранойе русских крайне правых, чем Соловьев. А что касается комментариев Бердяева в 1908 году, то достаточно следующего его наблюдения относительно шовинизма правых радикалов: «беспорядочный сброд элементов дикости, варварства, языческой тьмы и нравственной распущенности, веками сохранявшейся в русском народе» («О русском национализме» в «Слово» от 7 декабря 1908). Едва ли можно найти более резкое суждение. Соловьев и Бердяев были двумя из трех авторов, прочитать которых Путин рекомендовал высшим должностным лицам России на Рождество 2013 года. Однако, хотя Путин порекомендовал правильных авторов, он выбрал неправильные книги. Он не включил то, что они должны были сказать об уродствах русского национализма, поскольку именно эти уродства стали частью появляющейся государственной идеологии. Это стало ясно из документа, изданного в мае 2014 года, где были представлены директивы для официальной поддержки русской культуры (в соответствии с духом эры Путина), основывающиеся значительной частью на выдержках из речей, произнесенных Путиным по различным случаям, и заявляющие, что «Россия – не Европа».

Это интересное заявление, даже при том, что никто в последнее время и не утверждал, что Россией – это Европа. Документ утверждает, что, хотя терпимость всегда характеризовала русскую историю и культуру, должны быть пределы терпимости; в противном случае она могла бы интерпретироваться как неуместная и опасная уступка иностранным (враждебным) влияниям и как одобрение традиций и ценностей, чуждых русскому духу. Другими словами, это генеральное наступление на модернистские тенденции в русской и мировой культуре. Этот документ упоминает, например, Казимира Малевича как пример ничего не стоящего, никудышного художника. Такие атаки не новы в истории (выставка «дегенеративного искусства» в Мюнхене, июль 1937 года). Не все современное искусство обладает высокой ценностью, не все сохранит свое зна-

чение навсегда или будет стоять на аукционах столько, сколько в настоящее время. «Супрематическая композиция» (1916) Малевича была продана на аукционе «Sotheby's» в 2008 году за 60 миллионов долларов, самая высокая цена, за которую когда-либо покупали российскую картину. Является ли это истинной ценностью этой «Композиции», или же цена дико преувеличена, это открытый вопрос. Некоторые из картин, чрезвычайно высоко ценящихся сегодня, будущие поколения могут посчитать нелепыми. В настоящее время на аукционные цены не очень сильно влияет одобрение или неодобрение антимодернистов – соотечественников Малевича.

Один из авторов документа – историк Владимир Мединский, министр России по культуре (и туризму), неоднозначная фигура, как утверждают многие из его коллег. Тем не менее, консервативная культурная критика не только допустима, но и необходима. Авторы цитируют многих западных и российских культурных деятелей, чтобы подкрепить свои взгляды, включая Арнольда Тойнби, Сэмьюэла Хантингтона и раннего сионистского лидера Макса Нордау, который написал остроумную, незаслуженно забытую критику современного искусства в 1890-х. Его имя и творчество теперь известны только немногочисленным специалистам. Российские авторы также привлекают в качестве экспертов-антимодернистов еще несколько авторитетов, таких как Г.И. Россолимо и И. А. Гундаров, которые, если они действительно существуют, неизвестны даже среди специалистов. Доводы, приводимые в документе, оправданы, поскольку затронута защита русской культуры, при допущении, что такая защита вообще необходима.

Если министр культуры и туризма виновен в крупномасштабном плагиате, как утверждают его критики, то его защитники могли бы возразить, что такие же обвинения были сделаны и в адрес нескольких современных немецких государственных министров (различие лишь в том, что в Германии такие обвинения, если была доказана их правдивость, имели последствия, а в России – нет).

Факт в том, что диссертация Мединского вызвала ожесточенные споры в российском академическом мире. Когда Мединский писал о ранних западных путешественниках, посетивших Россию, Мединский отверг всех тех, кто написал что-то критическое о России, как лгунов и русофобов, например, Сигизмунда (Зигмунда) фон Герберштейна (1486-1566), австрийского дипломата, который немного знал русский язык и имел поэтому больше доступа, чем другие иностранцы. Его книга – одно из самых ранних подробных сообщений; эта книга была также переведена на английский язык и, как правило, считается надежным, подробным источником. В подходе Герберштейна иногда можно найти некоторый снобизм культурного европейца, как бы смотрящего свысока на примитивного русского. Но так как есть немного сомнений, что Европа в это время

находилась на более продвинутом культурном уровне, это отношение не удивительно, и при этом оно не проявляется в чрезмерной форме. Однако для Мединского это просто русофобия, таково же его отношение и к другим ранним посетителям России, включая некоторых из Англии, например, это касается сообщения поэта, дипломата и путешественника Джайлса (Джилса) Флетчера-старшего (1548-1611), члена парламента, который написал книгу «Of the Russe Common Wealth» («О государстве русском»). Мединский говорит о Флетчере: «Его книга – злая клевета на российское государство, его правителей и народ». Но Мединский не смог продемонстрировать должное мастерство критики источников, и многие его противники сравнили уровень его творчества с уровнем курсовой работы студента-первокурсника. Его защитники, с другой стороны, говорили, что, хотя его книга и была, возможно, несколько неортодоксальной, но она проникнута любовью к России, и это, в конечном счете, имело самое большое значение.

Действительно ли это дело правительства вмешиваться в культурные дебаты? Даже предположив, что Путин и Мединский правы в своих утверждениях, что Россия и русская культура не могут ожидать от иностранцев ничего хорошего, что русская культура превосходит европейскую культуру, что Россия также нравственно выше, расхваливая ее чистосердечность и гостеприимство – но действительно ли такое хвастовство полезно и в хорошем вкусе? Ответом может быть то, что современная Россия не является демократией (по крайней мере, не такой, как ее понимают на Западе), что она – «управляемая демократия», термин, изобретенный индонезийским правителем Сукарно, и что поэтому западные критерии здесь не применимы.

Почему мы здесь занимаемся Мединским и культурными директивами его министерства культуры и туризма? Потому что они указывают на определенный основной подход, который будет применяться правителями России в последующие годы. Если воспитание в патриотическом духе и насаждение в населении традиционных ценностей с упором на достижения, а не на недостатки и провалы является естественным и осуществлялось всюду, то абсолютное утаивание отрицательных событий и тенденций и систематическое поношение и принижение других культур являются опасными действиями даже в военное время, не говоря уже о мирном периоде. Это создает, увековечивает и усиливает конфликты и значительно затрудняет нормальные отношения. Не было ли бы для правительства более уместно увеличить свою поддержку образования и культурных задач, чтобы остановить падение образовательных и культурных стандартов, которое продолжается в России в течение уже продолжительного времени? Атмосфера подозрительности к иностранцам была традиционно сильна в России. Если только иностранец не расточает льстивые похвалы всему русскому без ис-

ключения – глубокой духовности русского народа, русской душе, русской идее и непереваемой «широкой натуре», то такого иностранца следует считать врагом, который хочет нанести вред стране, и обращаться с ним нужно как с врагом.

Весь такой подход озадачивает, сбивает с толку. Официальные представители режима будут отрицать какую-либо враждебность к Западу, которая (как они говорят) была бы несовместима с традиционным дружелюбием и доверием, демонстрируемым русскими по отношению к иностранцам. К сожалению, доказательства указывают в другом направлении, служа дурным предзнаменованием для отношений России с внешним миром в будущем.

Русофобия и западофобия (страх перед Западом)

Поиск идентичности в России продолжается, не на высоком уровне абстракции, как это было двести лет назад, но все еще с большой страстью. В основе этого поиска лежит убежденность в том, что Россия – не Европа, и что существует гигантский заговор, направленный на уничтожение России. Сопровождается это другим набором верований, что все, что в России пошло не так, как надо, это вина иностранцев; идея, что русские тоже могут быть ответственными, является чуждой и неподобающей. Благодаря такому менталитету у России вовсе нет потребности даже задуматься о хотя бы небольшой самокритике.

Интеллектуальные корни этих взглядов происходят из воздействия немецкого романтизма, который совпал с войной против Наполеона и резким усилением национализма в Европе. Немецкая романтическая школа имела огромное влияние в России, и ни один философ не был здесь популярнее Фридриха Шеллинга, которого почти считали российским философом, так же как Фридрих Шиллер, как думали, был российским поэтом. Среди корреспондентов Шеллинга был Федор Тютчев и Сергей Уваров, будущий министр просвещения и автор известной «триады» («православие, самодержавие, народность»). Шеллинг был философом с широким кругом интересов, в значительной степени ответственный за идеи «национальной души» и мировой души («*anima mundi*»). Эти понятия, в свою очередь, уходят еще намного дальше и имели отношение к тому, что Шеллинг назвал «духом природы»; но они также могли быть применены и к политике. В случае России они привели к мессианству и вере в явное предназначение. Это дало славянофилам новый импульс. Константин Аксаков писал, что Запад (западная душа) была истощена и в состоянии упадка. Совесть была заменена законом, внутренние побуждения – регламентом. И исторической задачей Рос-

сии было продолжить свой поиск национальной идеи с того места, где Запад пошел в неправильном направлении.

Такое разочарование не было, однако, ограничено правыми и славянофилами. Александр Герцен приехал на Запад полный восхищения и хотел следовать по западному пути, но уже через несколько лет им овладело разочарование. То же самое произошло с Михаилом Бакуниним, который приехал в Берлин убежденным западником. Но первым, что он увидел на стене какого-то здания, был гигантский прусский орел, а под ним надпись, объявляющая, что это была мастерская портного. Надпись гласила:

«Unter deinen Flügeln
Kann ich ruhig bügeln».

Это означало: «Под твоими крыльями я могу спокойно гладить».

Но Бакунин и его друзья приехали на Запад не для того, чтобы спокойно гладить. Они ненавидели прагматизм.

От этого вида разочарования оставалось только один или два шага до дистанцирования от Запада и до поиска национальной идеи. Большую часть времени русская интеллигенция не могла решить, двигалась ли их страна к блестящему будущему или же неслась к катастрофе.

Они не были готовы полностью оставить надежду. Славянофилы, такие как Иван Киреевский, заявляли, что они все еще любят Европу. Но многие полагали, что только Россия все еще была в рассвете своих сил в возрасте зрелости, хотя даже очень рано, еще во времена Михаила Лермонтова, были страшные предчувствия:

*«Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет».*

Подобные предчувствия появлялись и в европейских странах, но насколько серьезно их нужно было воспринимать? Это была эпоха великого смятения и неразберихи, не только среди русских, но также и среди тех, кто пытался понять Россию издалека. Русская интеллигенция задавала вопрос: должны ли мы держаться Европы или оставить ее навсегда?

Корни такого негативного отношения к Европе лежали не столько в разочаровании, сколько в чувстве неполноценности. И так как Россия никогда не верила в достоинства умеренности, это привело к опасным крайностям враждебности и

подозрения. Это не было бы столь важно, если бы такая враждебность ограничивалась лишь малочисленным меньшинством, таким, которое можно найти в любой стране. Но есть причина полагать, что она стала мнением большинства со времен славянофилов.

Немецкие романтики всегда искали свой знаменитый синий цветок, так же, как русские националисты искали русскую идею. Ни тот, ни другой поиск не увенчался успехом, поскольку не было никакого синего цветка и никакой русской идеи за исключением лишь на уровне мифологии. Но так как мифы были необходимы, были предприняты попытки создать их искусственно. Искусственные цветы, если они хорошо сделаны, могут быть похожими на настоящие, но они все равно не настоящие цветы – и то же самое касается и русской идеи.

Когда Бердяев искал русскую идею, он имел в виду взгляд Бога на Россию. Попытки в наши дни направлены на формулирование (или, возможно, преобразование) религиозных и метафизических исканий в прагматический поиск государственной идеологии, которая, как думали власти, была необходима, чтобы создать единство и чувство общей цели, подальше от космополитизма. Те, кто был не в состоянии принять новый единый взгляд, являлись предателями и должны были быть устранены.

Существует общераспространенное мнение, что отношение россиян к Западу и демократии ухудшилось за одно или два последних десятилетия. В 2008 году на вопрос о том, является ли западное общество хорошей моделью для России, около 80 процентов сказали «нет», приблизительно самый высокий уровень негативных ответов в Европе и один из самых высоких в мире. Российский Левада-Центр – независимая социологическая исследовательская организация, расположенная в Москве – провел исследование, которое достигло более положительных результатов: приблизительно 60 процентов выступали за демократию, а не за сильную руку. Но из этих 60 процентов около половины хотели демократию в гармонии с потребностями России, что можно было бы интерпретировать как путинизм, а не как демократию.

Эти отрицательные отношения, без сомнения, тесно связаны с отрицательными сопутствующими обстоятельствами реформ 1990-х, с появлением класса олигархов. На них также повлияла сильная пропагандистская обработка официальными средствами массовой информации. Некоторые предполагали, что отношение к демократии изменится к лучшему с ростом процветания, но этого не произошло. Уровень жизни улучшился, но это не породило больше демократии.

Даже если принять во внимание все допущения, нет сомнения, что поддержка сильной руки в России столь же сильна как всегда, а вера в демократию довольно слаба. Если уж на то пошло, то ситуация в этом отношении ухудшилась, и возникает вопрос о том, может ли и при каких условиях произойти уменьшение враждебности к Западу и поддержка свободы и демократии.

Однако в то же самое время давление за региональную автономию росло на всем протяжении этой огромной страны, вероятно, неизбежный процесс как раз из-за этого самого ее гигантского размера. Это давление вовсе не идентично с сепаратизмом, но оно все еще сталкивается с глубокой враждебностью со стороны Кремля и его настоянием на превосходстве государственной власти и нежеланием пойти на уступки. Легко предсказать возникновение напряженности в контексте этих конфликтов. Оппозиция проиграла сражение против правительства, потому что она показала недостаточный патриотизм во время возвращения Крыма. Но вполне может случиться так, что эта новая напряженность, требование большей региональной автономии, может стать новым главным полем битвы между центральной властью и возрастающей оппозицией, а именно, сильными местными интересами.

Несколько лет назад дискуссионный клуб «Валдай», полуофициальное российское учреждение, созданное в 2004 году, чтобы способствовать диалогу между российской и международной интеллектуальной элитой, подготовил исследовательский отчет о российском национальном самосознании. Клуб консультировался с мужчинами и женщинами разного политического спектра, и было общее согласие относительно того, что российская идентичность действительно существует. Но что это такое? С исторической точки зрения, русский характер – свободолобивый и многострадальный: «Мы открыты для других культур и религий», говорилось в отчете. «Мы храбрые и радушные. Мы яркие и талантливые. У нас сильная воля, и мы умеем побеждать. Но большинство качеств из этого списка мы забыли за последние двадцать лет. С другой стороны, мы позволили развиваться в нас самым худшим качествам нашего национального характера, таким как лень, пессимизм, хищный индивидуализм, безответственность и полное недоверие к другим». Отчет также упоминал «тонкое чувство справедливости, которое является более широким понятием, чем правосудие в западном мире». В исследовании отмечалось, что за последние двадцать лет ценности граждан России изменились, и не в лучшую сторону. Среди ценностей сегодняшних россиян материальное благосостояние и потребление занимают первое место: 55 процентов в 2006 году, по сравнению с 31 процентом в 1986 году. Учитывая очень неравное распределение доходов России, это приводит к еще большей фрагментации общества и росту социальной напряженности.

Поиски определения русского национального характера и будущей русской идеи должны оставаться ускользающими и труднодостижимыми. Каковы перспективы смягчения, уменьшения антизападничества и недоверия, восстановления, по крайней мере, частично ценностей свободы и гуманизма, отхода от автократии к большей свободе? Если реакционеры были сильны в России, то и у партии свободы, пусть даже очень слабой в настоящее время, есть глубокая традиция в истории страны. Каковы ее перспективы в обозримом будущем? Такие резкие изменения настроения происходили во многих странах на протяжении всей истории, и они ни в коем случае не могут быть исключены в России, даже если шансы этого могут в настоящее время показаться мрачными. При каких обстоятельствах эти изменения произойдут в России?

История показывает, что такие изменения имели место, например, в случае проигранной войны или большого экономического кризиса. Но они также происходили, когда правящая партия, засидевшись у власти, надоела людям и не выполнила свои обещания. Это происходило из-за скуки или с появлением нового поколения – в результате конфликта поколений. Это происходило вообще не по какой-то очевидной причине, или потому что правящая партия и ее идеология утратили всякий динамизм и силу притяжения, которую они первоначально имели. Полного списка всех этих условий не существует, так же, как нет никаких полных объяснений того факта, что некоторые страны в истории возвышаются, а другие падают, что некоторые приходят в себя после неудач, которые кажутся разрушительными, необратимыми и окончательными, тогда как другие так никогда и не встают на ноги.

Но некоторые из факторов, которые могут быть причиной окончательного падения или внезапного выздоровления, выделить можно.

Экономическое будущее

Есть много расходящихся экономических прогнозов для России. Вышеупомянутый дискуссионный клуб «Валдай» рассматривает четыре сценария. Согласно очень оптимистическому, доходы от нефтяного и газового экспорта будут высоки, в районе 146 долларов за баррель. Поэтому правительство сможет и захочет провести запоздалые, давно назревшие экономические реформы. В этом случае российский рост будет выше, чем в большинстве других стран, и доход на душу населения в 2030 году будет равен нынешнему доходу на душу населения в Швейцарии.

Согласно более пессимистическому прогнозу, цена нефти будет низка, не будет никаких реформ, и российская экономика будет в состоянии застоя. В этом случае российский экономический рост будет ниже, чем у других стран, приблизительно 2 процента, и доход на душу населения будет равен нынешнему соответствующему показателю Чехии.

Более вероятны, согласно российским экономистам, два «центристских» сценария. Один основывается на предположении, что цена нефти составит 94 доллара за баррель, но широкомасштабные реформы будут проведены. Другой прогноз строится на предположении об относительно высокой цене за нефть (140 долларов за баррель), но реформ будет мало и только на локальном уровне. В этом случае ожидается доход на душу населения, подобный сегодняшнему доходу на душу населения во Франции. В момент, когда я пишу эти строки (январь 2015), российские прогнозы предсказывают экономический спад – изменения к лучшему ожидаются только в 2017 году.

В ходе этих дебатов, которые имели место в ноябре 2012 года, всплыли некоторые интересные факты. Социологи сообщили, что существенное желание реформ есть среди тех, доход которых выше среднего уровня. Однако приблизительно 68 процентов из них хотят, чтобы их дети учились и работали вне России, по крайней мере, в течение многих лет, и 37 процентов хотят, чтобы они уехали из России навсегда. Почему? Частично, без сомнения, из-за общей неуверенности по поводу будущего страны, но главным образом, возможно, потому что перспективы получения подходящей работы для талантливых молодых людей плохи.

Члены Валдайской группы полагают, что существование евразийского экономического пространства, включая Казахстан, окажет положительное влияние на экономический рост.

Другой оптимистический отчет, опубликованный «Pricewaterhouse Coopers» в 2013 году, видит для России обоснованные шансы стать ведущей экономикой Европы к 2030 году и продолжить идти этим путем, обогнав Германию. Но этот прогноз опирается на утопическую предпосылку, что строгие принципы экономики, а не политика, будут решающим фактором, управляющим российской экономикой.

Менее жизнерадостный прогноз был сделан Евсеем Гурвичем, известным российским экономистом. Он считает, что подавляющее большинство русских хочет жить хорошо, но они также хотят и того, чтобы их страна была сверхдержавой. Он сомневается, что обе цели могут быть совместимы в настоящее время. Рос-

сия сейчас тратит на военные расходы вдвое больше (4,5 процента от своего бюджета), чем страны НАТО, и деньги, необходимые для вооруженных сил, будут в наличии только при том условии, что финансирование образования и здравоохранения будет урезано. Если только налоги не будут существенно увеличены (текущий максимальный уровень составляет 13 процентов), то более высокие военные расходы будут означать более низкую продолжительность жизни и более низкую грамотность. Даже в настоящее время, согласно статистике ООН, Россия по продолжительности жизни занимает 134-е место из 207 стран, уступая Бангладеш, Гватемале, Гондурасу и другим странам. Гурвич думает, что введенные в 2014 году из-за Крыма санкции окажут небольшое непосредственное воздействие; однако они могут значительно уменьшить количество иностранных инвестиций. В этом случае темп роста российской экономики не превысит в ближайшие годы 2 процента и может даже уменьшиться до 1 процента.

Желание иметь пушки и масло одновременно может быть психологически понятно, но оно очень опасно. Попытка достигнуть этого в послевоенный период привела к «крупнейшей геополитической катастрофе века» (как назвал это Путин), краху Советского Союза. Чтобы достигнуть существенного роста, Россия должна вернуть доверие зарубежных инвесторов; иначе у нее не будет ни пушек, ни масла, и она останется на уровне Турции или Индонезии.

Даже в настоящее время инвестиции в России относительно низки, приблизительно 20 процентов ВВП, что ниже среднего показателя для развивающихся рынков. Кроме того, большая часть инвестиций в настоящее время идет в энергетический сектор, являющийся именно той моделью, от которой, как все соглашаются, Россия должна попытаться уйти, зависимостью от экспорта природных ресурсов.

Российская политика вернуть некоторые или все территории, утраченные с распадом Советского Союза, действует как стимул для морали и усиливает популярность российского правительства. Но за эту политику надо платить свою цену.

Даже до присоединения Крыма (стоимость которого составила 7 миллиардов долларов в 2014 году), Россия должна была выделять существенные суммы на Южную Осетию и Абхазию и поддерживать режимы в Белоруссии и Приднестровье. Самопровозглашенные республики в восточной Украине должны Москве в настоящее время 4 миллиарда долларов за поставленный им газ. Россия предоставила существенные финансовые средства Армении, Кыргызстану и Таджикистану, чтобы поддерживать свое влияние на этих территориях, для того, чтобы

сохранить военные базы в этих странах и в других целях. Маловероятно, что эти ассигнования уменьшатся в последующие годы.

Точных цифр этих расходов нет. Когда Крым был частью Украины, две трети его бюджета приходилось покрывать Киеву; Россия также несет на себе две трети таджикского бюджета. В совокупности стоимость империи в настоящее время может быть порядка от 25 до 35 миллиардов долларов в год, что составляет около 6 процентов российского бюджета, не считая расходов на вооруженные силы и полицию. Эти цифры не слишком велики, но они, вероятно, увеличатся; и если Москва не сможет выполнить свои обязательства или уменьшит свою финансовую поддержку, это вызовет разочарование и негодование среди получателей, у которых были большие и растущие ожидания от их отношений с Россией. В то же самое время в самой России обязательно возникнет недовольство, если в российском бюджете будут урезаны расходы на здравоохранение и образование, наряду с фондами, первоначально предназначенными для финансирования модернизации российской экономики.

Россия сможет заплатить цену за империю – если ее экономика будет процветать. Все зависит от цены нефти и газа. И уровень цен на нефть зависит от ряда обстоятельств, которые не могут быть предсказаны, таких как мировая экономическая ситуация и спрос на нефть и газ. Это зависит от политической ситуации на Ближнем Востоке, сможет ли этот регион сохранить свои поставки на нынешнем уровне или даже увеличить их. Это зависит от политической воли Евросоюза, сможет ли он договориться об общей энергетической политике, чтобы уменьшить свою зависимость от российских и ближневосточных поставок. Это зависит от технологического прогресса, который может сделать использование альтернативных источников энергии значительно более дешевым. Это зависит, среди прочего, от состояния инфраструктуры российской нефтегазовой промышленности, сможет ли Россия добывать и поставлять требуемое количество нефти и газа с такими затратами для производителей, которые не будут непомерными.

Есть тесная связь между стоимостью империи и экономическими факторами.

Результаты российской экономики в годы правления Путина были внушительны. Главной целью Путина, что касалось экономики, была стабильность. Это была разумная политика, но очень хорошие годы, которые породили еще более высокие ожидания на будущее, могут подойти к концу. Кажется маловероятным, что модернизация российской экономики сделает значительные успехи в последующие годы. Модернизация дорога, и есть большое сопротивление против нее, что опять возвращает нас к цене на нефть и газ. Если политическая слабость

Европы сохранится или даже углубится в последующие годы (что кажется довольно вероятным), российская экономика не должна бояться краха. Отвоевание некоторых территорий тоже может компенсировать болезненные экономические проблемы. Но слабая Европа также означает слабую экономику и меньший спрос. С учетом всех этих неопределенностей, все попытки дать полезный прогноз обязаны привести к целому ряду больших вопросительных знаков.

Лицо молодого поколения

Кардинальные политические изменения иногда происходили в результате экономического кризиса, в других случаях после войны, выигранной или проигранной. Но это также происходило как результат выдвижения на передний план нового поколения. Иногда это приводило к насильственным изменениям, произведенным радикальными движениями молодого поколения, такими как фашизм и коммунизм. Иногда такие перемены происходили постепенно, без больших беспорядков.

Один такой пример – движение молодого поколения, которое появилось во Франции приблизительно в 1900 году. До того времени настроение этой страны было в значительной степени пессимистичным (на самом деле, даже пораженческим) после проигранной войны с Германией; многие думали, что Франции пришел конец. Но затем появилось новое поколение, которому наскучил преобладающий пессимизм, увлеченное спортом, в целом оптимистическое по мироощущению. Патриотичное и даже милитаристское, а не пацифистское или капитулянтское, это новое поколение французов построило Эйфелеву башню, первым перелетело на самолете через Ла-Манш, и верило в будущее Франции.

Характер молодого поколения в России, разумеется, имеет первостепенное значение при размышлениях о будущем этой страны. Все же традиционно на это обращали мало внимания. В конце 1920-х немецкий студент по имени Клаус Менерт поехал в Советский Союз и написал книгу, которая стала чем-то вроде классики. Он родился в Москве и в более поздние годы стал ведущим немецким советологом. Менерт заметил, что в первые годы после революции молодые люди заметно фигурировали в советской беллетристике, воспринимаемые как символы будущего страны. В более поздние годы или при гласности, однако, они были заменены опросами общественного мнения и социологическими исследованиями.

Молодые люди 1930-х и, до некоторой степени, молодые поколения 1950-х и 1960-х годов были в целом оптимистичны. Как выражала это любимая песня того времени, «Молодым везде у нас дорога».

Молодым легко было быть оптимистичным в то время – те, кто ездил в летние лагеря, мало знали о суровых реалиях жизни, о жестокости политики. В столетии перед ними было поколение, находившееся в самом центре активной борьбы против деспотизма (и среди авангарда террористов) – эти молодые люди были среди самых горячих сторонников коммунистического режима, по крайней мере, в первые десятилетия.

Что касается современности, то исследования говорят, что ключевое слово относительно молодого поколения – «аномия», термин, введенный социологом Эмилем Дюркгеймом в 1893 году. Аномия означает социальный беспорядок, отчуждение, бесцельность и даже отсутствие надежды. Она означает и разрыв социальных связей между человеком и обществом. Выше уже упоминалось о росте числа молодых россиян, желающих жить за границей – и это несмотря на то, что у них есть причины думать, что они, оставшись в России (в сравнении с иммиграцией на Запад), будут более обеспечены, чем были их родители до них.

В первые годы после падения коммунизма в СССР в России было много оптимизма. К сожалению, от этого оптимизма мало что осталось. Как это объяснить? Согласно недавним исследованиям, российские молодые люди чувствуют себя отчужденными, не понятыми их родителями, и, прежде всего, они считают, что к ним предвзято относятся. Некоторые обвиняют высокий уровень разводов и насилие в семье. Но остается фактом, что если до недавнего времени молодежь чувствовала оптимизм относительно экономического будущего своей страны, то теперь молодые люди ощущают скорее пессимизм в отношении их собственного будущего, возможности сделать хорошую карьеру и неплохо зарабатывать. Они чувствуют себя эксплуатируемыми. Они считают, что вне Москвы трудно найти удовлетворительную работу; в Москве возможности лучше, но и конкуренция здесь намного жестче.

Их отношение к политике очень противоречиво. Поддержка Путина и его стиля управления среди молодежи больше, чем у старшего поколения. Но только приблизительно 24 процента проявляют какой-то интерес к политике. Около 80 процентов не доверяют правительству, политическим партиям, парламенту и политике вообще. Это, кажется, вопрос одновременно и недоверия, и скуки. Их знания политики очень ограничены. Они считают, что Россия должна быть великой державой, которую другие не только уважают, но и боятся. И ею должна управлять сильная рука. Главная задача президента состоит в том, чтобы под-

держивать порядок в стране. Самый популярный политик после Путина – Владимир Жириновский, что является печальным отражением их политической зрелости и моральных ценностей, их неспособности понять разницу между видением будущего своей страны и цирковым выступлением. Политические взгляды этого поколения в значительной степени сформированы правительственным телевидением. Эта идеологическая обработка была определена как «западный стиль развлечений минус демократия», который оказался довольно эффективным.

Опросы общественного мнения, проведенные в 2008 году, и более свежие, в 2014, осуществленные Левада-Центром, не показали значительных отклонений от этих тенденций. Напротив, рейтинг одобрения Путина после событий в Крыму и восточной Украине среди респондентов от восемнадцати до двадцати четырех лет повысился до 92 процентов, выше, чем в группах более старшего возраста. Была подавляющая поддержка демонстрации силы, почти полная идентификация с правительственной властью, и ненависть к врагам – Западу и украинским националистам. Более 70 процентов опрошенных россиян выражали свое удовлетворение тем, что Россия снова стала великой державой. Когда же их спросили, предпочли ли бы они Россию как великую державу, которую уважают и боятся другие страны, или как страну с высоким уровнем жизни, но которая при этом не была бы одним из самых сильных государств в мире, 56 процентов выбрали первый вариант. И снова среди групп более старшего возраста такой энтузиазм был несколько ниже.

С другой стороны, опросы 2014 показали почти полное невежество в области характера российского общества и его институтов; знания молодого поколения были ограничены их непосредственным окружением. По мнению значительного большинства, в России есть национальный лидер, решающий все важные политические проблемы настоящего и будущего страны; остальная часть народа не имеет на это никакого влияния, и нет никакой причины менять такое положение дел. Активное участие в политике для них не было темой обсуждения, как и необходимость каких-либо реформ системы.

(Цифры, приведенные в этом разделе, основаны на самом подробном исследовании темы, доступном в настоящее время: Денис Дафлон, «Молодежь в России: Портрет поколения в переходном периоде», 2009, Швейцарская Академия развития в сотрудничестве с Левада-Центром.)

Эти опросы не проясняют, в какой степени эти взгляды отражают постоянное состояние умов, считающееся нормальным. И они также не указывали, был ли этот патриотический и глубоко антидемократический подъем временным явле-

нием, на который, вероятно, могли бы повлиять неудачи правительства на внешнем или внутреннем фронте. Они, казалось, показывали, что Путин и другие представители режима были правы, когда в дискуссиях с Западом они указывали на то, что существуют фундаментальные различия между западной демократией и специфическим российским типом «суверенной демократии».

Согласно собранным доказательствам, деньги и преклонение перед властью определяют идеологию молодого поколения. Это больше не «Homo sovieticus». Вместо него, похоже, мы видим «Homo putinus».

Что же случилось с великим идеализмом и революционным жертвенным духом молодых русских девятнадцатого века? Когда-то давно в России существовала вера, что деньги это ничто, все, что имело значение, было безграничное рвение, желание жить свободно и построить новое общество и создать самоотверженного нового человека, модель для всего человечества. Видение это было наивным и утопичным, но даже на людей, политически далеких от этих представлений, оно не могло не произвести сильного впечатления. Нынешнее же отсутствие видения поразительно.

Некоторое время в 1990-х годах, казалось, что определенные западные моды найдут последователей в России – панки, рэперы, рэйверы, байкеры, любители гашиша, фанаты хэви-метала, и молодые люди, распыляющие из баллончиков с краской свои лозунги на стенах. Но все это было ограничено несколькими большими городами, и не продлилось долго. Во всем остальном была только традиционная скука и правый патриотизм – хотя никто не знал, как глубоко это в действительности зашло, за исключением того, что иностранцев (и олигархов) не любили. Однако для всех по всей стране самым важным было лишь как достать деньги.

Оппозиционеры в молодом поколении проявляли свой бунт через членство в различных сектах, включая «Оборону», «Пору» и «Да»; но все они, как оказалось, не имели целей, плыли по течению, и обычно просуществовали недолго из-за отсутствия вдохновения со стороны их лидеров.

Потом кому-то в руководстве правящей партии «Единая Россия» пришло в голову, что страна нуждалась в молодежной организации (главным образом, как в силе противодействия возможности «цветной революции», вроде тех, что произошли в Грузии и на Украине). Так в 2005 году Владислав Сурков, начальник штаба Путина, создал организацию «Наши».

При Суркове и Василии Якеменко, лидере «Наших», движение пыталось с использованием авангардистских методов привлечь конформистских молодых людей. В основном «Наши» были созданы, чтобы обратиться к аполитичным молодым людям, которые все еще нуждались в мечте, некоем образе будущего. К сожалению, интеллеktуал Сурков, как оказалось, был слишком творческим идеологом в то время, когда Россия нуждалась в менее политизированных «эффективных функционерах», которые могли участвовать в более конкретных действиях.

Эта новая политика была в общих чертах обозначена президентом Путиным, который посетил один из главных ежегодных лагерей «Наших» на озере Селигер (около Твери), и другими представителями правительства. Увенчалась ли бы эта новая политика успехом, все еще оставалось нерешенным вопросом.

Политическое руководство, очевидно, не знало, что движение такого рода должно было появиться из среды самой молодежи, а не правящей элиты старшего поколения. В «Наших» не было ничего спонтанного; никаких искренних потребностей или желаний. Это было искусственное создание, и ответственные за это, кажется, не знали, что такие предприятия редко оказываются удачными. У «Наших» однажды было больше ста тысяч участников, но как только опасность «цветной революции» для режима миновала, движение прекратило быть политическим фактором какой-либо важности и утратило правительственную поддержку. В 2010 году Якеменко объявил, что «Наши» прекращают свое существование.

Различные молодежные организации продолжают существовать в России, включая некоторые с экологической направленностью, но политически активные среди них можно найти, главным образом, на экстремистских флангах, это последователи коммунистов и неонацистов. Идеологические разногласия между этими двумя направлениями, напомним еще раз, невелики. Коммунисты имеют мало общего с традиционным левым движением и вообще ничего с марксизмом и интернационализмом; они включили в свою программу не только патриотизм, но и великодержавный шовинизм, и искали одобрение со стороны церкви. Ультраправые разделяют большую часть программы коммунистов. У двух этих крайностей есть общий враг – либералы и демократы, которых они называют «либерастами». Они делают вид, будто думают, что все геи – либералы и демократы, и наоборот. Эти два лагеря часто вместе появлялись на демонстрациях.

Влияние экстремистов часто переоценивалось, потому что они единственные, кто в состоянии мобилизовать тысячи людей на своих демонстрациях. При этом легко забывается, что такие цифры не значат много в городе с двенадцатью –

четырнадцатью миллионами жителей, таком как Москва. Ввиду сильной националистической линии Путина и его поворота против некоторых олигархов и большого бизнеса, радикалы в значительной степени утратили почву под ногами. Но что будет, если экономическая ситуация ухудшится, и ожидания широких частей населения не будут выполнены? Что, если всеобщая политическая поддержка существующего режима уменьшится?

К 2014 году Путин и правительство сделали вывод, что «Наши» оказались провалом; и Сурков и Якеменко были бесполезны. «Наши» был слишком нахальными (беспокоили иностранных послов и оппозиционеров), но недостаточно стильными. Их действия были агрессивными, но не находили большой отклик. Но когда правительство столкнулось с демонстрациями всех видов оппозиционных групп в конце 2011 года, «Наши» оказались не в состоянии мобилизовать молодых людей и предложить какую-то альтернативу. С тех пор они почти исчезли со сцены и из заголовков в прессе.

Согласно опросам Левада-Центра, приблизительно 50 процентов россиян полагают, что их страна нуждается в оппозиции; только 23 процента думают, что Россия может справиться и без оппозиции. В существующей Думе никакой оппозиции нет. Молодое поколение 2015 года будет завтрашними избирателями. Трудно увидеть будущую оппозицию в этом поколении, но непредвиденные обстоятельства могут толкнуть этих молодых людей в этом направлении.

Эта «молодая гвардия» 2014-2015 годов является странным поколением, с часто противоречивыми представлениями и позициями. Оно восхищается Путиным, но не испытывает никаких симпатий к политикам. Политическая апатия опасна, потому что она могла бы означать, что радикальные меньшинства во время кризиса смогут навязать свои представления большинству. Это поколение националистическое, но многие из его представителей предпочли бы уехать из России. Это также грустное поколение: количество самоубийств среди молодых россиян в три раза выше, чем в любой другой европейской стране. Согласно многим сообщениям, реальные цифры молодежных самоубийств могут быть еще выше, чем представляют официальные данные, потому что вне крупных городов причиной смерти часто указывают «несчастный случай», а не самоубийство.

Это поколение конформистов, совсем не революционное, тем не менее, в нем растет напряженность. Как и в других развитых странах и обществах, в прошлом существовал неписанный общественный договор; родители заботились о своих детях, а когда родительское поколение старело, молодежь заботилась о них. Но теперь молодых людей меньше, а старики живут дольше. Тех, кто молод сегодня, ожидает более тяжелая ноша. Это не идеальное поколение для того

вида империи, которую намечает построить Путин, или даже для того, чтобы вообще достигнуть какой-либо важной цели, если только это нельзя сделать быстро и без больших усилий и жертв. Главный интерес этого поколения лежит в бизнесе и финансовой обеспеченности, а не в политическом характере режима, не в том, будет ли в России больше или меньше свободы. Поэтому оппозиция не может ожидать большой поддержки со стороны этой возрастной группы.

Политические и социальные позиции могут измениться, но пока еще слишком рано говорить, в каком именно направлении.

Конфликты в Средней Азии

Первые годы эры Путина были посвящены экономической и политической стабилизации и консолидации. Как только эта цель была достигнута, главной задачей стало укрепление внешнеполитического положения России. Россия больше не была сверхдержавой, и много территорий было потеряно. Но учитывая благоприятное международное стечение обстоятельств, ослабленную Америку и разъединенную Европу, улучшились перспективы для того, чтобы вернуть, по крайней мере, часть того, что было потеряно с падением Советского Союза. Стратегия Путина опиралась, главным образом, на идею евразийского проекта, но такого, который не исключал бы восстановления и позиций, потерянных в Европе. Этот проект основывался на предпосылке, что Россия не только была европейской державой, но также и обладала важным присутствием в Азии, и что Азия должна была в будущем играть все более важную роль в международных делах.

Это была опасная стратегия. Присутствие России в Азии слабо, что касается ее населения – численность русских на Дальнем Востоке упала приблизительно на 20 процентов за эти годы. Но прежде всего рост российской активности в Средней Азии мог бы привести к конфликту с Китаем, который также показывал свой растущий интерес к этим регионам.

Между этими двумя странами была существенная напряженность, кульминацией которой стали вооруженные приграничные конфликты в 1969 году; но пограничные споры были улажены во времена Горбачева, и в 1998 году была установлена горячая линия между Пекином и Кремлем, чтобы быстро справляться с местными кризисами, если такие возникнут. За последние два десятилетия пограничные области были демилитаризованы, и был подписан ряд соглашений между этими двумя странами, главным образом экономического характера – торговля энергоносителями, строительство трубопроводов – чтобы облегчить

экспорт нефти и газа. Однако китайские и российские интересы в этом отношении не идентичны. Обе страны хотят увеличить производство нефти и газа, но Россия хочет удержать контроль над добычей и стремится удерживать цены на высоком уровне, тогда как Китай как потребитель хочет низкие цены. В качестве меры предосторожности Китай недавно купил несколько казахских нефтяных компаний. Среднеазиатские республики, в особенности Казахстан и Туркмения, боятся России больше, чем Китая, из-за ее физической близости – у России есть военные базы в среднеазиатских республиках, а у Китая их нет – и хотели бы настроить одну страну против другой. С русским меньшинством в Казахстане обращались очень хорошо, так что они номинировали Нурсултана Назарбаева, казахского президента, на Нобелевскую премию в 2013. При другом руководстве ситуация могла бы ухудшиться, но с учетом щекотливого положения страны даже будущее руководство будет, вероятно, действовать в этом вопросе осторожно.

Эти два правительства называли свои отношения «стратегическим партнерством». Россия поддерживала Китай всякий раз, когда на международных форумах всплывали проблемы Тибета и Тайваня, тогда как Китай всегда защищал действия России на Кавказе. Проходили военные маневры под покровительством Шанхайской организации сотрудничества, которая включала шесть государств и занималась преимущественно безопасностью в этом регионе перед лицом угроз терроризма и сепаратизма. Однако сотрудничество в рамках этого соглашения не распространяется на обмен современной военной технологией; Россия воздержалась от поставки китайцам самой современной ядерной технологии.

Энергетическое соглашение 2014 года, предусматривающее тридцатилетние поставки газа из России в Китай, оцененное в 400 миллиардов долларов, было провозглашено Москвой как политически очень важное достижение, поскольку оно уменьшит зависимость России в торговле энергоносителями от ее европейских клиентов. Также в 2014 году Россия создала Евразийский экономический союз с Казахстаном и Белоруссией. Мнения относительно значения этого общего рынка на политической и экономической аренах существенно разнятся. Согласно Путину, долгосрочным намерением должно стать расширение таможенного союза на все постсоветские государства (исключая только страны Балтии). Армения и Кыргызстан указали на свой интерес присоединиться к союзу, хотя некоторые в Армении выступают против такого движения, утверждая, что это ограничило бы государственный суверенитет страны. Китай и другие азиатские страны к настоящему времени не проявили интереса к присоединению к этой организации, но при этом они и не выступили против ее существования.

Вообще говоря, обе страны: и Россия и Китай очень осторожно действуют в Средней Азии, чтобы не ущемить интересы друг друга. В настоящее время интерес Китая ограничен поставками энергоносителей и определенных полезных ископаемых. Ни Россия, ни Китай до сих пор не проявляли интереса к физической оккупации Средней Азии. Россия пыталась поддерживать свое традиционное доминирующее политическое положение в этом регионе, но это не вызывало возражений со стороны Китая, пока это не затрагивает его экономические интересы.

Однако с долгосрочной точки зрения кажется сомнительным, сможет ли Россия сохранить свое нынешнее положение, потому что демографический дисбаланс, вероятно, будет подавляющим. Этническое русское население в азиатской России могло бы уменьшиться до отметки ниже тридцать миллионов, тогда как население пяти среднеазиатских мусульманских республик, вероятно, достигнет восьмидесяти миллионов, а численность китайцев в их приграничных провинциях превысит сто миллионов. Такая диспропорция обязательно вызовет политические последствия. Россия, возможно, все еще сможет удержать свое присутствие, но только в ослабленном положении, к которому она не была приучена в прошлом, и к которому она только с большим трудом смогла бы приспособиться в будущем.

Какие другие территории, вероятно, будут яблоками раздора в ближайшие годы? Арктика стала областью споров между Россией и Западом, с несовместимыми территориальными претензиями пяти стран: Канады, Дании, Норвегии, США и России. Эти претензии также касаются открытия путей судоходства, которые стали доступными вслед за глобальным потеплением, и такие проблемы теперь обострились ввиду ухудшения отношений между Россией и Западом.

Были различные международные соглашения, основанные на Конвенции ООН, но морское право не точно и оставляет открытыми многие вопросы относительно контроля зоны арктических морей. Согласно морскому праву, существует территориальная морская зона, простирающаяся от берега на двенадцать морских миль, в которой прибрежные государства могут устанавливать свои законы, регулировать ее использование и эксплуатировать ресурсы (территориальные воды). Кроме того, за территориальными водами простирается прилегающая зона, шириной еще в двенадцать морских миль, в которой прибрежное государство может вводить законы и контролировать их исполнение относительно загрязнения окружающей среды, налогообложения и таможенных правил. И наконец, есть «исключительная экономическая зона» шириной в двести морских миль, где прибрежное государство может контролировать все живые и неживые ресурсы.

Эта двухсотмильная экономическая зона вызвала противоречащие друг другу претензии. Россия, Канада, и Дания (Гренландия) все претендуют на подводный хребет Ломоносова, который по территории соответствует половине Европы. Контроль Северо-Западного прохода – еще одно яблоко раздора. Эти и различные другие такие споры могли бы быть решены мирно; к сожалению, нет никакой уверенности, что произойдет именно так.

Далее считается, что в этом регионе имеются существенные месторождения нефти и газа, так что российское рвение иметь так много арктических месторождений нефти и газа, как это только возможно – несмотря на технические трудности и огромные расходы, требующиеся для добычи нефти и газа в этой области – было бы понятно в свете того факта, что некоторые месторождения на российском материке приближаются к истощению. Отсюда призыв к сильному присутствию российских военных и демонстрации силы в Арктике, высказанный, например, Дмитрием Рогозиным, ведущим выразителем взглядов националистических сил и заместителем премьер-министра: «Нам крайне важно расставить вешки, нам крайне важно расставить периметр наших национальных интересов в этом регионе. Если мы этого не сделаем, мы проиграем борьбу за ресурсы, а значит, проиграем большую борьбу за право иметь собственный суверенитет, независимость».

Россия когда-то содержала военные базы в Арктике, но после договоренности о демилитаризации Арктики, они больше не создавались. Однако в мае 2014 года Путин объявил о повторном открытии баз для защиты стратегических интересов России в Арктике. Это, в свою очередь привело к заявлению Генерального секретаря НАТО о том, что члены НАТО должны будут заняться этой темой в свете российских действий. Соединенные Штаты отказались вступать в арктические споры, но другие участники НАТО, более близкие к этой сцене (такие как Норвегия и Канада), выразили беспокойство после наращивания российского военного присутствия. Некоторые российские комментаторы даже предсказали войну за владение арктической нефтью и газом в течение следующих десяти лет.

Очень мало известно за пределами России (и не намного больше в самой России) о некоторых из территорий, которые когда-то были частью Советского Союза, и будущий статус которых является спорным. Приднестровье – одна такая область, как и Абхазия, и Южная Осетия – последние две расположены на Кавказе. Они должны быть упомянуты здесь, потому что, судя по историческому опыту, даже очень маленькие территории могут вызвать большие политические конфликты. О гагаузах, меньшинстве в Приднестровье, известно немного. Даже их происхождение является среди экспертов спорным (болгары или какое-то

степное племя). Однако они играют заметную роль в конфликте и дискуссиях между Кремлем и Республикой Молдовой.

Республика Молдова со столицей в Кишиневе возникла с распадом Советского Союза. Румынский язык – ее официальный язык. Однако она является также родиной значительного числа русских, украинцев и гагаузов. Большинство русских и украинцев в советское время переехали в область к востоку от реки Днестр и теперь составляют немного больше половины населения, и коммунистическая партия осталась самой сильной политической группой. Область, заселенная русскими, украинцами и гагаузами, считала себя дискриминируемой, что привело к расколу; закон, дающий этой области почти полную автономию, был введен, но не был подтвержден молдавским парламентом. Вооруженные столкновения имели место, и на двух голосованиях (1991 и 2006) большинство выразило желание отделиться и объединиться с Россией, тогда как Молдова сближалась с Европейским союзом. Российское экономическое и военное влияние было сильно в Приднестровье; российские войска были размещены в отколовшемся регионе. У области есть свой государственный гимн, российские учебники используются в местных школах, и приднестровская валюта – рубль; однако Москва не требовала быстрого объединения. Этот вопрос всплыл только во время Крымского кризиса в 2014 году. Экономическая ситуация в Молдове чрезвычайно плоха; но положение в Приднестровье еще хуже, с очень низким доходом на душу населения.

Республика Абхазии считает себя независимым государством и хочет оставаться независимой. Она признана четырьмя государствами-членами Организации Объединенных Наций (Россия, Венесуэла, Никарагуа и Науру, остров в южной части Тихого океана). Абхазия сражалась с Грузией, частью которой она была, несколько раз начиная с распада Советского Союза. Южная Осетия тоже была частью Грузии, но объявила свою независимость в 1990 году. В результате почти постоянных беспорядков множество осетин сбежало в Северную Осетию, входящую в состав России, тогда как много грузин переехали в Грузию. Юго-осетинская проблема привела к войне между Грузией и Россией в 2008 году. Область эта не имеет никакого стратегического значения, чрезвычайно бедна, и экономически полностью зависит от России.

Реальные проблемы, ставящие под угрозу восстановление Россией империи, это не маленькие отколовшиеся области, на Украине и Кавказе, с одной стороны, и степень влияния России на восточноевропейские страны, с другой. Россия будет противодействовать любому более тесному военному сотрудничеству этих стран с Западом; сможет ли она предотвратить более тесные политические и эконо-

мические отношения этих стран с Западной Европой, будет зависеть от равновесия сил и зависимости Европы от российских поставок нефти и газа.

Российские политические и экономические слабости обсуждались достаточно подробно. Быстрые и существенные перемены к лучшему кажутся маловероятными в ближайшем будущем. Однако движение к европейской интеграции, достижение согласия относительно общей политической, экономической и энергетической политики, показало такие же признаки слабости. Слабость Европы могла бы стимулировать российскую внешнюю политику, нацеленную на распространение российского влияния, даже если политическая основа, на которую опиралась бы такая политика, будет хрупкой. Российские имперские амбиции можно было бы ограничить, но слабость Запада могла бы ввести их в искушение.

Имеется изобилие евразийских политических и экономических проектов, но обеспечат ли они стабильность и процветание в этой части Азии, смежной с Россией? Из пяти среднеазиатских республик две относительно преуспевают, тогда как текущее состояние и перспективы остальных трех остаются печальными. У Туркмении есть существенные месторождения нефти и газа, главным образом, на восточном берегу Каспийского моря. Казахстан тоже стал важным поставщиком нефти, газа и определенных редких полезных ископаемых. Эта страна привлекла значительные инвестиции с Запада и Востока. Она также стала местом важного нефтепровода в Китай. Под эгидой ШОС безопасность этого региона кажется гарантированной. Но открытым остается вопрос, обеспечат ли эти соглашения внутреннюю стабильность в чрезвычайной ситуации. Внутреннюю напряженность нельзя игнорировать.

Гражданская война в Таджикистане между различными кланами и этническими группами (1992-1998), мало кем замеченная за пределами региона, принесла сотню тысяч смертей и более миллиона беженцев. Полный контроль со стороны правительства все еще не установлен. И если обычная война между республиками кажется очень маловероятной, то другие формы конфликта могут вспыхнуть как в результате плохого управления вообще, так и специфических проблем, как, например, контроль торговли наркотиками, которая составляет важную неофициальную часть серой экономики региона. Местные правительства часто закрывают свои границы, причиняя значительные трудности населению, даже если контрабанда продолжается. Напряженные отношения среди этнических и религиозных групп уходят своими корнями далеко в прошлое. И если правительства таких стран, как Казахстан и Узбекистан, склонны проводить националистическую светскую политику, то консервативные исламские тенден-

ции преобладают во многих регионах, и беспорядки, возникающие на этом фоне, будут усиливать атмосферу нестабильности.

Трудно оценить перспективы воинственного исламского движения, потому что большинство его действий происходит в подполье. Кажется вероятным, что, по крайней мере, некоторые из боевиков Афганской войны вторгнутся в среднеазиатские республики.

Самым активным в Средней Азии воинственным движением был Хизб-ут-Тахрир, панисламская политическая организация, основанная в иорданском Иерусалиме в 1950-х годах и стремящаяся к созданию охватывающего всех мусульман государства (халифата). В настоящее время она запрещена почти во всех странах, включая страны арабского мира. Ее перспективы в некоторых среднеазиатских странах, таких как Кыргызстан, не следует недооценивать.

В целом среднеазиатские республики успешно подавили террористические группы. Китайские уйгуры, которые являются мусульманами, были арестованы и возвращены в Китай. Однако существует большая неудовлетворенность среди населения некоторых областей, и приток боевиков из Афганистана мог бы изменить ситуацию. Учитывая коррупцию на локальном уровне, в определенных регионах можно было бы купить «доброжелательность» со стороны властей; такое положение дел могло бы оказаться благоприятным для производства оружия массового поражения. Однако подобные условия преобладают в других регионах мира, таких как Сомали или Йемен, которые можно было бы считать предпочтительными с точки зрения логистики.

До сих пор упоминалось о вероятном повторном появлении терроризма в Казахстане, но ситуация в Узбекистане не является несходной. Объединяющей организации ИДУ (Исламское движение Узбекистана) пока не удалось добиться своей цели – свержения правительства в этой стране, но ей может представиться второй шанс с возвращением узбекских джихадистов с полей боев Афганистана, Сирии, Ирака и других стран. В настоящее время узбекский джихадизм базируется, главным образом, в узбекской «диаспоре» соседнего Таджикистана, некоторых арабских стран, и Турции, где молодые узбеки учились и радикализировались. Некоторые из них жаждут возобновить борьбу дома, и местные власти, возможно, не смогут противостоять этой проблеме.

Еще неизвестно, сможет ли ШОС справиться с этими угрозами. Россия продемонстрировала мало энтузиазма по поводу включения Кыргызстана и Таджикистана в ее евразийские проекты, зная, что эти страны станут там бременем, а не активом. С точки зрения Москвы было бы предпочтительно установить пророс-

сийские квазинезависимые правительства. Однако такая схема может столкнуться с внутренним националистическим сопротивлением, и риск появления несостоявшихся государств на границе России не исчез бы. Следовательно, есть вероятность того, что части Средней Азии останутся опасными зонами.

Я здесь не рассматривал Украину и Молдову, прибалтийские государства, или Грузию и Азербайджан, все страны, которые когда-то были частью Советского Союза или советского блока. Москва рассматривает их как часть своей зоны влияния и не хочет изменений этого положения. Это могло бы быть достигнуто путем прямого российского физического присутствия, но несомненно, что эти страны (или области) захотят сохранить максимум независимости. Смогут ли они рассчитывать на поддержку своих усилий со стороны других держав, включая Европу и Соединенные Штаты, никто пока не может сказать. Это зависит от международного баланса сил и, прежде всего, от спроса и поставок нефти и газа. Может появиться некая непрочная договоренность, но временные и местные конфликты на этом фоне почти неизбежны.

ЭПИЛОГ: КАМО ГРЯДЕШИ, РОССИЯ?

Как видят русские место своей страны в мире через пятнадцать или двадцать лет? Год или два назад было много пессимизма, но затем произошло существенное изменение в настроении Кремля и страны в целом, умеренное, конечно, до некоторой степени, экономическим кризисом. Согласно опросам общественного мнения, большинство россиян думает о своей стране как о сверхдержаве; среди экспертов это представление распространено не столь широко. Как они теперь видят это, Запад отстывает, он изолирован. Правила игры, которые ЕС и Вашингтон диктовали на протяжении долгого времени, изменились. Расширение НАТО и ЕС к российской периферии было остановлено. Эти представления разделяют умеренные комментаторы, представляющие мейнстрим, такие как Сергей Караганов, Александр Лукин, и другие, а именно: до недавнего времени достоинство и интересы России попирались. Особо раздражали российский политический класс систематические обманы и лицемерие, и нарушенные обещания. Неспособная и нежелающая ходить по струнке Россия теперь оставила свои попытки стать частью Запада.

Теперь Запад теряет свое лидерство в мировой экономике, его военное преимущество сокращается, и главной причиной был отказ Запада де-факто и де-юре положить конец Холодной войне. Запад систематически продвигался вперед в расширении своей зоны влияния и контроля в военном, экономическом и политическом отношении. Россию рассматривали как побежденную страну, ее

интересы и возражения игнорировали. Все же русские не считают себя проигравшими. Особую досаду у политического класса России вызывали систематически и лицемерно нарушавшиеся обещания и декларации. Русским сказали, что политика «сфер влияния» устарела. Но в остальной части мира было известно, что это было просто неверно, и это вызывало недоверие и насмешки. Движущей силой расширения ЕС должно было заставить Россию поверить, что геополитическое и социополитическое отступление Запада закончилось. Это должно было скрыть непоправимый кризис проекта европейской интеграции. Этот кризис был очень болезненным для политического класса западных стран, так как подвергал сомнению их моральную и политическую легитимность. Запад также хотел саботировать евразийский проект России по воссозданию азиатско-европейского экономического союза. Язык был не всегда ясен, но намерение было именно таким. России не нравилась Европа. Она не была частью Европы, и так или иначе, Европе пришел конец или почти пришел конец.

Что касается «лицемерно нарушенных обещаний», то Путин и другие российские представители много раз в недавние годы заявляли, что Запад, мол, обещал России, что НАТО не будет двигаться в восточном направлении, но это обещание не было сдержано. Документы (президента Джорджа Х. У. Буша, Джеймса Бейкера и Гельмута Коля), показывают, что Горбачев действительно хотел получить обязательство такого рода, но попыток добиться его никогда не было. Вместо этого была обещана западная (прежде всего, немецкая) экономическая помощь, чтобы предотвратить банкротство, угрожавшее тогда советскому государству. Можно было бы утверждать, что западные лидеры, возможно, должны были бы взять на себя такое обязательство ввиду слабости НАТО и его неспособности и нежелания занять сильную позицию в случае угрозы. Но это не то, что произошло, и поэтому официальная российская версия более поздних лет о «предательстве» основана на неправильном понимании или, более вероятно, на выдумке. Российские заявления очень часто были противоречивыми, выражающими страх и хвастливыми одновременно. С одной стороны, российские лидеры утверждали, что Запад окружал ослабленную Россию, с другой, были почти еженедельные утверждения Путина и других о том, что не было ни одной страны, в военном отношении более сильной, чем Россия, и что она могла бы уничтожить Соединенные Штаты. Если НАТО расширялось на Восток, то это было не потому, что Америка и другие страны НАТО хотели оказать сильное давление на соседей России, добиваясь от них присоединения к НАТО, но потому что сами эти небольшие страны чувствовали себя под угрозой со стороны государства, так часто апеллировавшего к своей имперской миссии.

Возможно, НАТО не должно было принимать новых членов. Но отнюдь не бесспорный факт, что такая уступка успокоила бы российские нервы, возможно,

что это, наоборот, интерпретировалось бы как признак слабости и приглашения России к экспансии.

Неправда, что Запад все время пытался не пускать Россию. Запад пригласил Россию присоединиться к G7, Совету Европы, Всемирной торговой организации и другим подобным структурам. Без чрезвычайной финансовой помощи, выделенной в июле 1998 Всемирным банком и Международным валютным фондом на сумму более 22 миллиардов долларов, Россия стала бы банкротом – но этот факт редко упоминался. Создавалось впечатление, что Россия хотела большего. Она хотела, чтобы Европа присоединилась к ее евразийским предприятиям так, что Россия появилась бы в качестве ведущей державы с исключением Соединенных Штатов. И такие амбиции не могли найти большой поддержки на Западе.

Это общие очертания того, что говорили и писали ведущие российские эксперты. Но более искушенные среди них, кажется, чувствуют, что это не вся история. Сергей Караганов, один из ведущих современных наблюдателей российской сцены, все еще чувствует себя неловко, и он не одинок. Упадок Запада – это желанные новости, но за это может понадобиться заплатить свою цену. Караганов видит темные тучи на горизонте: экономическом, демографическом и политическом. Россия теперь в зените своей власти; но пятнадцать или двадцать лет спустя она будет слабее. Если это так, то Россия должна искать союзников. Возможно, предсказания о будущей силе Китая преувеличены? Возможно, и эта страна тоже столкнется с большими проблемами в будущие годы? В любом случае, России следовало бы дать совет сохранять все свои возможности выбора открытыми, чтобы не оказаться, в конце концов, сателлитом какой-то будущей сверхдержавы. Путин, кажется, смутно знает о такой потребности, но, возможно, так открыто говорить об этом пока еще нецелесообразно.

Более осторожные, менее торжествующие российские комментаторы указывают на то, что до второй половины 2000-х годов стратегической целью России была интеграция с Европой на приемлемых условиях. Москва подчеркивала европейскую природу российского государства и российской цивилизации и предлагала концепцию тесного взаимодействия европейского капитала и технологий и российских природных и человеческих ресурсов. Это сделало бы Европу конкурентоспособной в мировой экономике. Это сформировало бы третью сверхдержаву в мире наряду с Соединенными Штатами и Китаем. Россия стремилась к равноправной интеграции, и некоторые европейские страны были в этом заинтересованы; но ЕС в целом заинтересован не был, особенно новые (восточноевропейские) участники, поддержанные Соединенными Штатами. Так была упущена еще одна историческая возможность.

Большая часть этой оценки была новой и поразительной для жителей Запада – ссылка на европейскую природу российского государства и цивилизации, которую так сильно отрицали большую часть времени; утверждение, будто бы мощная западная пропагандистская машина большую часть времени бесперебойно занималась антироссийской пропагандой, в особенности в связи с Олимпийскими играми в Сочи. Западные люди, должно быть, с удивлением узнали бы, что они любой ценой хотели продолжить Холодную войну. Но, прежде всего, их озадачила бы идея – которая предположительно существовала и была отклонена – большой потерянной возможности России, ищущей интеграцию на Западе.

Это остается позицией умеренных, также называемых «партией мира». Они считают завоевание Крыма желанным совершившимся фактом и полагают, что давление на Украину следует продолжать. Россия должна защищать свои интересы железным кулаком, как выражается Караганов. Но это давление должно быть политическим и экономическим, а не военным, которое слишком опасно и может иметь нежелательные, даже опасные последствия.

Валерий Герасимов, начальник Генерального штаба российских вооруженных сил, произнес в начале 2013 года речь, в которой он размышлял об изменяющемся характере современной войны, которую теперь ведут маленькими специальными подразделениями, политическими и экономическими мерами и кибервойной. Массовые армии, утверждал он, ушли в прошлое. Западные военные мыслители сделали подобные выводы в последние годы.

В России есть партия войны, утверждающая, что теперь пришло время нанести по Западу ответный удар как реванш за крушение Советского Союза, и вернуть большую часть мощи и влияния, которыми Россия когда-то обладала. Риски, по их мнению, невелики, НАТО разьединено, общественное настроение в Америке склоняется к изоляционизму и даже пораженчеству. Если, как сказал в 2014 году президент Обама, у Америки нет никакой стратегии по отношению к Сирии, то понятно, что она не будет реагировать резко в случае какого-то ограниченного российского агрессивного нападения в Восточной Европе. Взаимное гарантированное уничтожение может все еще быть в силе в случае всеобъемлющего ядерного удара против Соединенных Штатов. Но ограниченный ядерный удар по некоей цели в Восточной Европе, вероятно, не вызвал бы американское возмездие. Настроение на Западе в значительной степени это «mourir pour Narva?» («умирать за Нарву»). Нарва – восточная часть Эстонии, где живет много этнических русских. («Mourir pour Danzig», «умирать за Данциг» – это фраза, произнесенная в 1938 году Марселем Деа, французским социалистическим лидером, который потом стал видным нацистским коллаборационистом.) Если бы Запад не смог отреагировать, это, вероятно, привело бы к распаду

НАТО и еще больше уменьшило бы американский престиж в мире. Если рассматривать ситуацию в этом свете, то российская неспособность действовать была бы упущенной возможностью, эквивалентной потере инициативы во время необъявленной войны, которая шла полным ходом в течение некоторого времени.

У точки зрения партии войны есть много сторонников и за пределами лагеря экстремистов и ультранационалистов. Они признают, что хотят устранить либералов и демократов дома и во всем мире; они горячо надеются на конфронтацию с Западом; они полагают, что Брюссель – «центр мирового фашизма». Эти утверждения иногда изумительны, потому что Западу снова и снова говорили, что на самом деле не фашизм был главным врагом (если он был врагом вообще), а «атлантизм» и либерализм и демократия западного стиля – это они были самыми большими опасностями и самым большим злом. Даже некоторые бывшие умеренные, близкие к Кремлю, вроде Сергея Кургиняна, объясняли Западу, что в Гитлере было много достойного восхищения, по крайней мере, до 1939 года. Если это так, то почему тогда эти внезапные обвинения Гитлера? Да потому что он переступил через определенную границу (также называемую красной чертой в наше время), тот самый момент, на который также много лет назад обратил особое внимание и Иван Ильин, ставший ныне важным моральным и политическим ориентиром.

Действительно ли верно то, что большой шанс был упущен в 1990-х годах, когда Россия хотела присоединиться к Западу и была им отвергнута? Эта версия новейшей истории принимается не всеми. Вспомните представление ведущего российского историка Юрия Афанасьева в статье «Новый российский империализм?», опубликованной в журнале «Perspective» (февраль-март 1994 года). Его анализ был основан на том, что он назвал «доктриной Ельцина» так же как на официальной российской военной доктрине 1993 года: была необходима сильная Россия, берущая на себя роль миротворца и защищающая свои законные государственные интересы. Это было обязанностью России, и потому Россия имела право действовать твердо и жестко. Россия была обязана защищать интересы русских, живущих в ближнем зарубежье, если их права нарушались. В терминах практической политики это означало, что российские интересы государства распространялись на всю территорию прежнего СССР и оправдывали попытку навязывать особую внешнюю политику всем странам прежнего европейского социалистического лагеря. Это означало возвращение идеологии великой державы («державности»). Такие взгляды не должны были вызывать большого удивления даже в 1994 году, и различные причины могли бы быть приведены в защиту таких представлений. Но было бы трудно утверждать, что

это было эквивалентно горячему желанию присоединиться к Европе и стать ее частью.

Глядя с позиций 2015, это, более или менее, и есть то, что произошло. Либералы (которые никогда не были очень сильны) стали намного более слабыми и, в конечном счете, потеряли все свое влияние. И изменилась вовсе не цель России (присоединиться к Европе), но обстоятельства, при которых можно было преследовать реальные национальные интересы России – восстановление ее прежней сильной позиции. В 1994 году Россия была слаба; она нуждалась в западной помощи, чтобы предотвратить банкротство. Двадцать лет спустя и Соединенные Штаты и Европа ослабели, тогда как положение России стало намного более сильным. Вследствие нефтяного и газового бума Россия снова стала великой державой.

Действительно ли это была ошибка Запада? Существовал ли когда-либо реальный шанс интеграции России с Западом в 1989-1991 году, если бы только Запад продемонстрировал большую дальновидность, великодушие в победе, большую готовность пойти на компромисс? Насколько сильным, насколько искренним было желание России двигаться в сторону интеграции с Европой и Западом? Учитывая глубокий экономический и политический кризис России в то время, какво точно было значение «приемлемых условий» и «равноправного партнерства»?

Документ, названный «Военная доктрина России», издаваемый Генеральным штабом вооруженных сил каждые несколько лет, перечисляет главные опасности, стоящие перед страной. Еще несколько лет назад НАТО и Соединенные Штаты упоминались в нем как «стратегические партнеры». Больше этого нет: в версии 2014 года Путин и другие российские представители называли Соединенные Штаты и НАТО главным противником и высказывали лишь слегка скрытые угрозы, ссылаясь на ядерный арсенал России и отказываясь от соглашения 1987 года с Соединенными Штатами, одного из нескольких обещаний ограничить гонку ядерных вооружений. Вероятно, не следует приписывать излишнюю важность «Военной доктрине России», полный текст которой никогда не публиковался. В любом случае есть причина предполагать, что Россия игнорировала соглашение о сокращении ядерных вооружений 1987 года в течение многих лет. Практические факты важнее официальных деклараций такого рода. И эти факты говорят о том, что российские военные расходы с 2007 по 2014 год удвоились, тогда как расходы НАТО наполовину сократились.

Каков был решающий фактор в российских взглядах, и каковы были главные мотивы? Действительно ли это было желание защитить русскоязычных людей,

живущих вне Российской республики, или же на самом деле это было желание восстановить границы Советского Союза, возродить старую империю?

Эти вопросы будут еще долго обсуждаться в будущем, когда будет больше известно о желании России интеграции с Западом и о позиции Запада по отношению к этому. Судя по доказательствам, доступным в настоящее время, российские заявления об «упущенной возможности» являются неправдивыми.

Несомненно, в интересах российских патриотов было бы возвращение статуса великой державы. Но так как Запад так долго рассматривался как заклятый враг России, не было ли неизбежно, что российская стратегия интеграции, будь она даже совершенно искренней, должна была бы расцениваться с определенной долей подозрения или, по крайней мере, сомнения? В то время Россия нуждалась в помощи, чтобы предотвратить свой полный крах: и должна ли была западная помощь включать восстановление старых границ Советского Союза? Заслужила ли бы такая помощь вечную благодарность России?

Некоторые российские аналитики чувствуют определенную неловкость даже в момент триумфа России. Как выражается Сергей Караганов:

«Сейчас Россия на пике мощи. Ближайшие годы усиления не сулят. Похоже, что Москва сознательно сместила фокус конкуренции с Западом с «мягкой силы» и экономической сферы – в сторону жесткой силы, воли и интеллекта. Туда, где она считает себя сильнее. Попытка пока принесла положительные плоды. Но для того, чтобы закрепить усиление хотя бы в среднесрочной перспективе, необходимо реформирование экономической и внутренней политики, ускоренная смена элит, появление целей развития, разделяемых большинством, национальной идеи. Россия подготовилась. Развязана беспрецедентная со времен холодной войны антизападная кампания на телевидении, готовившая население. Появились современные вооруженные силы. Были и другие признаки надвигающегося столкновения. Кризис на Украине ускорил его, послужил спусковым крючком, сделал практически неизбежным.

Промежуточные результаты благоприятны. Мастерски присоединен Крым. Завлачена и удерживается инициатива. Не признано руководство, пришедшее в результате переворота. Оставлена возможность непризнания будущих выборов, если они (почти неизбежно) будут проводиться в условиях беззакония, угроз со стороны вооруженных крайне правых. Не отвергнута теоретическая, но подкрепленная решениями парламента, возможность направления на Украину вооруженных сил в случае массового и кровавого насилия. В российском арсенале большой набор инструментов влияния – и экономических, и политических. И

главное – Москва, похоже, на этот раз решила не отступить, пока не добьется своих целей. Такая стратегия несет высокие риски, надолго осложнит отношения с Западом, ослабит позиции России в отношениях с Китаем (уменьшится поле ее маневра), хотя и повысит моральный авторитет в глазах не-Запада. Если, конечно, Москва не проиграет».

Это интересные размышления, более пророческие, чем большинство исходящих в это время из Москвы. Начать массивную пропагандистскую кампанию сравнительно легко, но как создать новую элиту за короткий период? Отказалась ли Россия от соревнования с Западом в экономической области – и надеется ли она получить свои преимущества посредством «жесткой силы» и «политической воли»? Означает ли это войну? Если да, то какую войну?

Следует считать данностью, что даже при том, что Москва сместилась к агрессивной националистической, даже шовинистической политике, никто за пределами группы фанатиков-экстремистов на самом деле не хочет большой ядерной войны. Очевидно, в Москве есть некоторые люди, которые думают, что никакой конкуренции между Россией и Китаем не будет, потому что все, что хочет Китай, это вернуть Тайвань. Силы самообмана велики. Было время, когда Мао Цзэдун считал желательным, чтобы Россия начала войну с США, так, чтобы эти две сверхдержавы могли уничтожить или, по крайней мере, надолго вывести из строя друг друга.

Предполагая, что Россия сейчас на пике своей мощи, заявление, которое уже не так часто можно было услышать после экономического кризиса 2014-2015, разве не должна она была максимально использовать это обстоятельство? Что, если такая уникальная возможность больше не повторится? Но это было бы опасно, потому что, если Россия снова придет к состоянию крайнего перенапряжения, разве результат не стал бы точно таким же, что и в прошлом? Сможет ли она удержать то, что она получила во время благоприятного стечения обстоятельств? Любое территориальное приобретение, которое Россия сделала теперь или сделает в ближайшем будущем, будет означать рост внутренней поддержки существующего правительства. Но сколько времени продлится этот рост?

Русские хотят, чтобы их страна была великой державой, сверхдержавой, если возможно. Но они также хотят жить хорошо. Две понятные цели – но могут ли они быть объединены? Экономические эксперты, такие как Владислав Иноземцев, в сильных выражениях утверждали, что Россия не сверхдержава и не может быть таковой, пока она зависит от внешнего мира, пока она импортирует большую часть того, в чем она нуждается, а ее экспорт ограничен, главным образом, сырьем. Еще более важна финансовая зависимость России от Запада.

Россия сталкивается с большими внутренними трудностями и проблемами, но эти проблемы могут быть решены, и трудности преодолены. Здесь снова можно привести исторические примеры, такие как восстановление Франции после 1870-1871 и восстановление Германии после Первой мировой войны. В позднем Средневековье и в начале Нового времени шведы и швейцарцы были известны как самые лучшие и самые жестокие солдаты, но это больше не так. Великобритания была известна как новаторская индустриальная страна в полном смысле этого слова, тогда как Китай считался страной, в которой никогда ничего не менялось. Времена изменились.

Соединенные Штаты и Европа проходят через период большой психологической слабости. Европейский проект, движение к единству, выдохся. Это может быть началом конца, но это может также привести к выздоровлению Европы.

К российским слабостям относится фатальная вера во все виды теорий заговора и странные идеи, такие как неоевразийство, негеополитика, конфабуляция и западофобия, что сопровождается устойчивой манией преследования и преувеличенной верой в историческую миссию. Такие недуги ни в коем случае не являются исключительно российскими, но ни в одной из стран Запада эти и подобные идеи не получили той легитимности, которую присвоили им Александр Дугин и части интеллигенции, или использовались для влияния на практическую политику, как определено лидерами России. Националистические чувства не раз значительно усиливались во многих странах, но трудно вспомнить накопление ненависти, подобное тому, которое имело место в России в последние годы. Можно было бы утверждать, что такие недуги, возможно, не длятся вечно, они могут ослабнуть или даже исчезнуть. Но в настоящее время, в эпоху оружия массового уничтожения, они – большая опасность.

Совсем недавно, после окончания Холодной войны, на Западе преобладала вера в то, что демократия была нормальным положением дел, а все другие формы правления – это лишь прискорбное отклонение от нормы, которое не будет длиться долгое время. Это предположение, как оказалось, было сверхоптимистичным. Авторитарный менталитет многих россиян, в равной мере правителей и управляемых, изменится только в результате культурной революции, которая до сих пор не произошла.

Это повод для определенной печали у российских демократов, но реальности нужно смело смотреть в лицо. События последних двух десятилетий показали, что в России хаоса боятся намного больше, чем авторитарного правления и диктатуры. Пока половина людей верит в величие и доброту Сталина, ничего другого и не следует ожидать. Это может однажды измениться, но пока можно

только надеяться, что ситуация не ухудшится до еще более жестокой формы правления. Российские крайне правые и экстремисты увеличили свое влияние за эти годы, но настоящий зрелый фашизм кажется маловероятным. До некоторой степени опыт времен Сталина все еще действует как средство устрашения для многих, и даже те, кто находит оправдания событиям тех лет, не хотят, чтобы они повторились.

Но отступление от авторитарного правления к более демократической системе кажется столь же маловероятным. Советский Союз при коммунизме мог рассчитывать на поддержку коммунистов во всем мире. Правонационалистическая Россия может найти (или купить), нескольких сочувствующих за границей, но не намного больше. Советская доктрина базировалась на предположении, что мировая революция, в конце концов, победит повсюду. Сегодня не может быть такой перспективы, которая ставит естественные границы российской экспансии. Но, с другой стороны, трудно представить себе сложение полномочий нынешних правителей, если только им не гарантируют (как гарантировали Ельцину), что их после отставки не будут преследовать в уголовном порядке, например, из-за состояний, накопленных за время пребывания у власти.

Как достигнуть этого? Вряд ли в результате свободных и беспрепятственных выборов. Если бы это было только по этой причине, то переход к более демократическому режиму был бы действительно трудным. Однако есть дополнительные проблемы, такие как традиционный российский страх перед свободой среди широких групп населения. Как только мания преследования стала глубоко укорененной, она легко может повернуться и в неправильном направлении – вовнутрь, против собственного народа и правительства. Если враги скрываются всюду, они могли бы быть среди соседей; никому больше нельзя доверять. Возрастающий поток российского национализма, заменяющего старую интернационалистскую доктрину, является обоюдоострым мечом. Как только шовинистический джин оказался выпущен из бутылки, он может быть направлен не только против Запада, он может найти и внутренние цели, такие как национальные меньшинства и миллионы иностранных рабочих в настоящее время в России. Как спросил посол одной из среднеазиатских республик своих российских друзей в Москве: «Что вы делаете с нашими людьми, работающими на вас? Они возвращаются домой воинственными исламистами».

Западная свобода действий, чтобы способствовать более дружественным отношениям, ограничена. Даже если бы позиция Запада по отношению к России руководствовалась беспрецедентной дружбой и уважением, отвечая положительно на все российские требования, нет никакой уверенности, что это имело бы желаемый эффект. Самокритика не была в моде в России в течение долгого вре-

мени; если в России что-то идет не так, как надо, то практически всегда это вина иностранцев. Согласно опыту прошлого, восприятие России как осажденной крепости уходит глубоко и происходит из далекого прошлого. Потому что, если Россия не была такой крепостью, то как оправдать авторитарное правление, множество ограничений, навязанных населению, потребовавшиеся жертвы, и все недостатки режима? Поэтому перспективы длительного примирения и улучшившихся отношений с Западом, по-видимому, не являются блестящими в настоящее время.

Перемены обязательно должны наступить. Но когда и как, и в каком направлении – этого никто не может сказать с хоть какой-то уверенностью. Будут ли они к лучшему или к худшему? Тройка Гоголя, упомянутая ранее, с ее звоном колокольчиков, много раз появляется в русской культуре; она обычно являлась основной частью зимней сцены. Она появляется как в народных песнях, так и в высокоинтеллектуальной литературе. В одной народной песне ямщик (извозчик) получает поцелуй от симпатичной девушки, но есть также истории о бедах, причиненных пьяным ямщиком. В старой России ямщик должен был проходить специальную подготовку, почти столь же полную, что и лондонский таксист. Но не все они ее проходили. И кто же является пассажиром в великом романе Гоголя? Чичиков, не один из самых положительных героев в русской литературе, а мошенник, воплощение пошлости. Так гоголевская тройка скачет вперед как прежде, ямщик не жалеет лошадей, и можно только надеяться, что он хотя бы в общих чертах знает, куда он едет, и знает способ, как добраться до своего пункта назначения без слишком большого риска для его пассажиров и для остального человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

(Имена авторов и названия иностранных книг приведены в оригинальном написании – прим. перев.)

Опоры новой русской идеи

«Русская идея» Николая Бердяева (The Russian Idea, New York: Macmillan, 1948), самая известная работа на эту тему; она занимается ее религиозными, а не националистическими аспектами. Общие работы о поиске идентичности, явного предназначения России и о связанных с этим вопросах включают Wendy Helleman, The Russian Idea: In Search of a New Identity (Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2003); James Billington, Russia in Search of Itself (Baltimore: Johns

Hopkins University Press, 2004); Michael Lane Bruner, *Strategies of Remembrance: The Rhetorical Dimensions of National Identity Construction* (Columbus: University of South Carolina Press, 2002); и Marlene Laruelle, *Russian Nationalism and the National Re-assertion of Russia* (London: Routledge, 2009). Другой полезный сборник текстов – Geoffrey Hosking and Robert Service, eds., *Russian Nationalism, Past and Present* (New York: St. Martin's Press, 1998).

О политико-идеологических событиях в течение последних двух десятилетий, см. Victor and Victoria Trimondi, *Krieg der Religionen: Politik, Glaube und Terror im Zeichen der Apokalypse* (München: W. Fink, 2006). О Черной сотне, см. Walter Laqueur, *Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia* (New York: HarperCollins, 1993, издавалась в России в 1994 году как Уолтер Лакер, «Черная сотня. Происхождение русского фашизма»).

Вадим Кожин в книге «Правда «Черной Сотни» (Москва: Эксмо/Алгоритм, 2006) представляет защиту Черных сотен. Кожин был литературным критиком и историком, но также и ведущим правым идеологом. Хотя он не являлся коммунистом, он защищал Сталина от его критиков, утверждая, например, что культ Сталина был создан не в Советском Союзе, а иностранцами.

Для общего краткого обзора российской интеллектуальной истории, важной для темы этой книги, см. Andrzej Walicki, *The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought* (Oxford: Clarendon Press, 1975). Также см. всестороннюю антологию, составленную и отредактированную Marc Raeff под названием *Russian Intellectual History* (New York: Harcourt, Brace, 1966).

На темы конфабуляции самая всесторонняя недавняя работа это William Hirstein, ed., *Confabulation: Views from Neuroscience, Psychiatry, Psychology and Philosophy* (Oxford: Oxford University Press, 2009).

Конфабуляция

Собрание сочинений Владимира Соловьева было издано в Санкт-Петербурге между 1911 и 1914 года. Несколько антологий появились в английском переводе, в частности Vladimir Solovyov, *Politics, Law and Morality: Essays*, trans. and ed. Vladimir Wozniuk (New Haven: Yale University Press, 2000).

Большинство книг Николая Бердяева было издано на английском, французском и других языках, включая *The Meaning of History* (New York: Scribner, 1936). Существует также длинное автобиографическое эссе *Dream and Reality: An Essay*

in *Autobiography* (New York: Macmillan, 1951). О Бердяеве и неравенстве, тема, которая очаровывала Путина, см. Marko Markovic, *La philosophie de l'inegalite et les idees politiques de Nicolas Berdiaev* (Paris: Nouvelles Editions Latines, 1978).

Собрание сочинений Георгия Петровича Федотова в двенадцати томах начало появляться на русском языке в 1996. Отобранные эссе были изданы на русском языке во многих томах во Франции и Соединенных Штатах, включая «Лицо России» (Париж: YMCA Press, 1976). Ввиду своих политических склонностей Федотов в настоящее время не является «персона грата» в России.

Ильин и фашизм

Ивана Ильина часто цитировали Путин и другие нынешние ведущие российские политические фигуры. Большинство его работ было переиздано на русском языке в последние годы, включая «О монархии и республике» (Нью-Йорк: «Содружество», 1979).

Среди славянофилов и националистических авторов девятнадцатого века наибольшим спросом в России в настоящее время пользуются Николай Данилевский и Константин Леонтьев. Классическая книга Данилевского «Россия и Европа» была переиздана в России в 1995 году («Россия и Европа», 6-е издание [Санкт-Петербург, «Глагол» и Издательство Санкт-петербургского университета, 1995]), и есть его биография – Robert E. MacMaster, *Danilevsky: A Russian Totalitarian Philosopher* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967). О Константине Леонтьеве, см. сайт knleontiev.narod.ru и страницу о Леонтьеве на сайте pravoslavie.ru.

Русское мессианство

Русское мессианство остается до настоящего времени темой, которой обычно пренебрегают. Важное раннее исследование – Emanuel Sarkisyanz, *Russland und der Messianismus des Orients* (Tübingen: J. C. B. Mohr, 1955). Также см. Леонид Кацис, «Русская эсхатология и русская литература» (Москва: ОГИ, 2000).

Ведущий эксперт по Антихристу – немецкий ученый Михаэль Хагемайстер (<http://www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/v-geschichte-und-kulturen-osteuropas/ehemalige/dr-michael-hagemeister>). Некоторые из важных текстов по теме могут быть найдены в переводе на немецкий язык в книге Bodo Zelinsky, *Das Böse in der Russischen Kultur* (Köln: Böhlau, 2008).

Об истории концепции «Третьего Рима» см. Peter Duncan, *Russian Messianism: Third Rome, Holy Revolution, Communism, and After* (London: Routledge, 2000).

Евразийство

О классическом евразийстве см. Otto Boss, *Die Lehre der Eurasier: Ein Beitrag zur Russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts* (Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1961). Основной манифест движения объяснен в сборнике «Исход к Востоку», составленном Петром Савицким – Peter Savitsky, ed., *Exodus to the East* (Idyllwild, CA: Charles Schlacks Jr., 1996). О присвоении и поглощении оригинального евразийства Александром Дугиным и компанией, см. Marlene Laruelle, *Eurasianism: An Ideology of Empire* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2008), и Dmitry Shlapentokh, *Russia Between East and West: Scholarly Debates on Eurasianism* (Leiden: Brill, 2006). Также см. Herman Pirchner, *Reviving Greater Russia? The Future of Russia's Borders with Belarus, Georgia, Kazakhstan, Moldova, and Ukraine* (Washington, D.C.: American Foreign Policy Council, 2005). Wayne Vucinich, *Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, Stanford University, 1972), в этой книге рассматриваются более широкие проблемы, не одно только евразийство.

Русский национализм

Больше о национализме во время советского периода можно прочесть в книге: Николай Митрохин, «Русская Партия» (Москва: «Новое литературное обозрение», 2003). Также см. John B. Dunlop, *The Faces of Contemporary Russian Nationalism* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983) и *The New Russian Nationalism* (New York: Praeger, 1985); Alexander Yanov, *The Russian Challenge and the Year 2000* (New York: Basil Blackwell, 1987); и Marlene Laruelle, *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia* (New York: Palgrave Macmillan, 2009).

Оппозиция

Marc Bennetts, *Kicking the Kremlin: Russia's New Dissidents and the Battle to Topple Putin* (London: Oneworld, 2014)

Oliver Bullough, *The Last Man in Russia: The Struggle to Save a Dying Nation* (London: Penguin Books, 2013)

Masha Gessen, *Words Will Break Cement: The Passion of Pussy Riot* (New York: Riverhead Books, 2014)

Ben Judah, *Fragile Empire: How Russia Fell In and Out of Love with Vladimir Putin* (New Haven: Yale University Press, 2013)

Константин Воронков, «Алексей Навальный: гроза жуликов и воров», (Москва: «Эксмо», 2012)

Дугин и Гумилев

Многие из книг Александра Дугина доступны на русском и английском языке. Среди них: «Конспирология», (Москва: «Арктогея», 1992); *The Fourth Political Theory* (London: Arktos, 2012); и *Putin vs. Putin: Vladimir Putin Viewed from the Right* (London: Aktos, 2014).

Многие лекции Дугина можно найти на YouTube, так же как на его вебсайте dugin.ru, в т.ч. его продолжительное интервью с Владимиром Познером.

Льву Гумилеву посвящены несколько интернет-сайтов; см. его портал (<http://gumilevica.kulichki.net/English/>) для полной библиографии, включая (среди других) «Древняя Русь и Великая степь» (Москва: «Мысль», 1989); «Этногенез и биосфера земли» (Ленинград: Azbooka-Atticus, 2013); и «География этноса» (Ленинград: «Наука», 1993). Многие из его книг по истории гуннов, хазар, этногенезу и другим темам были переведены.

(Следует заметить, что многие сторонники взглядов Льва Гумилева (как и многие сторонники классического евразийства вообще) никоим образом не считают Дугина ни евразийцем, ни преемником Гумилева, видя в нем лишь «псевдо-евразийца» и шарлатана. См., например, главу «Дугин и Гумилёв, или Фальшивый наследник» в книге Сергея Белякова «Гумилев сын Гумилева», вероятно, лучшей на сегодня биографии этого интересного русского ученого. Беляков пишет о Дугине так: «Дугин – принципиальный противник научного познания, может быть, поэтому его книги пестрят забавными фактическими ошибками. Пока он рассуждает о символах, знаках и тайных смыслах, всё идёт хорошо, но стоит Дугину обратиться к истории или физической географии, как профессор превращается в двоечника». – прим. перев.)

Православная церковь

S. L. Frank, ed., *A Solovyov Anthology* (New York: Scribner, 1950)

John Gordon Garrard and Carol Garrard, *Russian Orthodoxy Resurgent: Faith and Power in the New Russia* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008)

Konstantin Leontiev, *Against the Current: Selections from the Novels, Essays, Notes, and Letters of Konstantin Leontiev* (New York: Weybright and Talley, 1969)

Christopher Marsh, *Burden or Blessing?: Russian Orthodoxy and the Construction of Civil Society and Democracy* (Boston: Boston University, Institute on Culture, Religion, and World Affairs, 2004)

Birgit Menzel and Michael Hagemester, *The New Age of Russia: Occult and Esoteric Dimensions* (München: Otto Sagner, 2012). Хагемайстер – ведущий эксперт в этой сфере; полный список его работ о «Протоколах сионских мудрецов» и других темах см. на его сайте <http://www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/v-geschichte-und-kulturen-osteuropas/ehemalige/drmichael-hagemester/>.

Jonathan Sutton, ed., *Orthodox Christianity and Contemporary Europe* (Dudley, MA: Peeters, 2003)

Михаил Вострышев, «Патриарх Тихон», (Москва: «Молодая гвардия», 1995)

Правые радикалы

За последние пятнадцать лет появилось много правой экстремистской литературы. Среди успешных практиков Николай Стариков (<http://nstarikov.ru/en/>), санкт-петербургский телевизионный продюсер, которого многие считают видным конспирологом, уступающим только Александру Дугину. Так как приблизительно 80 процентов российской общественности получают информацию о внутренних и внешних делах из телевизора, не следует недооценивать вклад телепродюсеров и писателей, таких как Стариков и Михаил Леонтьев. Максим Калашников написал бестселлеры под названием «Война с Големом» (Москва: АСТ, 2006) и «Путин Инкорпорейтед» (Москва: Эксмо/Алгоритм, 2013). Ежедневная газета «Завтра» (прежде «День») является глашатаем этого лагеря.

(Надо заметить, что автор в книге вообще не упоминает русских антиимперских националистов и антипутинских правых и национал-демократов, вероятно, вви-

ду их небольшой роли в России и практической неизвестности на Западе. – прим. перев.)

Внешняя политика и нефтегосударство

Anders Aslund and Michael McFaul, *Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2006)

Marshall Goldman, *Petrostate: Putin, Power, and the New Russia* (New York: Oxford University Press, 2008)

Thane Gustafson, *Crisis Amid Plenty: The Politics of Soviet Energy under Brezhnev and Gorbachev* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991)

Capitalism Russian-Style (Cambridge: Cambridge University Press, 1999)

Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia (Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2012)

Per Högselius, *Red Gas: Russia and the Origins of European Energy Dependence* (New York: Palgrave Macmillan, 2012)

Edward Lucas, *The New Cold War: The Future of Putin's Russia and the Threat to the West* (New York: Palgrave Macmillan, 2008)

Jürgen Roth, *Gazprom—Das Unheimliche Imperium: Wie Wir Verbraucher Betrogen und Staaten Erpresst Werden* (Frankfurt: Westend, 2012)

David Satter, *Darkness at Dawn: The Rise of the Russian Criminal State* (New Haven: Yale University Press, 2003)

Angela Stent, *The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-first Century* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014)

Jonathan P. Stern, *The Future of Russian Gas and Gazprom* (Oxford: Oxford University Press, 2005)

Strobe Talbott, *The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy* (New York: Random House, 2002)

Dmitri Trenin, *Post-Imperium: A Eurasian Story* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2011)

Getting Russia Right (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2007)

Олигархи

David E. Hoffman, *The Oligarchs: Wealth and Power in the New Russia* (New York: Public Affairs, 2001, издавалась в России в 2007 году в русском переводе как Дэвид Хоффман, «Олигархи. Богатство и власть в новой России».

Richard Sakwa, *Putin and the Oligarchs: The Khodorkovsky-Yukos Affair* (New York: I. B. Tauris, 2014)

Сталинизм и рестаилинизация

Вениамин Кольковский, «1953: Ликвидация Сталина» (Москва: «Эксмо», 2013)

Maria Lipman, Lev Gudkov, and Lasha Bakradze, *The Stalin Puzzle: Deciphering Post-Soviet Public Opinion* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2013)

Сергей Минаков, «1937: Заговор был!» (Москва: «Эксмо», 2010)

Константин Романенко, «Почему ненавидят Сталина?: Враги России против вождя» (Москва: «Яуза-Пресс», 2013),

Нодари Александрович Симония, «Историография сталинизма» (Москва: «РОС-СПЭН», 2007)

Путин и путинизм

За последнее десятилетие было издано много биографий Путина. Англоязычные в целом превосходят российские, большинство из которых либо принадлежат к жанру агиографии, либо являются резко полемическими. Среди книг американских и британских авторов следует упомянуть следующие:

Anna Arutunyan, *The Putin Mystique: Inside Russia's Power Cult* (Newbold on Stour, UK: Skyscraper Publications, 2014)

Peter Baker and Susan Glasser, *Kremlin Rising: Vladimir Putins Russia and the End of Revolution* (New York: Scribner, 2005)

Karen Dawisha, *Putins Kleptocracy* (New York: Simon and Schuster, 2014)

Masha Gessen, *The Man Without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin* (New York: Riverhead Books, 2012)

Luke Harding, *Expelled: A Journalist's Descent into the Russian Mafia State* (New York: Palgrave Macmillan, 2012)

Fiona Hill and Clifford Gaddy, *Mr. Putin: Operative in the Kremlin* (Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2012)

Richard Sakwa, *Putin: Russia's Choice* (London: Routledge, 2004)

Andrei Soldatov and Irina Borogan, *The New Nobility: The Restoration of Russia's Security State and the Enduring Legacy of the KGB* (New York: Public Affairs, 2010) (русское издание: Андрей Солдатов и Ирина Бороган, «Новое дворянство. Очерки истории ФСБ». 2011 г.)

Dimitri Trenin, *Integratcia* (Washington, D.C.: Carnegie Foundation, 2006). См. также другие его книги и статьи, опубликованные Фондом Карнеги.

Лучшие из книг о раннем правлении Путина, написанные российскими авторами, это книги Лилии Шевцовой, особенно «Путинская Россия» (Lilia Shevtsova, *Putin's Russia* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2003)).

Vladimir Putin, *First Person* (New York: Public Affairs, 2000) – русское издание «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» – это серия интервью Путина с российскими журналистами о его ранней жизни.

Смотрите также:

Станислав Белковский, «Сущность режима Путина» (Москва: «Эксмо», 2012)

Edward Lucas, *Deception: The Untold Story of East-West Espionage Today* (New York: Walker, 2012)

Алексей Мухин, «Поколение 2008» (Москва: «Алгоритм», 2006)

Anna Politkovskaya, *Putin's Russia* (London: Harvill Press, 2004). Анна Политковская, ведущая журналистка в области журналистских расследований, была убита. Как так часто происходит при подобных обстоятельствах, мотивы и главные виновники так и не были полностью и точно определены.

Vladimir Soloviev, *Empire of Corruption* (London: Glagoslav Publications, 2014)

Россия и ислам

Gordon Hahn, *Russia's Islamic Threat* (New Haven: Yale University Press, 2007)

Алексей Малашенко, «Ислам для России» (Москва: «РОССПЭН», 2007)

Сокращенный перевод с английского: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2015 г.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).